

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Вступительное слово	0	Забота о людях старшего возраста Олескина Е.А.
0	Вступительное слово		Система долговременного ухода: старость не должна быть временем,
	приглашенного редактора5		когда человек остается наедине
0	Эйджизм Дроздова Т.		со своими бедами и болезнями или становится обузой для семьи59
	Эйджизм в коммуникации: медиа, тексты, повседневное общение7		Морозова М.А. Community care: забота о пожилых людях
	Бабат К. М. Эйджизм в профессиональной сфере:		в ближайшем окружении66
	проблематизируя — преодолеваем	0	Психология возраста Щеткина А. Л.
	Здравомыслова Е.А. Мужчины и женщины: старение в оптике гендерного подхода16		Где мы на пути борьбы с деменцией? Немного об опыте — личном, российском, зарубежном72
0	Возрастной максимализм Смолькин А. А. Социология возраста		Ермолаева А. Пожилые люди во Франции глазами психолога
	Рогозин Д. М. Счастье и свобода в старости: власть, секс, путешествия	0	Вызовы старшего возраста Миськова Е. В. Жестокое обращение с пожилыми людьми — проблема нашего времени
0	Государство и пожилые Синявская О.В. От активного к здоровому долголетию. Какой может быть модель социальной политики		Мизиано В. А. Возраст в системе современного искусства: новый взгляд на молодого и старого художника
	в интересах граждан старшего поколения в современной России45		Сенаторова Н. Б. Играй, живи, общайся — размышления о старших и коммуникациях (из опыта преподавания
	Файн С. В. Итоги COVID-19: уязвимость и ценность старших		компьютерной грамотности старшим в «Некрасовке»)94
	Иванов П.В. Старшие как субъект развития малых территорий: способные менять и меняться56	0	Трендвотчинг Бордунова А. М. Ключевые тренды

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «Старые люди — новые тренды»

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Социологи знают, что возраст — это сложный поведенческий конструкт, в который включены и биологические драйвы, и усвоенные в течение жизни социальные нормы поведения. «Консенсусная реальность» формируется в результате социальных взаимодействий, она конструируется не только индивидом, но и обществом: любые наши обыденные конструкции, будь то представление о правильном материнстве или о нормальной сексуальности, являются продуктом коммуникации и совместной деятельности людей. Именно этим объясняется, что в разных обществах старость начинается в разных возрастах. Так, когда-то в России было нормально считать стариком 35-летнего человека. При этом жизнь людей в социуме организована таким образом, что они могут умышленно или ненамеренно модифицировать или даже ломать те или иные нормы (разрешать однополые браки, отменять расовую дискриминацию, обогащать речь неологизмами и т.п.), а параллельно с этим переписываются их коллективные представления, например, о молодости и о старости. Понимание нормального и уместного различается от страны к стране, от одного исторического периода к другому.

Можно сказать, что активная старость в современных мегаполисах — это продукт общества потребления. Современный пожилой человек в развитых странах вынужден достаточно долго работать и активно потреблять, ведь потребление для современных людей стало одним из главных способов выражения чувств: если я люблю кого-то, я дарю ему вещи. А если я хорошо отношусь к себе — покупаю вещи и услуги себе, на это активно работает и индустрия красоты, формирующая новый образ эстетичной старости. В крупных городах теперь не всегда просто отличить уставшую 30-летнюю женщину от бодро выглядящей пенсионерки.

Тема «третьего возраста» с неизбежностью набирает популярность не только под влиянием бизнеса, но и по причине нового тренда: многие страны мира столкнулись со старением населения. Что делать с таким количеством

пожилых людей в условиях ограниченности ресурсов — вопрос, на который отвечают очень по-разному в разных странах. Образ одинокого и беспомощного пожилого человека для цивилизованных стран больше не норма; семья, надрывающаяся при уходе за пожилым родственником, тоже не норма. Норма — организация долговременного ухода, активное долголетие, гуманная старость.

Как обстоят дела в России и за ее пределами, с какими вызовами сталкиваются пожилые люди, какие шаги предпринимает государство — об этом и не только расскажут наши эксперты.

Теперь каждый выпуск мы будем сопровождать кратким аналитическим резюме по трендам, которые вырисовываются на основе собранных материалов. Надеемся, это станет хорошим подспорьем для экспертов, аналитиков и исследователей. Так что не забудьте заглянуть в материал «Ключевые тренды».

И, как обычно, для вас — расширенная подборка данных ВЦИОМ по теме выпуска.

Желаю приятного и полезного чтения,

Анна Кулешова, главный редактор СоциоДиггера

P.S. Если вы готовы поделиться экспертизой и стать автором СоциоДиггера, пишите на kuleshova@wciom.com или nnsedova@wciom.com. С нас — данные!)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

Мне часто задают вопросы: «Татьяна, как живут люди старшего возраста? Как они пользуются интернетом? Куда они ходят? Что они покупают?» — будто в наших реалиях можно удивить кого-то своими покупками.

Но на самом деле нет никакого «ОНИ». Нет одной и той же корзины для каждого старшего, нет единого старческого интернета, нет единого места в городе, куда стекаются пожилые люди.

Нет даже точной цифры, когда «ОНИ» начинаются. Моя знакомая 49 лет поделилась, что на интервью рекрутер спросил ее: «А у вас есть какие-то проблемы связанные, кхекхе, с возрастом?» Вопрос поставил ее в тупик. Действительно, непросто понять, какие из наших проблем связаны с возрастом, какие — с восприятием возраста окружающими, а какие с нашим собственным взглядом на старение. Или «взросление», если вам угодно.

В то же время мою 66-летнюю маму в магазине упорно продолжают называть «девушка», потому что обращение «женщина», кажется, отмирает, а ничего нового так и не придумали. И в целом есть проблема с обозначением старшего возраста, который все пытаются замаскировать, чтобы никого не обидеть: «серебряный возраст», «возраст мудрости», «возраст счастья».

Иногда говорят «мероприятие для любого возраста», имея в виду, что старшим будут рады, и это прекрасно. Но внутри себя мы не чувствуем, что возраст «любой». Он вполне определенный. Он приходит вместе с кризисом идентичности, который заставляет принимать решения о том, кто мы такие на новом витке жизни, зачем мы нужны в обществе, если уже не можем или не хотим работать, зачем мы нужны в семье, если уже не вносим финансовый вклад и не являемся авторитетом для внуков-подростков.

Иногда кажется, что «ОНИ» живут в параллельном мире. Есть мир социальных сетей, диджитал-профессий, толерантности, городской джентрификации, современного искусства, и этот актуальный мир никак не пересекается с «НИМИ». В этом номере мы постарались показать, как люди старшего возраста присутствуют в поле современных трендов — демографических и социальных, трендов вокруг смыслов и технологий, вокруг развития территорий и изменения отношений между людьми.

В качестве авторов мы пригласили тех, кто непосредственно и глубоко погружен в исследовательскую и общественную работу, тех, кто поднимает и решает самые разные проблемы самых разных старших, а главное — мы пригласили тех, кто расширяет пространство свободы для окружающих и себя самих в старшем возрасте.

Мы постарались показать, что нет никакого «ОНИ». Есть мы, и мы столкнемся или уже столкнулись, кхе-кхе, с проблемами возраста, с границами, которые поставят нам окружающие, и ярлыками, которые на нас повесят. Если мы доживем до 85 лет, то с большой долей вероятности столкнемся с деменцией. И кажется, что настоящие вызовы возраста состоят в том, чтобы каждый день искать свою субъектность, смысл и расширять свое будущее, даже если формально его дней становится все меньше.

Татьяна Дроздова

исследователь эйджизма, специалист в области инклюзии, возрастного разнообразия и межпоколенческого взаимодействия, эксперт и консультант нескольких фондов и программ, посвященных социальному проектированию, возрастному разнообразию, D&I и др.

ТАТЬЯНА ДРОЗДОВА

исследователь эйджизма, специалист в области инклюзии, возрастного разнообразия и межпоколенческого взаимодействия, эксперт и консультант нескольких фондов и программ, посвященных социальному проектированию, возрастному разнообразию, D&I и др.

ЭЙДЖИЗМ В КОММУНИКАЦИИ: МЕДИА, ТЕКСТЫ, ПОВСЕДНЕВНОЕ ОБЩЕНИЕ

Общества меняются, становясь более толерантными и корректными, в том числе по отношению к людям старшего возраста. Язык, тональность, изображения старших в медиа становятся менее дискриминирующими. Эта тенденция берется из прагматики государства и бизнеса: государство стремится к тому, чтобы человек дольше работал, а бизнес — к тому, чтобы он больше покупал, независимо от возраста. Поэтому медиа все больше наполняются новыми ролевыми моделями — образами активных старших: они успевают заработать, побыть с семьей, сходить в спортзал. Но так ли все хорошо с медиаобразами людей среднего и старшего возраста? И так ли все хорошо с нашим повседневным языком в плане эйджизма?

Взаимосвязь языка и мировоззрения

Мировоззрение и язык крепко связаны. Наши мысли; идеи, которые нас вдохновляют; наш образ жизни и те люди, с которыми мы общаемся — все это определяет наш язык. Но и сами слова влияют на нас; они несут и транслируют смыслы, которые могут подпитывать наши стереотипы о других людях и о самих себе. Стоит настроить соответствующую оптику, и бытовой эйджизм станет заметен буквально повсеместно. Вот несколько историй, чтобы проиллюстрировать это.

Современный работодатель пытается витиевато сформулировать вакансию: «Мы динамичная команда, и по нашим наблюдениям коллеги с большим жизненным опытом и экспертностью не всегда готовы к нашему ритму». За формальным комплиментом кроется намек, что старшим кандидатам не будут рады.

В суде юристка роняет фразу: «И вообще, сложности 70-летней бабки не имеют никакого значения». Хамство само по себе, но приправлено указанием на то, что женщина старшего возраста ниже остальных в социальной иерархии и ее проблемы на последнем месте.

Еще один случай: танцевальный клуб на своем сайте пишет, что принимает женщин только до 35 лет — якобы из-за «повышенных физических нагрузок». В реальности руко-

водители клуба просто не хотят пускать туда старших женщин, потому что партнерам будет «неприятно» с ними танцевать. И все это под видом заботы о здоровье.

В Европе представить себе все это сложно. Так, в Великобритании менеджер магазина отсудила у своего начальника 17 тысяч фунтов за то, что тот во время конфликта назвал ее старухой. Суд признал это дискриминацией по возрасту.

Все это демонстрирует, как слова, риторика, коммуникация, а также исключение из нее могут унижать человеческое достоинство, превращать возраст в проблему, заставляя людей сомневаться в своих возможностях.

Латентный эйджизм

Как же чаще всего проявляется подспудный эйджизм в общении и коммуникации? **Во-первых**, в неуместных комплиментах. Мы говорим — «ты выглядишь молодо» или «он молод душой». Хотя по факту имеем в виду то, что человек выглядит хорошо, свежо, активно. При этом автоматически подразумевается, что люди старшего возраста выглядят плохо, и все мы неизбежно будем выглядеть все хуже и хуже.

Сама категория молодости с исключительно положительными коннотациями определяет старое как плохое, грустное, неэстетичное. Такие сомнительные комплименты вселяют страх возраста и негативное отношение к самим себе. Привыкнув к «молодым» комплиментам, в старшем возрасте мы не оставляем себе причин для радости.

Во-вторых, эйджизм проявляется в бездумных обобщениях: «люди старшего возраста страдают от деменции» или «пожилые люди испытывают большую тревожность». Вместо этого лучше сказать, что «с возрастом вероятность деменции растет», «некоторые люди старшего возраста страдают от тревожности». Это не только корректнее по отношению к старшим, но и более правдиво.

Часто обобщениями страдают государственные деятели, которые рассуждают про то, что важно или неважно для «старшего поколения», что старшие любят или не любят — будто существует какой-то единственный типаж человека старшего возраста с единым набором потребностей и предпочтений. И снова отметим коварную роль комплиментов. Дифирамбы вроде «наши мудрые старики, наша опора, хранители традиций, которым положен почет» — звучат формально, отделяют старших людей от остальных и навязывают роль свадебного генерала, в то время как в реальности мы живем в обществе дискриминации.

Еще один смешной пример эйджистского обобщения — объявление в социальных сетях: «Ищу квартиру, не бабушкин ремонт». Под «бабушкиным ремонтом» подразумеваются советские гарнитуры, ковры на стенах и сервизы за стеклом. Это типичная стигматизация старших женщин как людей с плохим несовременным вкусом. Если старшая — то обязательно безвкусица, если безвкусица, то назовем это бабушкиным вкусом.

Эйджистские обобщения можно обнаружить даже в мемах! Есть, например, такая фраза-мем: «ОК, бумер.» Бумеры — это люди, родившиеся в 1945—1961 годах, то есть в период бэби-бума. Им сейчас 60 или больше. Но на современном жаргоне это уже

кто угодно старше 40 лет, кто лезет с непрошенными поучениями. Примерный смысл фразы: «с этим старым занудой спорить бесполезно, ему все равно ничего не докажешь». Почему же фраза эйджистская? Потому что она привязывает определенный тип поведения (морализаторство и поучения) к возрасту, к поколению. Вроде забавный мем, а на самом деле обидный намек.

В-третьих, эйджизм может прятаться за покровительственной заботой, объективизируя пожилых людей, лишая их субъектности и ограничивая свободу принятия решений.

Например, это может проявляться в отношениях врачей и старших пациентов. Врач автоматически начинает говорить более громким голосом, хотя у пациента со слухом все нормально, упрощает информацию, не предоставляет пациенту вариантов выбора, не объясняет детали и основания для тех или иных назначений.

Такой подход максимально масштабно проявился в период пандемии. И пресса, и соцсети, и даже официальные лица упрашивали «дедулечек» и «бабулечек» посидеть дома. Доходило до курьезов, когда бабушками человек при должности называл женщин младше него самого.

В-четвертых, эйджизм нередко навязывает представления о «правильном» и «неправильном» поведении в старшем возрасте. К сожалению, этим грешат и сами старшие, говоря, что «нам/вам это не по возрасту». Не по возрасту оказывается носить яркую одежду, ходить на пляж в купальнике, флиртовать, танцевать под современную музыку и заниматься сексом.

Тут эйджизм нередко заходит под аккомпанемент «достойной старости», часто иллюстрирующейся эстетичными фотографиями европейских пенсионерок, которые уж точно встречают старость «достойно». Казалось бы, такая мелочь, а ведь она тоже ограничивает нас в свободе делать то, что мы хотим.

И конечно же, эйджизм ищет случая, чтобы обозначить для нас рамки на рабочем месте: шуточки про возраст, замечания о планах на пенсию. Вопросы о том, «когда уже на заслуженный отдых» и предложения «дать дорогу молодым». Такая риторика не только задевает старших, но и вредит молодежи, которая и сама однажды окажется в предпенсионном возрасте.

Необидно и корректно

Теперь давайте разберемся в вопросе, а как же называть людей старшего возраста, чтобы это не прозвучало обидно и стигматизирующе?

Лично я ничего не имею против слов «старый» и «старость». Но в нашем эйджистском языке они имеют много негативных коннотаций: одиночество, отсталость, беспомощность. Поэтому я избегаю слова «старый», когда готовлю посты для блога или колонки для широкого круга читателей, а тем более, когда обращаюсь непосредственно к старшей аудитории, — чтобы никого не задеть. Люди говорят: «Я себя старым(ой) не считаю!». Ну если они сами себя не считают старыми, зачем я буду им это навязывать.

Также я не фанат намеков вроде «серебряный возраст», «почтенный возраст», «возраст счастья». Будто нам приходится скрывать что-то стыдное или камуфлировать неприятное.

Слово «пожилой», как мне кажется, корректно употреблять в отношении самого старшего возраста, после 75—80 лет. Смешно иногда в новостях читать: «пожилая женщина 45-ти лет», это совершенно неадекватно. А выражение «преклонный возраст» я бы не использовала из-за ассоциации с деградацией, согбенностью, слабостью.

Слово «пенсионер» — это термин, который, на мой взгляд, уместно употреблять в экономическом или профессиональном контексте: когда мы говорим о пенсионном возрасте, рынке труда, размерах пенсии, профессиональной жизни человека. То есть не прикрывалась бы им всякий раз, когда нужно обозначить возраст человека.

Еще есть ужасный термин «возраст дожития», который взялся из правительственных нормативных документов. Он звучит ужасно: как будто люди не живут, а безрадостно доживают. Так говорить нельзя никому.

Не стоит также называть «бабушкой» женщину, которой вы не внук или внучка. Слово «старушка» тоже достаточно фамильярное.

Какие же слова уместно использовать? Сама я предпочитаю говорить «старший/старшая», (аналог английского «elder» и «older»), когда речь идет о людях старше 60—65. Оно звучит мягче, чем «старый». В отношении тех, кто моложе 60 лет корректнее употребить словосочетание «средний возраст». Еще мне нравится выражение «третий возраст». Оно обычно употребляется по отношению к периоду активной, полноценной жизни после выхода на пенсию.

И наконец, мы с моей командой Young Old Lab придумали термин «новые старшие», чтобы обозначить активный сегмент старших, которые готовы бороться с эйджизмом, обладают прогрессивным взглядом на возраст, имеют новое понимание собственных возможностей и жизненных стратегий, — более свободное и разнообразное.

Простые правила

Предложу небольшой гайд, который поможет избежать эйджизма в коммуникации.

- ⇒ В разговоре о старших (либо с ними) важно избегать эпитетов, которые могут дать человеку почувствовать себя исключенным, униженным, обесцененным.
- ⇒ Лучше не употреблять выражения «эти люди», «они» в отношении старших. Особенно если «эти люди» сидят в зале или слушают вас. Замените на: «все мы с возрастом», чтобы подчеркнуть наше единство. Например, вместо «старшим людям нужно…» лучше сказать «с возрастом нам часто нужно…»
- → Отходите от обобщений. Возраст как таковой не маркер опыта, образа жизни или физического самочувствия. Стоит избегать штампов, заменяя их частными историями, это поможет избежать стереотипов.

- ⇒ Для обозначения старшей аудитории я бы предложила выбирать слова без негативных коннотаций. Вместо «престарелый, старый» более мягкое «старший» (или «пожилой» для самых старших людей). Вместо «преклонный возраст» «старший возраст».
- С моей точки зрения, не стоит увлекаться эвфемизмами. Есть сложные темы, связанные с возрастом: деменция, инвалидность, бедность. Эти темы лучше проговаривать без наигранной жалости и без покровительственного оттенка.
- ⇒ Разговаривать со старшими стоит на равных, без лишних упрощений и без того, чтобы ставить людей в детскую позицию. Не используйте выражение «наши старшие/ пожилые», как будто люди кому-то принадлежат. Лучше сказать: «старшие нашего города или коллектива».
- □ Повышайте голос только в том случае, если вас попросили или если вы уверены, что собеседник или собеседница вас не слышит.
- ⇒ Не стоит употреблять слово «молодой» как способ описать позитивные стороны человека и обесценивать слова «старый/старший». Лучше напрямую и по назначению использовать слова «активный», «привлекательный», «яркий», «свободный», которые и подразумеваются под условной молодостью.
- Бестактно давать советы о том, что уместно или неуместно, прилично или неприлично делать в старшем возрасте.
- Важно уважать право других людей выбирать то, как о них надо говорить. Если кто-то просит не употреблять в отношении себя слово «пожилой» или любое другое, не надо настаивать, даже если вам кажется, что оно идеально подходит.
- ⇒ Если чья-то речь, обращение или выражения кажутся нам эйджистскими, совсем не обязательно вступать в горячую полемику, уместнее обозначить свое отношение и хотя бы внутри себя называть эйджизм эйджизмом. Это хорошая профилактика стереотипов не только со стороны окружающих, но и внутри нас самих.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

БАБАТ КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА

магистр организационной психологии (НИУ ВШЭ), сертифицированный D&I эксперт (Стэнфорд), TEDx спикер, основательница первой в России консалтинговой компании по созданию культуры многообразия, равенства и инклюзивности Babat Consulting

ЭЙДЖИЗМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМАТИЗИРУЯ — ПРЕОДОЛЕВАЕМ

О распространенности эйджизма в профессиональной сфере

В России эйджизм характерен и для российского общества в целом, и для российских работодателей. По данным HeadHunter за 2016 г., 181% работодателей и 74% соискателей отмечали наличие возрастной дискриминации на рынке труда. Приоритет однозначно отдается молодым специалистам, а возрастные сотрудники являются наиболее уязвимой группой. Уже с 40 лет кандидаты отмечают свою «меньшую востребованность» у работодателя, а по мнению соискателей старше 45 лет, возраст занимает первое место среди причин отказа в трудоустройстве.

С одной стороны, пенсионная реформа 2018 г., к которой «никто не был готов», и одновременно запрет на увольнение предпенсионеров и пенсионеров вызвали тревогу у работодателей при имеющемся нежелании/неумении работать с возрастными работниками.

С другой стороны, сами возрастные кандидаты не всегда готовы гибко реагировать на изменения: постоянно обучаться новым навыкам, самостоятельно формировать стратегию выбора работы. Long Life Learning & Adult Education — тенденция, которая только набирает обороты. В России пока преобладает типовое представление о жизненном пути и карьере: школа, вуз, работа по специальности, курсы повышения квалификации, карьерный рост, пенсия. Вариант начала новой карьеры в совершенно другой области мало распространен.

Эйджизм в трудовых коллективах: палка о двух концах

Есть характерные признаками эйджизма в компании: возрастные сотрудники получают меньше откликов на резюме; сотрудники компании или HR часто допускают, что коллеги старшего возраста не разбираются в технологиях; молодые и менее квалифицирован-

¹ URL: https://hr-portal.ru/article/45-letnie-stariki-i-ih-perspektivy-na-rynke-truda (дата обращения: 28.05.2022).

ные сотрудники получают крупные проекты или возможности, в то время как старшие и более квалифицированные кандидаты не получают продвижения по службе без четких причин; старшие сотрудники оказываются исключены из внерабочей активности или общественных мероприятий.

Однако эйджизм может проявляться и в отношении молодых сотрудников. Например, на переговоры с клиентом могут направить более возрастного консультанта, потому что он или она «выглядят более солидно и экспертно». Молодого (или молодо выглядящего) руководителя могут не услышать на собрании. У моих клиентов был такой кейс. К топ-менеджменту компании, работающей в банковской сфере, присоединилась новая сотрудница, которая выглядела на двадцать с небольшим, хотя ей было за сорок. Долгое время одна из коллег демонстративно перебивала ее на собраниях, не поддерживала предлагаемые инициативы, не соглашалась с высказанным ею мнением. Однако как только в личном диалоге коллега узнала реальный возраст новой сотрудницы, ее поведение изменилось, она стала прислушиваться к мнению «новенькой», проявлять больше уважения.

Ценность старших сотрудников для компании

Ценность старших сотрудников — прежде всего в их экспертности. Возрастные кандидаты могут претендовать на должности, где важен не только профессиональный, но и жизненный опыт. Это особенно важно для производственного сектора. Недавно рекрутеры «Юнити» нашли на должность технического специалиста авиационной промышленности кандидата в возрасте 60 лет с уникальным многолетним профессиональным опытом. Подобные запросы не редкость: возрастные главные инженеры и руководители производств востребованы на рынке труда.

Сотрудники в возрасте старше 50 лет **лояльнее** молодых. Согласно отчету института Gallup, 32% работников-миллениалов готовы уйти на другую работу в течение года. Сотрудники старшей возрастной группы менее склонны к смене работодателя, а их приоритеты существенно отличаются от приоритетов молодых коллег².

У старших сотрудников **более адекватные зарплатные запросы**. У соискателей старше 40—45 лет нет завышенных ожиданий по зарплате: к этому времени человек знает рынок, способен проанализировать свои навыки и реально оценить себя. Кроме того, основные задачи — купить квартиру, вырастить детей и так далее — у таких людей уже в большей степени решены, финансовых обязательств меньше и отношение к деньгам более спокойное.

Возрастные сотрудники **быстрее показывают результат**. Разрыв между теоретическими знаниями выпускников вузов и реальностью бизнес-процессов огромен: молодому сотруднику нужно время, чтобы стать полезным. Специалист с большим жизненным

² В исследовании отмечается нежелание современных поколений причислять себя к каким-либо сообществам, религиозным или политическим группам. Они гораздо позже создают семьи и приобретают недвижимость или не делают этого вовсе, сознательно выбирая такой образ жизни. Однако при этом они являются основными двигателями изменений в мире в отношении экологии и создания комфортных условий жизни и работы. URL: https://www.gallup.com/workplace/236477/millennials-work-life.aspx (дата обращения: 28.05.2022).

и профессиональным опытом, связями и навыками, как правило, добивается результатов уже в первый месяц после трудоустройства.

Еще один важный момент — **репрезентативность** старших сотрудников по отношению к целевой аудитории, с которой работает компания. Среднестатистический россиянин — это женщина старше 40 лет, и с каждым годом ее возраст будет увеличиваться из-за общего демографического тренда на старение населения. Игнорируя старшую возрастную группу при приеме сотрудников, компания-работодатель лишается представителей целевой аудитории клиента в собственном коллективе.

Стратегии борьбы с эйджизмом

Возрастная дискриминация в трудовой сфере на законодательном уровне запрещена в ряде стран. Например, в США с 1967 г. действует закон против возрастной дискриминации в трудовой сфере для лиц старше 40 лет. В Британии работодатель за доказанный в суде факт дискриминации заплатит сотруднику компенсацию за моральный ущерб от £900 до £45 600 (примерно от 93 тыс. до 4,7 млн рублей). Во Франции за увольнение или отказ принимать на работу на основании возраста введена уголовная ответственность: штраф до €225 тыс. (~19 млн рублей) и лишение свободы сроком до трех лет.

Статья 3 Трудового кодекса РФ также формально запрещает дискриминацию по возрасту, однако существуют проблемы с правоприменением: доказать факт дискриминации в суде сложно, размер максимального взыскания с работодателя составит лишь 30 тыс. рублей, а органы государственной инспекции труда зачастую обращения по этому пункту просто не рассматривают.

На уровне компаний существуют кодексы этики или специальные руководства для предотвращения дискриминации, проводятся тренинги и программы адаптации для старших сотрудников, а также мероприятия по D&I-просвещению (D&I — разнообразие и инклюзивность) и образованию работников и руководства. Один из способов — эмоционально зацепить, заострить вопрос и расширить рамки нормы внутри компании. Для этого можно пригласить представителей разных возрастных групп (сотрудников компании, в идеале — представителей топ-менеджмента) и устроить между ними дебаты. Через личные истории людей можно получить представление об их реальных чувствах и потребностях, что помогает лучше видеть проблему, шире смотреть на нее и находить оптимальные решения.

В качестве конкретных решений для компаний по борьбе с эйджизмом можно также назвать курсы по обучению и развитию старших сотрудников (подобные программы есть у СберУниверситета и Яндекса), образовательные сессии по работе с предубеждениями и пересмотру социальных норм, отсутствие возрастных ограничений для стажеров компании, изменение маркетинговой стратегии для потребительского сектора, продвижение идеи разновозрастной аудитории и многое другое.

Популярен и лично мной очень любим метод обратного наставничества (reverse mentoring). Он возник в начале 1990-х, его идея заключалась в объединении молодых

сотрудников с членами руководящего состава, чтобы молодежь давала обратную связь лидерам о том, насколько эффективным они видят управление компанией и что еще можно сделать для развития и инноваций.

Современное обратное наставничество выходит далеко за рамки общения более молодых сотрудников и руководства: сегодняшние программы сосредоточены на рассмотрении того, что представители разных поколений думают о стратегических вопросах и лидерстве, как можно создать пространство для взаимообмена между опытом, экспертизой и современными тенденциями и решениями.

Обратное наставничество также содействует продвижению культуры D&I, в том числе решению проблемы эйджизма. Глобальная юридическая фирма Linklaters запустила пилотную программу обратного наставничества, чтобы улучшить понимание проблем меньшинств руководством. В 2014 г. PricewaterhouseCoopers также запустила программу обратного наставничества в рамках своего стремления к разнообразию и инклюзивности. Сейчас в программе участвуют 122 представителя молодого поколения, которые наставляют 200 партнеров и директоров по всему миру.

Однако давайте посмотрим, что будет происходить с повесткой D&I в России в ближайшее время. В нашей стране, согласно исследованию Hays³, лишь 27% компаний стараются предоставить равные возможности разным категориям сотрудников, проводя политику D&I, при этом 65% компаний даже не слышали о такой политике. Почти все из этих 27% передовых компаний — российские подразделения международных корпораций, а также бизнес, связанный с иностранным капиталом. Важно учитывать, что это исследование было проведено еще в 2021 г., до значимых изменений на рынке.

Да, процент пока невысок, но проблематизация уже случилась. Общество, компании и сами сотрудники перестали игнорировать эйджизм и видят его как существующую проблему. Это уже огромный и важный шаг к тому, чтобы ее решить. На рынке за последние 10 лет появилось большое количество социальных и коммерческих проектов в сфере возрастного разнообразия. Их будет становиться все больше и больше. Шаг за шагом.

³ URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2018/10/02/5b9249029a7947389af4f742 (дата обращения:28.05.2022).

ИНТЕРВЬЮ

ЗДРАВОМЫСЛОВА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА

профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, со-координатор Гендерной программы

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ: СТАРЕНИЕ В ОПТИКЕ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА¹

Про старший возраст в поле гендерных исследований

В гендерных исследованиях в настоящее время доминирует интерсекциональный подход. Его смысл в том, что исследователи рассуждают не столько на уровне универсальных категорий — обо всех мужчинах и всех женщинах, а анализируют, как в комплексной системе властных отношений формируются позиции мужчин и женщин, принадлежащих к различным категориям по признаку класса, этничности, сексуальности и др. Внимание гендерных исследователей, среди прочего, привлекает изучение властных отношений на пересечении возраста и приписанного пола. Таким образом, анализируя социальное положение женщин и мужчин разных возрастных групп, исследователи понимают, что возраст социально сконструирован, как и гендер. Поэтому можно сказать, что существуют нормы, ожидания, в том числе и дискриминирующего характера, которые управляют нашими ролями, действиями и представлениями в качестве мужчин и женщин определенных возрастных категорий — девочек, мальчиков, людей среднего и старшего возраста.

Интерсекциональность как оптика крайне эвристична. Благодаря ей опыт женщин и мужчин старшего возраста в системе властных отношений является самостоятельным объектом исследований. Если мы говорим в терминологии гендерных исследований, то такая оптика называется гендеризацией старшего возраста.

Какие же проблематики, связанные со старшим возрастом, развиваются в гендерных исследованиях? Первая из них связана с гендерными разрывами в продолжительности жизни и старением населения. Старение населения — это глобальный социальнодемографический тренд, который с некоторых пор распространяется и на российское общество. Он связан с общим ростом продолжительности жизни в развитых странах, увеличением численности как пожилого, так и старческого населения. Есть страныпередовики, есть страны, отстающие с точки зрения этого тренда, но в них сохраняется гендерный разрыв: продолжительность жизни женщин выше, чем у мужчин; числен-

¹ По материалам интервью Татьяны Дроздовой с Еленой Здравомысловой специально для СоциоДиггера.

ность женщин старшего возраста больше, чем мужчин. В России этот разрыв очень велик: он достигает десяти лет, поэтому многие проблемы, связанные со старением, имеют выраженный гендерный профиль, становясь женскими. В российском контексте внимание исследователей и практиков привлечено к эффектам «недожития» мужчин. Вдовство — в большей степени удел женщин, чем мужчин; таков дисбаланс, вызванный различиями в продолжительности жизни.

Вторая группа проблем актуализирована в связи с исследованиями структуры жизненного пути в современном обществе. Если в обществе сохраняется гендерное неравенство на разных этапах жизненного пути, то и в старшем возрасте они воспроизводятся. Если существует статистически зафиксированный гендерный разрыв в стаже, размере заработной платы, разрыв в квалификации, если существуют гендерные различия в жизни молодых взрослых, кидалтов и других возрастных групп мужчин и женщин, то они проявятся и в старшем возрасте, как в позитивных, так и в негативных последствиях. Один из приоритетов гендерных исследований — различия в опыте старения мужчин и женщин, обусловленные накопленными в ходе жизненного пути ресурсами и уязвимостями.

Третья проблематика связана с предыдущей. Существует структурное неравенство в распределении домашнего труда: женщины гораздо больше вовлечены в практики домашней работы и ухода (во всех возрастах). Так, например, несмотря на относительно новое движение вовлеченных отцов, родительская забота, особенно в отношении детей в возрасте до трех лет, насыщена преимущественно материнскими практиками. В семье основная нагрузка по заботе о пожилых ложится на женщин среднего возраста. Это приводит к синдрому промежуточного поколения, или «поколения сэндвич»². Конечно, речь не может идти обо всех женщинах. Есть люди, не вовлеченные в эту практику, но практики прямой непосредственной заботы и ухода гендеризированы, и это сказывается на том, как стареют мужчины и женщины. Один из приоритетов гендерных исследований — изучение опыта повседневной заботы о пожилых людях.

И последний момент связан с гендерной сегрегацией рынка труда, когда в отдельных профессиях или отдельных экономических отраслях преобладают мужчины или женщины. В обществе сохраняются «гендерные стеклянные стены», то есть виды занятий, которые маркированы как преимущественно мужские или женские. В шахте вы редко увидите женщину, равно редко вы увидите мужчину в роли домашней помощницы, сиделки, медсестры. Социология гендера изучает оплачиваемый труд по уходу за пожилыми в разных контекстах — и на дому, и в учреждениях медицинского, социального и смешанного профиля.

В целом гендерные исследования ставят перед собой задачу осмыслить опыт старения с учетом гендерных различий и опыт заботы о зависимых людях старшего возраста. Это гендеризированный опыт; он может быть крайне тяжелым, неозвученным и нуждается в изучении и публичном внимании. Гендерные исследования продвигают публичную повестку сокращения гендерных раз-

 $^{^2}$ Поколение сэндвич — это группа взрослых людей среднего возраста, которые заботятся как о своих стареющих родителях, так и о своих собственных детях.

рывов, причиной и следствием которых являются несправедливые и неравные нагрузки мужчин и женщин. Кто поможет ухаживающим? Как улучшить качество жизни в старости? Вот те вопросы, которые мотивируют исследовательскую работу.

Про женские практики заботы в семье

Особенности женской работы — важная проблематика гендерных исследований, и, как мы уже говорили, часто предметом изучения становится домашний труд заботы (как оплачиваемый, так и неоплачиваемый). Исследуется, являются ли эти нагрузки пространством дискриминации, эксплуатации или, напротив, создают ресурсы для жизни и творчества; как общество оценивает этот труд и каковы издержки заботы. Чем расплачивается человек, посвятивший существенную часть своей жизни заботе о близких?

Исследователи показывают, что домашний труд женщины, вовлеченной в заботу, в определенных контекстах можно рассматривать как структурную эксплуатацию. Это неоплачиваемый труд, который, несомненно, вносит вклад в благополучие общества и конкретной семьи. Однако такой труд далеко не всегда вознаграждается материально и морально, иногда он является просто рабским или вынужденным. Женщины социализированы таким образом, чтобы брать на себя заботу, и обществу это выгодно. Государство спокойно закрывает глаза на то, что человек, выполняя неформальную домашнюю работу по уходу, вынужденно ограничивает себя в других видах деятельности. Наблюдается эффект издержек заботы. Регулятор рассуждает следующим образом: «Зачем мы будем оплачивать труд женщине, которая ухаживает за своей матерью? Мы на этом сэкономим, она все равно ее любит. Мы лучше эти деньги отдадим многодетным семьям, потому что старики все равно умрут, а дети — наше будущее». Заботящиеся люди испытывают сложности в совмещении ухода и работы, сталкиваются с ограничениями в профессиональном продвижении, ощущают нехватку досуга и возможностей самореализации, переживают синдром выгорания.

Есть и другой аспект перекоса в распределении заботы в семье. Забота — это не только опыт тяжелого труда и ограничений. Это опыт осмысленной жизни и творческой самоотдачи. Можно сказать, что, когда женщина о ком-то заботится — ребенке или взрослом члене семьи, — ее жизнь наполнена очевидным смыслом. В непосредственной прямой заботе о близком человеке люди находят много поддерживающих позитивных эмоций. Когда у человека есть такой смысл в жизни, в нем можно черпать ресурсы даже в периоды депрессии и упадка сил. Альтруистическая составляющая заботы жизнетворна и для конкретных отношений, и для всего общества.

Конечно, забота о детях и пожилых людях осмысливается по-разному. И заботящимися, и обществом. Когда забота осуществляется в отношении человека, который проживает завершающий этап своей жизни, этот опыт может быть очень тяжелым с точки зрения отношений: приходится наблюдать, как близкие люди слабеют на глазах, переживать усугубление их недугов, в том числе когнитивных нарушений, утрату самостоятельности, приступы агрессивности и пр. Но этот сопровождающий опыт учит заботящегося очень

многому. Если человек относится к заботе о старших как к служению, то выполнение принятого на себя долга наполняет его гордостью, усиливает чувство собственного достоинства, поднимает самооценку. К тому же ухаживающие женщины раньше понимают, что такое уход из жизни, потому что они ухаживают за пожилыми членами семьи. В этом заключается позитивный аспект этой очень тяжелой работы, которая чаще всего недооценена в обществе и рассматривается как нечто само собой разумеющееся, встроенное в систему социальных ролей.

Что касается мужчин, то они довольно часто освобождаются от непосредственной телесной заботы в соответствии со своей гендерной ролью. Существует гендерный дисбаланс социализации: российские мужчины зачастую не умеют ухаживать за больными и немощными. (Для них слово «ухаживать» имеет совсем другой смысл .) Отчужденность от практик заботы вносит свой вклад в то, что мужчинам трудно найти смыслообразующие якоря в своей жизни в предпенсионном и пенсионном возрасте. Они могут испытывать страдания от того, что никому не нужны, что им нечем заняться, что жизнь их при прекращении официальной занятости становится бессмысленной. Перед заботящимися женщинами такой вопрос не стоит.

Так гендерный разрыв в практиках заботы помогает женщинам легче переживать «пенсионный переход», изменение образа жизни после прекращения занятости. Они чувствуют, что нужны, и это помогает им насыщать свою жизнь позитивными смыслами.

Есть, конечно, и мужские семейные роли для старшего возраста, которые получают признание: например, роль дедушки, который бы учил мальчика «мужским практикам»: забивать гвозди, чинить велосипеды и просто присутствовал бы в жизни как пример маскулинности с морщинами и сединой. Такая роль важна и для семьи в целом, ведь в домашнем хозяйстве сохраняется традиционное разделение труда: например, по техническому ремонту ответственность часто приписывается мужчинам. При этом огромное количество современных мужчин совершенно не в состоянии поддержать традиционные представления о мужской домашней работе. Она делегируется профессионалам — водопроводчикам, электрикам и проч. Если не пересмотреть гендерные предписания, то окажется, что спектр традиционных домашних обязанностей для мужчин не велик. Получается, им остается только выносить мусор. А это не так много!

Про работу и хобби в жизни старших мужчин

После наступления пенсионного возраста мужчины дольше остаются в сфере оплачиваемого труда, чем женщины. В российском обществе сохраняются гендерные различия, унаследованные от пенсионной нормы советского периода, когда возраст выхода на пенсию для женщин был определен в 55 лет, а для мужчин — в 60. Регулятор таким образом поддерживал практики вовлечения женщин-пенсионерок в домашнее хозяйство и семейные заботы, в том числе по уходу за внуками и пожилыми родителями. Таков имплицитный посыл советской правовой нормы. Мужчины дольше работали и склонны были остаться в трудовой колее, если им позволяет работодатель, если профессиональные навыки востребованы.

Если у мужчин развита досуговая сфера — творчество, хобби, — они лучше интегрированы в общество и это сказывается на образе жизни в возрасте 65+. Главное, чтобы сам мужчина видел в этом хобби или досуге смыслообразующее начало. Хобби могут быть самыми разнообразными — и вполне совместимыми со сложившимися ролями. Отечественные подсобные хозяйства, дачи также играют большую роль в организации жизни домохозяйств, особенно в старшем возрасте. Это те места и пространства, где люди сами себе хозяева и где найдется место для применения сил всех членов домохозяйства.

Для благополучия в старшем возрасте важно, на мой взгляд, пересмотреть представления о семье как о единственной сфере осмысленного существования на пенсии. Семья — любая, даже самая любящая, — не способна заменить современному человеку общество. К тому же растет число домохозяйств, состоящих из одного человека. Важно, чтобы, независимо от семейного положения и фактического проживания в семье или в одиночку, люди находили смыслы для продолжения жизни и чтобы традиционные гендерные нормы, довольно анахроничные, им в этом не мешали.

Про мужское недожитие и женскую медицинскую компетентность

В старшем возрасте (хотя не только в этот период жизни) многое в жизни связано с отношением к здоровью. Большинство опросов общественного мнения показывают, что существуют значимые гендерные различия в отношении к здоровью. Мужчины норовят избегать взаимодействия с медицинскими институтами и врачами. Они меньше заботятся о своем здоровье, чем женщины. Это связано с тем, что называется в широком смысле слова социализацией. Женщины в силу гендерной социализации приучены заботиться и о своем здоровье, и о чужом — здоровье своих близких. Во-первых, забота о детях предполагает наличие парамедицинских навыков. Во-вторых, если у кого-то в семье хрупкое здоровье, то, как правило, на женщин ложится организация ухода за ним. Добавляем к этому медикализацию репродуктивного цикла женщины, менструации, государственно поддерживаемый контроль беременности, который с неизбежностью вменяется нашими медицинскими учреждениями. Женщина стоит на государственно-медицинском учете как потенциальная мать. С началом репродуктивного возраста она взаимодействует с женскими консультациями, с которыми обсуждает репродуктивное здоровье, планирование семьи, течение беременности. Материнский статус предполагает вовлеченность в работу педиатрического сектора медицины. В итоге женщина все лучше понимает, как работает человеческий организм, как ухаживать за собой, беречь себя, как ухаживать за другими. И, кроме того, она принимает на себя эту обязанность — взаимодействовать с медицинскими учреждениями. Выходит, что на общем фоне недоверия к медицинским учреждениям женщинам вменено общаться с ними, в результате они их меньше боятся и неплохо ориентируются в них. Ведь хочешь — не хочешь, но опыт ты получила; женская консультация для тебя неизбежна, но даже если у тебя детей нет, у тебя есть месячный цикл, и именно женщине в нашем обществе вменено контролировать контрацепцию. В последние десятилетия в российском обществе формируется более современная контрацептивная культура, есть возможность использовать химические оральные контрацептивы для репродуктивного контроля. И все это делает женщину в плане медицины еще более компетентной. Такие навыки накапливаются и востребованы на протяжении всей жизни. И это все ей пригодится в старшем возрасте.

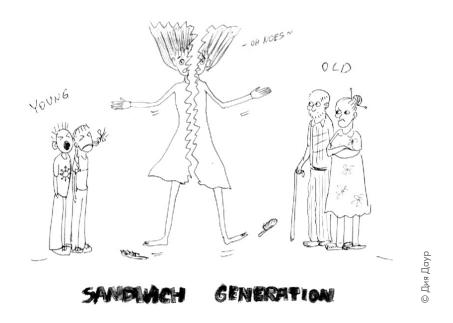
В отношении к здоровью формируются, таким образом, очень значимые гендерные различия. В связи со структурным недоверием к медицинским учреждениям женщины и мужчины могли бы следовать одним практикам в отношении к здоровью: избегать их. Мол, не пойду ни за что к медикам; там очереди и вообще вред один от врачей, придешь здоровым — уйдешь больным. Но в нашем обществе женщины встроены в эту систему медицинской помощи в ходе жизненного пути, и потому в любых обстоятельствах им проще к ней прибегнуть. В итоге получается, что мужчины быстрее умирают, но меньше болеют, а женщины дольше живут и больше болеют. Болеют они в том смысле, что чаще обращаются к врачам. А это значит, они дольше живут с хроническими болезнями, в состоянии гериатрической хрупкости. В гериатрии есть понятие «хрупкий пациент», оно тоже оказывается гендеризированным, просто потому что женщин среди пациентов гораздо больше и есть специфические проблемы здоровья у мужчин и женщин в возрасте 65+.

Про женственность и сексуальность в старшем возрасте

Если говорить о женственности, то это неуловимое понятие, несмотря на то что в голове у каждого есть какое-то традиционное представление о ней. На символическом уровне в нашем обществе признается разнообразие паттернов женственности: бывают женщины вот такие, такие, и вот такие. Но если говорить о женственности в старшем возрасте, то мы наткнемся на распространенность практик повседневного эйджизма: «Не по возрасту себя ведет, юбку надела слишком короткую, красится, как молодая. Молодиться неприлично». «Традиционная» старушка — это патерналистский сниженный образ. Как в нашем обществе обращаются к женщинам старшего возраста в анонимных публичных взаимодействиях? Все еще используются обозначения родственных статусов — «бабушка», «тетенька». В этих словах считывается патерналистское квазиродственное отношение. И этот снисходительный патернализм легко трансформируется в уничижение, даже с оттенком хамства и непрошеной фамильярности. Но дело не только в лингвистических практиках в публичных взаимодействиях лицом к лицу.

В нашем обществе устойчиво воспроизводятся институциональные практики эйджизма, на которые жалуются клиенты разных учреждений. «Что вы хотите в вашем возрасте?» — это при взаимодействии с врачом. «В вашем возрасте вам это не пойдет, это для девушек», — это при взаимодействии с продавцом (продавщицей). В таких институциональных взаимодействиях проявляется навязывание нормы старения и перформанса старшего возраста. Причем зачастую даже непонятно, что это за норма, как правило, люди знают ее лишь на ощупь; видят нарушение — делают замечание. В институциональном контексте — «ставят на место». В итоге получается, что от женщины старшего возраста требуют, чтобы она была не слишком заметна, чтобы не вызывала удивление, не привлекала излишнего внимания. В ответ люди, ощутившие на себе такой бытовой

эйджизм, соглашаются на все это, лишь бы никто не нагрубил, никто не пнул, не стигматизировал из-за того, что они не вписываются в какие-то негласные предписания. Как видим, пространство женственности есть, но оно более ограничено, чем в обществах, где признается разнообразие. И доминирует ожидание вот такой, в некотором смысле сниженной женственности старшего возраста, которая не равняется на молодые образцы, «знает свое место» в системе возрастной стратификации, не сексуализирована.

Наш отечественный повседневный эйджизм особенно проявляет себя в отношении к женской сексуальности. В этой сфере до сих пор действует двойной гендерный стандарт. Сексуальная активность мужчины считается нормальной, хотя иногда подчеркивается, что она может быть не слишком уместной или проблематируется в связи со снижением потенции. Но медикализация помогла — мужчинам изобрели виагру: получай удовольствие. А женское сексуальное желание регулируется более жесткими представлениями о возрасте, женщина старшего возраста рассматривается как асексуальный субъект. Хотя в реальности это совсем не так: сейчас ведутся исследования, одно из них проводит моя коллега Анна Тёмкина; она изучает практики организации внесемейной сексуальной жизни женщин старше 60 лет. Появляются медиапроекты, содействующие тому, чтобы не только мужчины искали себе (как правило, более молодых) партнерш, но и старшие женщины были признаны как сексуальные субъекты и могли выбирать себе партнеров для близких отношений. Пока же старшая женщина и не объект, и не субъект. Но что-то в этом направлении начало меняться.

Про то, как организована жизнь в старшем возрасте у нас и за рубежом

Когда мы обсуждаем систему долговременного ухода, организацию помощи людям пожилого возраста и старения, мы ориентируемся на общества, которые уже прошли по этому пути. У них тренд глобального старения стал заметен почти полвека назад;

там критические геронтологи стали пересматривать представления о том, что такое старший возраст, и эйджистская нормативная палитра начала размываться. Когда мы обсуждаем реформы в отношении граждан старшего возраста в российском обществе, мы смотрим прежде всего на западные страны, которые смогли существенно модернизировать и гуманизировать отношение к старшим. Таких стран много, и они очень различаются между собой, в Японии — одна картина, в Скандинавии — другая, в Штатах, в Британии, во Франции социальная политика в отношении пожилых имеет свои особенности. Но все эти общества объединяет концепция активного долголетия. Все они предполагают, что старший возраст — это не время абсолютного упадка и усиливающейся деградации, а период возрастающей свободы, новых возможностей и свершений. В возрасте 65+ существует горизонт будущего, которое может исчисляться десятилетиями. Всё это укладывается в концепцию «третьего возраста». А более уязвимый «четвертый возраст» нуждается в усилении социально-медицинской поддержки.

Именно поэтому в качестве ориентиров в бесконечной борьбе с гендеризированным эйджизмом российские исследователи и реформаторы выбирают именно те страны, где на практике, а не декларативно признается двойное право пожилых: право на активное участие в жизни общества и право на помощь и социальную поддержку. В таких обществах признается разнообразие проживания этого возраста и право на выбор. При этом важно, чтобы было из чего выбирать. В российском обществе пространство выбора ограничено. Точнее говоря, для большинства граждан это ситуация «выбора без выбора». Выбирай, пожалуйста, где жить — в стигматизированном доме для престарелых или у себя дома, где уход явно недостаточен и является бременем для близких людей.

Россия отстает в сфере социальной заботы о пожилых гражданах от развитых стран (как и во многих других вещах). Но она держит курс на переосмысление старости примерно с 2014 года, активная стратегия в отношении граждан старшего возраста была принята в 2016 году. И есть энтузиасты, которые посвящают свою жизнь реформам системы долговременного ухода. Однако реформы проходят медленно и сталкиваются с множеством барьеров.

Про то, как меняется отношение к старшему возрасту

Мне кажется, социальные роли и соответствующие им предписания не могут меняться очень быстро, как бы нам этого ни хотелось. Существуют сложившиеся культурные модели, паттерны, нормы, и они меняются очень медленно.

Крупные структурные изменения в России создали много новых возможностей для людей старшего возраста. Мало того, возникли амбиции. На мой взгляд, это значит, что новое поколение старших, особенно средний класс состоятельных людей, уже с отвращением глядит на то, как была организована жизнь старших в советский период, и хотят, чтобы их родители в старшем возрасте жили иначе, не в условиях дожития, а с большей степенью комфорта. Более того, они не хотят стареть так, как их родители, и прикладывают к этому

определенные усилия, вкладывают ресурсы в будущее старение в более молодых возрастах. Люди начали планировать старение в социологическом смысле — рефлексивно относиться к нему, готовиться к будущей жизни в старшем возрасте. Они все больше осознают, что у нас существует культурный имплицитный эйджизм. Может быть, у нас любят «старичков и старушек», ничего дурного не делают, помогут перейти через дорогу (и не обязательно «на красный свет»), но общество все еще недостаточно подготовлено институционально к демографическому приливу растущей численности людей старшего возраста. Однако сдвиги есть. Появилась профессия гериатра, которой не было в России долго-долго, ведется работа над внедрением системы долговременного ухода. Появился гораздо более выраженный и выходящий из тени рынок домашнего труда по уходу. Обычно на этот рынок выходят мигранты, приезжие. В Питере, например, чаще всего ухаживают за пожилыми людьми на дому женщины из Центральной Азии. Что будет, когда к нам перестанут ездить женщины из Центральной Азии, люди, которые ищут заработок и живут в семьях и ухаживают за стариками, я не знаю.

Про старость в традиционных обществах и не только

В традиционных обществах, например на Кавказе, старшее поколение пользуется патриархальным почетом; распространен традиционный семейный уклад; большая доля людей живет многопоколенной семьей — все три поколения под одой крышей или в непосредственной близости друг от друга. Однако этот патриархальный почет старшему родственнику все равно ограничивающий. Он очерчен домашним кругом или традиционным сообществом — деревней и семьей. Он ограничивает включенность в другие институции. Институциональной поддержки в модернизированных традиционных обществах недостаточно. Нет пандусов, ходунков, лифтов. Пожилые люди самой средой ограничиваются в возможностях самостоятельного действия. (К слову, маме моей подруги 104 года, она когнитивно сохранна и даже на ногах. Но она уже 10 лет не может выйти из своей квартиры, потому что живет в «хрущевке» без лифта.)

Фамилистский режим заботы о пожилых нельзя назвать совершенным. Если все заботы по уходу сконцентрированы в семье, а семья не имеет поддержки в этой работе, то благополучие пожилых может быть под угрозой. Семья может быть нищей, конфликтной, дистанционной. И вообще, ее может не быть в жизни старшего поколения. Сами старшие хотят освободить своих близких от ухода; «не быть обузой» — вот их мантра! В традиционной структуре организация жизни людей старшего возраста кажется совершенно замечательной, но там основной уход за пожилыми лежит на центральном поколении и гендеризован. Все на плечах невестки, дочки, внучки. А помощи от государства недостаточно. Конфликты в патриархальном мире очень часто разворачиваются между старшим и средним поколением, между женщинами — старшей и младшей — из-за организации быта. Важно, чтобы социальные режимы старения обеспечивали помощь семьям, которые берут на себя основную нагрузку, и помощь людям старшего возраста, не включенным в семейные системы. Эта помощь должна быть ориентирована на действительные потребности, а не на те, которые им приписываются внешними арбитрами.

Про домашнее насилие в отношении людей старшего возраста

Когда мы говорим о домашнем насилии, возникает вопрос закрытости опыта и отношений в приватной сфере. То, что происходит дома, остается невидимым в публичной сфере. И если сохраняется втайне и не получает огласки супружеское насилие или насилие в отношении детей, то насилие в отношении стариков еще менее озвучено. Потому что некому озвучивать. Виновник, автор насилия, как его называют в литературе, не признается, потому что насилие в отношении стариков — это стигматизирующее действие, это преступление. А жертвы насилия, находящиеся в зависимых отношениях и живущие с этим травматичным опытом, сами не готовы признаться, не хотят, чтобы этот опыт кто-то озвучивал. Кроме того, им приписывается статус когнитивно уязвимых, мол, им нельзя доверять, ведь они могут быть не сохранны, воображать ситуацию насилия для привлечения внимания или в связи с дементными нарушениями.

Легче обнаруживается насилие со стороны наемных работников. Это каким-то образом иногда разоблачается: грубое обращение со стороны персонала в ПНД, в домах престарелых либо со стороны наемных сиделок, которые насильно что-то делают, бьют, кричат. А что касается насилия со стороны взрослых детей в отношении старых родителей, то, поскольку это все это погружено в сферу близких отношений, заявлений о насилии очень мало.

Про счастливую старость

Если говорить о счастье, то очень важно, чтобы жизнь пожилого человека имела для него смысл. В современном эйджистском обществе, где царит возрастная стратификация, пожилым людям труднее определить смыслы своей жизни, так как общество не снабжает их явными инструкциями по этому поводу, а сами они не слишком готовы к изобретению

смыслов существования. Ролевая палитра ограничена, размыта, избыточно несправедливо гендеризирована.

Для старшего возраста самый главный вызов — научиться видеть будущее, смотреть вперед, когда все тебя тянет назад и на обочину. Назад — в прошлое; на обочину — подальше от недружественной исключающей социальной среды. Но как обрести смысл продолжения жизни и увидеть позитивное будущее? Это непростая задача, нет определенных рецептов. Но если пожилой человек пере/изобретет смысл своей жизни, сможет получать от нее удовольствие, а общество поможет ему в этом, то это создаст предпосылки счастливого благополучного старения.

Первое. Важны усилия самого старшего человека в генерировании смыслов существования, когда он перестает говорить: «я никому не нужен», «еще один день мучений», «мне опять никто не позвонил», «зачем я живу?» — и так далее. Также часть этих усилий — планирование старшего возраста на более ранних этапах жизненного пути. Тоже задача без определенных рецептов, кроме одного. Начинайте думать уже сейчас, как вы будете организовывать жизнь в старости.

Второе. Важно, чтобы общество не перекладывало всю ответственность за организацию жизни в старшем возрасте на семью пожилого человека и женщин в этой семье, а предоставило спектр возможностей для выбора. Это тоже структурные предпосылки счастливого благополучного старения.

В нашем обществе люди должны полагаться на себя, на свои накопленные ресурсы, приобретенные капиталы. Конечно, государство что-то делает, но делает настолько недостаточно, что мы неизбежно знаем: необходимо откладывать накопления, лично страховать себя, защищать от различных невзгод будущего – это наша собственная забота. Подстраховывать свою старость мы тоже должны сами. Нужно подготовить ответы на вопросы. Если я буду не в состоянии самостоятельно ухаживать за собой, я сам(а) должен (должна) придумать, как решить эту проблему. Полагаться на супруга, детей? Есть ли у меня отзывчивая родственница из деревни, которая приедет ухаживать, чтобы потом получить в наследство мою квартиру? Или я найду какую-нибудь помощницу, если у меня есть возможностью оплачивать ее услуги? Или же буду жить в соответствии с традиционным укладом расширенной многопоколенной семьи, и мои внучки, дочки или зятья весь уход возьмут на себя? Или я все-таки буду присматривать себе хороший пансионат, где будет профессиональный уход и сообщество? Я напишу завещание — не надо мне интубирования после непоправимого инсульта, не держите меня в трубках. Обо всем этом нужно думать, планировать. Не очень приятные вещи, но надо. У нас пока очень мало институциональных возможностей, в отличие от условной Скандинавии, поэтому нужно формировать широко понимаемую «страховку на старение» на основании собственных накопленных за предыдущую жизнь ресурсов.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

СМОЛЬКИН АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат социологических наук, заместитель главного редактора журнала «Социология власти» ИОН РАНХиГС, главный научный редактор секции «Социология» Большой Российской Энциклопедии

СОЦИОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

Есть устойчивое ощущение, что социология возраста как самостоятельная субдисциплина так и не реализовалась. Существует довольно условный союз, например, социологии детства и социологии старения. При этом исследования детства находятся под сильным влиянием психологии, а в исследованиях старости скорее говорят про социальную геронтологию, чем про социологию старения. Можно сказать, с понятием «возраст» в социологии та же проблема, что с понятием «гендер». «Гендер» в первую очередь относят к женщинам, а мужчины, доминирующая группа, обходятся без характеристики в этой графе; точно так же фактически весь период между детством и старостью в логике возраста не слишком часто анализируется. При том, что возраст и пол — два базовых элемента в любой выборке, теоретизирован возраст довольно слабо. По сути, единственная объединяющая идею возраста популярная исследовательская программа сегодня — «перспектива жизненного пути».

Первые социологические теории старения — «теория активности», «теория разъединения» — появляются в 1950—1960-е годы. Видимо, именно в этот период старость начинает массово «размыкаться» с инвалидностью по возрасту, заявляется как самостоятельный период жизни. Показательно, что теорию разъединения (довольно мрачный взгляд на старость) в 1960—1970-е годы активно критиковали, а позже без приставки «эйджистская», и не вспоминали. Кстати, критика теории разъединения стала важным этапом в карьере будущей исследовательницы социологии эмоций Арли Хокшиль. Иными словами, признавать базовым пессимистичный сценарий определенно не желали.

В 1980-е годы Питер Ласлетт ввел понятие «третий» и «четвертый» возраст. Сам третий возраст — период жизни, когда человек выходит из трудовых отношений, но вполне энергичен, активен, способен самореализовываться — появляется вскоре после Второй мировой войны, и в 1980-х годах оказывается настолько заметен и статистически значим, что не социолог, а историк Ласлетт его описывает. Параллельно с этим пенсионный порог сдвигается, постепенно увеличивается особенная возрастная зона между временем участия в трудовых отношениях и четвертым возрастом, под которым подразумевается не просто нетрудоспособность, а проблемы с самообслуживанием, автономностью.

¹ По материалам интервью Александра Вилейкиса с Антоном Смолькиным специально для СоциоДиггера. Текст подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС в 2022 году.

Когда мы говорим про периодизацию внутри социологии детства, существует достаточно высокий консенсус по поводу основных моментов: когда, к примеру, ребенок должен начать говорить и т. п., и отклонения статистически незначимы. Про людей старшего возраста так не скажешь. Представьте, что 100 участников бегут марафон: через пять минут они все будут довольно близко друг к другу почти независимо от их подготовки. А вот через час расстояние между ними уже будет весьма значительным. С тем же эффектом мы имеем дело, когда говорим о поздних возрастах. Там понятие нормы — штука довольно условная. Соответственно, в развитых странах третий возраст будет больше, чем в развивающихся, а где-нибудь в тропической Африке третий возраст как таковой в логике Ласлетта еще не возник. Россия находится в группе развивающихся стран. По сути, полноценный и статистически значимый третий возраст у нас, видимо, есть только в столицах.

Существует понятие «социальное протезирование» — индустрия поддержки людей в пожилом возрасте. Традиционной проблемой даже в развитых странах было обслуживание в домах престарелых. Там не самая оплачиваемая, зачастую низкоквалифицированная работа, и, соответственно, регулярно фиксировались случаи абьюзинга, очень высокий процент смертности в первые же годы пребывания. Даже не обязательно из-за ошибок персонала — сказывается сама атмосфера места, куда человек попадает, и понимает, что вот здесь и он умрет, вместе с этими людьми. В качестве альтернативы стараются делать больше специального жилья для пожилых, оборудованного так, чтобы продлить автономность. Чем дольше ты стареешь дома, а не в казенном учреждении, тем лучше. Развитие служб доставки, социальных служб и сервисов на дому на практике помогло довольно сильно отодвинуть границы четвертого возраста.

Помогают ли теоретические исследования в повседневной практике? Одна из традиционных жалоб теоретиков и эмпириков друг на друга: теоретики говорят, что их работы не особенно востребованы эмпириками, а эмпирики со своей стороны сетуют, что теория не помогает практические проблемы решать. Одна из главных причин — мы, по сути, говорим не о прикладной социологии старения, а о социальной геронтологии, помогающем проекте, ориентированном на практический результат здесь и сейчас, а не на исследования.

Представьте человека, который хочет всерьез заниматься социологией. Он ориентирован скорее на поиск чистого знания, установления истины, он, условно говоря, ищет диалога с Дюркгеймом и Вебером, а не с министерством здравоохранения. Молодежь, которая выбирает социологию старения, часто ориентируется на гуманистические идеалы, на желание помочь людям. Между этими позициями не обязательно есть противоречия, разумеется, но еще менее обязательно, что представители этих взглядов друг другу сильно помогут. «За истину» и «за справедливость» — разные картины мира.

За последние 20 лет в англоязычной научной среде вышло 5-7 крупных энциклопедий на тему старения. Единственное, чего там нет — социологического определения старости. В социологии старения есть две авторитетных основных ветки: перспектива жизненного пути, охватывающая все возрасты, и критическая геронтология, занимающаяся третьим и четвертым возрастами. Для критической геронтологии появление определения просто сузит поле деятельности, но главное — невозможно дать описание старению так,

чтобы оно при этом не оказывалось эйджистским, не превращалось в потенциальный инструмент дискриминации. Но если мы описываем старость не в терминах потерь, проблем со здоровьем — это как бы и не совсем старение в том смысле, в каком оно в языке используется. Возможно, нужен другой термин?

Если же мы говорим про перспективу жизненного пути — она построена как лонгитюд с постоянными срезами, им такое определение просто не требуется. Когда ты год за годом или даже месяц за месяцем следишь по хорошей выборке за жизнями людей, не требуется определение старости как рабочий инструмент. Разумеется, сама ситуация близка к современным дискуссиям о политкорректности и о том, что вообще можно изучать, а чего лучше не изучать, потому что практического вреда в таком знании может оказаться больше, чем теоретической пользы. Меня интересует вопрос, как вообще возможна теоретическая социология старения.

РОГОЗИН ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС

СЧАСТЬЕ И СВОБОДА В СТАРОСТИ: ВЛАСТЬ, СЕКС, ПУТЕШЕСТВИЯ'

Старость в России и мире

Портрет старения в России похож на общемировой, хотя различия заметны. У нас специфическая черта вышедших на пенсию людей — жаловаться на свою жизнь на публике, просто на всякий случай. Публично говорить о хорошем, о счастье, равносильно тому, чтобы рисковать им, сглазить его. Судя по нашему поведению, счастье может обитать только в каком-то укромном пространстве, о нем не стоит говорить вслух. В этом различие публичной позиции старика у нас и на Западе. В Западной Европе это улыбчивый человек, говорящий много хорошего. По социологическим замерам он, как правило, счастливее, чем человек среднего возраста.

Есть V-образная зависимость: наиболее счастливые возрастные когорты — молодежь и глубокие старики. Проваливается средний возраст. У нас же и в общественном мнении старость выглядит как период угасания, набор несчастий, и сами пожилые люди часто жалуются, рассказывают о неудавшейся жизни и(или) насущных проблемах. При этом нельзя сказать, что у нас старики живут безбедно (и в материальном, и в духовном плане), сетования соответствуют реальной ситуации. Но лишь частично, поскольку в их старости тоже много позитивного, что, к сожалению, редко транслируется на публику. Это первое большое различие.

Второе — меньшее материальное благополучие стариков. Не только по доходам, но и по накопленным сбережениям. Люди старшего возраста у нас менее состоятельны. В старшем возрасте у них подчас самое большое достояние — квартира, жилплощадь. Как правило, люди старшего возраста обеспечены жильем.

Но кроме того, свои накопления старики у нас часто рассматривают иначе. Видят себя хранителем богатства для будущих поколений — для детей и внуков. Не пользуются тем, что сберегли или получили по наследству. Есть масса историй, когда владелец дорогой квартиры в центре города-миллионника живет в ней нищим. Буквально голо-

¹ По материалам интервью Анны Кулешовой с Дмитрием Рогозиным специально для СоциоДиггера.

дает, из небольшой пенсии раздавая деньги внукам, поскольку им нужнее, а для себя покупает только лекарства и дешевое, недостаточно полноценное питание.

В этом еще одна особенность. Западный мир предполагает, что выросшие дети не нуждаются в дополнительной опеке и старики тратят свои средства на себя. Мы видим много путешествующих пожилых немцев, французов. Нередкий сценарий — заложить дом, купить микроавтобус и колесить по Европе. Постоянно видеть что-то новое. Путешествующий пенсионер в Европе — правило, а не исключение. Не то, чтобы люди старшего возраста путешествовали в равных пропорциях с молодыми, нет, туристы в Европе, как правило, те, кто вышел на пенсию.

Когда мы с коллегами писали последнюю книгу [Мануильская и др., 2021], успели до пандемии взять интервью в Германии, а до этого ездили в дома престарелых в Израиле, Финляндии. Так вот за счет хорошо налаженной системы долговременного ухода старики там более беспомощны. Не раз приходилось слышать: «Мы бы в ваших условиях вообще не выжили». Им трудно представить, как существовать без теплого сортира и горячей воды в доме. А наши живут. И они более самостоятельны, юрки. Их тренирует погоня за дешевой едой, одеждой, льготами, выплатами, которые просто так не получишь.

У нас выплаты доступны по обращению. Только человек, интересующийся тем, что ему положено, может получить эту выплату. В результате развивается множество полезных социальных навыков. Наши социологи называют это выживанием. Кордонский, например, тоже говорит про выживание [Кордонский, 2021]. Но я бы называл это обживанием, тасованием пространства, рассмотрением его как спекулятивного пространства игроков. Игра не заканчивается.

Игра с государством, с родственниками продолжается и в пожилом возрасте. Хотя, если предложить старикам поиграть, они скажут, что время их вышло. Тем не менее, у нас одна из самых распространенных пословиц о старости: «Седина в бороду — бес в ребро». Старички наши шалят сильно. Говорю о позитиве, конечно.

Другая особенность наблюдается во всех возрастах. Мы менее улыбчивы. Старики наши не каждому улыбнутся. Порой, когда стучишься, собак спустят. При первой встрече смотрят, будто убить хотят. По крайней мере, проклясть. А стоит заговорить, показать, что ты не мошенник (у нас одна из самых больших проблем — мошенничество и обман стариков), оттаивают, относятся с теплотой. Душевность очень сильна у нас. Тебя и усадят, и чаем напоят, и на ночь остаться предложат. Стол и кров предоставят, что в Европе не принято. Благополучие предполагает, что твой собеседеник ни в чем не нуждается, в том числе в тепле и заботе.

Наши старики показывают невероятную расположенность к чужаку. Подкупают теплота, объятия, готовность проводить с тобой часы, невзирая на то, что были совсем другие планы. Именно поэтому из России уезжать не хочется. Здесь мы каждый раз оказываемся в ситуации спонтанного праздника. Сначала настороженность и отсутствие желания вести беседу, а потом многочасовые разговоры под чай, пирожные, борщ. Все, что есть в холодильнике и в погребе — все на стол для дорогого гостя. Такое трудно представить в Европе. Там иначе выстроена коммуникация с незнакомыми людьми.

Чем еще мы отличаемся от Западного мира? Мы очень быстро социализируемся. Ребенок выходит из школы социализированным российским гражданином. Это различие подметил Кордонский, Юрий Левада называл его двоемыслии и говорил о нем в негативном ключе. Но, на мой взгляд, это не двоемыслие, а особый род социализации. У нас человек живет одновременно в нескольких реальностях, которые не всегда пересекаются.

В Европе везде бюрократия. Там социализация приводит к подчинению законам. Нельзя после 11:00 шуметь — не шумят. Если сосед шумит, человек не пойдет выяснять отношения, не будет злиться. Он, сохраняя спокойствие, позвонит в полицию.

Наши скажут на такое поведение — стукач. А там такого понятия нет. Обыденная жизнь инкорпорирована в регулируемую законом публичную жизнь, и нет внутреннего конфликта. А у нас — постоянный конфликт. Есть публичная жизнь и непубличная. Публично нельзя говорить откровенно, надо жаловаться: пенсия маленькая, ни на что не хватает. Вдруг что перепадет? Этой позиции в России придерживаются все. Пенсионеры с высокими доходами тоже жалуются. Когда как интервьюер показываешь, что пришел просто поговорить, потому что человек тебе интересен, собеседник расслабляется, в разговоре складывается совсем другой дискурс, в котором уже нет жалоб.

Здесь наше базовое отличие в адаптивности, душевности и открытости при одновременной закрытости. Такое переключение абсолютно непонятно иностранцам. Где ваши личные границы? А границ нет, есть две стороны. Повернулся одной — другой тут же не стало.

Если бы мы не жили сейчас в пандемии, специальной военной операции, я бы говорил: надо дожить до старости. Но мы стали стариками сразу: у нас и молодежь теперь старики, поскольку она пережила за этот небольшой период времени, за три года — столько, сколько предыдущее поколение, которое не нюхало пороха, что называется, — переживало за всю свою жизнь. И вот здесь есть наше базовое отличие: оно как раз отсылает к адаптивности и к душевности, открытости, при одновременной закрытости. Ты просто должен перейти из одного режима в другой.

Три возраста старости и (не)возможность типологизации жизненных сценариев

Типологизация пожилых людей возможна по разным основаниям, но она хороша для статистических данных. Как только сталкиваешься с живым человеком, складываются не типы, а образы. Попадаешь в ауру общения, перед тобой раскрывается судьба. Она не то чтобы абсолютно уникальна и неповторима, но ее невозможно подогнать под какой-то тип.

Один из смыслов старости — возвращение к себе. Человек с возрастом перестает стесняться своей индивидуальности. В 2017 г. был проект, в рамках которого мы опрашивали столетних ветеранов войны [Рогозин, 2021]. С одной стороны, это поколение коллективистское — наши мифологемы накладывают на них стремление быть, как все. С другой — замечал, что люди, подходящие к столетнему рубежу или перешагнувшие

его, перестают подстраиваться. 85-90 лет — очень волнующий период. У человека возникает своя траектория, которая выражается в словах, в возвращении к детству. Детство становится чрезвычайно важным элементом не только биографии, прошлого, но и настоящего. С годами человек отодвигается к началу. В среднем возрасте говорит: «осознанно себя помню лет с 7-10». А в старости — с 2-3 лет. Движение в детство, в золотой возраст, лет до 8-9, когда школа еще не сильно давит и гормоны не начали о себе напоминать.

Обычно это списывают на деменцию, но человек действительно помнит детство, маму, ребятишек — с кем дрался, кого любил, гораздо ярче, чем вчерашний день. Это выстраивание биографии через детство, этот смех (вроде старик, а ведет себя, как подросток) не позволяют к какой-то типологии прийти. Погружаешься в разговор, очень личный и ироничный. Нужно только вырваться из круга первоначальной подозрительности. Как только вырвался, подпадаешь под очарование своим респондентом, и оно не позволит играть в типологии.

Но если все-таки говорить о типологии, стоит вести речь о внешнем взгляде на старость. Типологии продуктивны при реализации социальной политики. Все, в том числе ВЦИОМ, как правило, стригут под одну гребенку, говоря о стариках как таковых, по привычке приравнивая старость к выходу на пенсию. Недавно мы обсуждали во ВЦИОМ, что старшее поколение по разметке опросов общественного мнения считается с 60 лет. Но это опасная разметка. Мы фактически дискриминируем старшее поколение — долгожителей. Когда у нас планка 60+, то разговариваем, в основном, с людьми от 60 до 70, не старше. А дальше есть очень значимые различия. Нужно выделять три возраста старости. Такая типологизация отражает периоды разного поведения и проживания жизни.

От 55 до 70 лет — период транзита к старости. Все разговоры об активном долголетии направлены только на эту группу. До 70 лет старики у нас так или иначе работают. Под работой понимаю не только оплачиваемый труд, но и работу на даче, на огороде, помощь внукам, подработки. Слесарь 6 разряда может приходить иногда на производство. Наиболее типичны в этом отношении преподаватели вузов. 70-летний профессор никого не удивит. Это самое продуктивное время для вещающих с кафедры, поскольку накоплен опыт и поставлена речь.

Все социальные программы должны быть направлены на вовлечение в общественную и политическую активность. Необходимы курсы, образовательные программы. На этот возраст направлено «Московское долголетие». Но тут мы наблюдаем парадокс: оно называет себя долголетием, а по факту работает со старшим средним возрастом. Или транзитивным возрастом старости.

Возраст действительной старости — от 70 до 85, когда человек постепенно теряет возможность обслуживать себя самостоятельно. Развивается деменция. Человек индивидуальный, экономический трансформируется в социального, для которого очень важно окружение. Он будет жить только при наличии окружения, создающего осмысленность существования, позволяющего чувствовать свою нужность. Счастливо и долго живут те, в ком нуждаются их родственники.

Бедолага сын, внучка гулящая, с одной стороны, они тянут деньги и можно было бы ругать их за это, а заодно и стариков: «Зачем отдаешь последнее?». Но с другой — именно они служат сильным стимулом, позволяют старикам чувствовать свою значимость и продолжать жить.

В этот период важно не столько учить стариков чему-то новому, сколько включать их в сообщества. Образовательные программы, танцы ни к чему им. Им важно чувствовать, что они кому-то нужны. Это всегда важно, но в этом возрасте выступает приоритетным условием благополучия. Без значимой фигуры рядом — ребенка, соседа, друга, подруги, долголетие невозможно.

Наконец, действительно долгожители, 85+. В этот период человек уже просто не может жить, если никого нет рядом. Речь идет о программах долговременного ухода. Возникают фигуры социального работника и родственников. Последние очень недооценены. Люди, живущие рядом с пожилыми родителями, в каком-то смысле совершают подвиг. С другой стороны, это и есть человеческое счастье, когда можно оставаться ребенком в довольно зрелом возрасте.

И вот, если этого ребенка соседа, друга, подруги, нет рядом, долголетие невозможно для старика: после 90 начинаются проблемы. С хождением в туалет, принятием душа, различными гигиеническими процедурами. И без помощи — нельзя. Иначе жизнь очень быстро превратится в ад. Тем более, что у нас, практически ни у кого, в том числе и у богатых людей, жилищные условия не приспособлены для того, чтобы быть долгожителем. В этом трагичность.

Вот здесь, кстати, возникает типология— типология трех периодов старения, особенности. Если же говорить о других типологиях, то разделил бы на две группы— старость унылая/активная.

Старость активная и в унынии

Первая группа — находящиеся в унынии. Есть один вопрос, который вгоняет стариков в уныние. Сам не знаю, как на него ответить и представляю, каково им с ним. Вопрос такой: «Зачем живу, кому я нужен?». Кроме болячек ничего не осталось, супруга или супруг уже умерли, дети встали на ноги, им не до стариков. Эта группа очень большая. Катастрофа в том, что до них никакие социальные службы не доходят, потому что в унынии старики сами ото всех закрываются, не отвечают на телефонные звонки, не открывают двери.

Вторая группа — гораздо меньшая — группа активного долголетия. Кто-то реализует себя через церковь, кто-то продолжает заниматься спортом, кто-то внуками. Мало кто путешествует, к сожалению. Люди не мобильны в целом, а в старости особенно. Можно сказать, что у нас не мобильная страна.

При этом в любом театре России старушки составляют постоянную зрительскую аудиторию, они практически всегда присутствуют в зале и по разговорам становится ясно — они здесь завсегдатаи.

Программы активного долголетия, как правило, вовлекают людей и так активных. Они получают дополнительную поддержку, что, конечно, хорошо. Но что делать с унывшими? Как выстроить социальную политику, чтобы помощь получили наиболее в ней нуждающиеся?

Это одна из самых больших социальных проблем старения. Она диагностируется сразу, но ее пытаются не замечать. Когда важны отчеты, вовлекать в программы людей в нестабильном состоянии невыгодно. Сегодня пришли, завтра нет. Могут сорвать любой праздник.

На предприятиях, в организациях собираются Советы ветеранов. Вокруг них небольшой шлейф знакомых, и все. Ситуация странная. С одной стороны, в России довольно много НКО, действует программа «Активное долголетие» и за последние 20 лет много было сделано в этом направлении. Но при этом все выстраивается вокруг активных людей и быстро схлопывается, отчетность убивает все живое. Она доминирует над предметностью. Эффективнее сделать отчет, чем дело. Это общая беда. Но если мне скажут: «Напишите рекомендации», получится создание еще одной отчетности. Замкнутый российско-советский круг симуляции дела через отчеты.

В 2003 г. в рамках проекта «Будущее молодежи России» я сделал сплошной опрос по всем молодежным организациям Красноярска и Москвы, взял глубинные интервью у их руководителей [Рогозин, 2003]. Обнаружил, что все молодежные организации описываются всего 11 глаголами, отглагольными существительными. Потом их же нашел в социальной политике в области старения. Два ключевых: содействие и развитие, а применяя все 11 слов можно описать любую деятельность и получить дополнительное финансирование не только от государства, но и от бизнеса, потому что он теряется от этих отглагольных существительных в родительном падеже, и дает деньги.

О сексе

Судьба человека, дожившего до 90, и комична, и одновременно трагична. Она насыщенна драматичными событиями. Со стариками о сексе можно бесконечно говорить. Это один из моих любимых вопросов. С женщинами получается, с мужчинами — нет. Когда удается разговорить старичка 80 лет и старше, разговор скатывается к байкам и анекдотам, рефлективности не удается достичь. С женщиной до самого пожилого возраста беспроигрышный ход — спросить про детей и аборты. Тут многое раскрывается. Легко переходить на отношения, мужчин. И мужского гонора нет. Есть скорее романтическое переживание. Воспоминания захватывают, глаза загораются. Об этом говорил ранее.

Беззаботность, счастье, громкий смех — старикам этого хочется, но давят нормы, представления о том, что можно себе позволить, а что — нельзя, что прилично, а что — нет. В Штатах у стариков многообразная сексуальная жизнь. Я поражался, когда читал, но и у наших обнаружил такую же. В этом мы не отличаемся, отличаемся в другом.

На одной из конференций выступала девушка как секс-евангелист. Из большой сумки она выгрузила на стол массу яркого, прыгающего и жужжащего. Такого восторга аудитории никогда не видел. Все в руки брали, разглядывали. Аудитория там была молодая, лет

25—30, и я подумал, что с бабушками еще интереснее получится. Подумал, надо взять образцы в магазине секс-игрушек и бабушкам рассказать о современных средствах обогащения эротической жизни. Организаторы сперва обрадовались и согласились, но потом испугались, что кто-то напишет жалобу за порнографию и разврат в образовательной программе. Пришлось рассказывать без наглядных материалов. Боязнь публичного скандала помешала, хотя секс-игрушки — это нормально, никто же не собирался демонстрировать их практическое использование на живых людях. Никакой порнографии, но и все-таки разговор оказался невозможен. В результате и образования, обучения нет. Если никто публично не объяснил, то и дома у тебя в спальне ничего не произойдет. Это же не «включил, завел и поехали». Там должны быть игровые сценарии, навык взаимодействия, другие значимые элементы.

Тренд на интимность нередко поддерживается людьми нетрадиционных ориентаций. И речь не обязательно про гомосексуализм. Сюда же можно отнести полиаморию, какие-то фетиши и так далее. Это яркое, это бурлеск. Такие люди более внимательно относятся к своему телу. В этом нет ничего плохого. Это маленькая частность — они экспериментируют. Но когда они выходят на публику, человек из деревни на них смотрит: господи, что за Содом и Гоморра?!

Опыт СССР, язык, эйджизм и самоцензура

Едва ли опыт людей, живших в условиях двоемыслия в СССР, востребован сегодня. Сам по себе транзит от советского человека к постсоветскому не завершен и даже не факт, что он был. Ядов, Заславская — эти люди боролись за перестройку, их волна, этот дискурс транзита сошел на нет примерно к 2010 г., его пик пришелся на нулевые. А было ли в итоге другое общество, я не уверен.

В русской культуре религиозными догматами, бытом, в семьях поддерживается норма молчания. У нас принято молчать. Даже о самом главном говорить не стоит. Молчание — золото. И если не хочешь выглядеть дурачком — молчи. Каждая мама своему ребенку об этом говорит: не знаешь — молчи, знаешь — тем более молчи. Эта норма разрушает личное пространство, ведь человек — животное социальное, ему нужен язык, но язык вырабатывается только в общении.

Мы наблюдаем трагичность нашего безымянного быта, наполненного пятью словами матерного типа. Мы считаем русский мат богатством языка. А это убогость, потому что другой язык не развивается. Мат иногда как музыка звучит у стариков. Они матерятся хорошо, от души, а других слов нет.

И вот возникла прослойка, где эти слова появились. Возник очень тонкий слой, этакая фольга из людей, научившихся говорить об интимном публично. Эта прослойка была активна, выпестовав эту свою активность благодаря социальным сетям. И вдруг эта фольга разорвалась. Именно этому классу людей стало не просто неуютно, а очень плохо в нынешних условиях. Именно из этой группы людей идет сейчас массовая миграция, сотни тысяч уехали за два месяца — это колоссальные цифры оттока. Понятно, не насовсем — многие просто от невозможности говорить. Вопрос даже не в эзоповом

языке и двоемыслии, а в том, что на эту «фольгу» обрушилось. У Пивоварова недавно была хорошая программа по поводу этических дилемм [Пивоваров, 2022]. Отсутствие и цензуры, и свободы слова одновременно приводит к невозможности высказаться, а затем и к очень жесткой самоцензуре. А это самое страшное.

Равно и самоэйджизм/внутреннний эйджизм гораздо страшнее, чем просто эйджизм. В отношении последнего можно создавать анклавы и программы преодоления, с собственным бороться сложнее.

В России эйджизм широко распространен, но наблюдается реальный прогресс в преодолении. Уже стало неприличным в объявлении на работу указывать возраст, хотя 20 лет назад это была общая практика. Считалось нормальным утверждать — вот такая у нас профессия, что берем только до 45, а то и до 30.

Теперь эйджизм сместился в образование. Никого не удивишь сообщением о летней школе для студентов до 25 лет. Ради эксперимента постоянно подаю заявки, получаю одни и те же ответы: вы так экспертны, что мы вам не подходим. Одним словом, эйджисты.

Думаю, это будет преодолено. Все чаще в программах нет верхней границы возраста. Студент 70 лет несет с собой не только проблемы, он может обогатить летнюю школу, на которой одни подростки. Конечно, если пионервожатые в этой школе квалифицированные.

Возраст и власть

Сложно сказать, что дает геронтократия в политике. Этот вопрос отсылает нас к позднему советскому времени — брежневскому, андроповскому, черненковскому периодам. Тогда Политбюро вызывало даже не удивление, а изумление количеством людей, которым пора уже о душе подумать, а не просиживать дни напролет в креслах.

Но сегодня ситуация иная. Основная трагедия не в том, что молодые или среднего возраста люди теряют шанс показать себя в политической или социальной жизни, поскольку места заняты. Важнее трагизм существования самих людей старшего возраста, запертых внутри системы, поскольку их возраст может дать нечто гораздо большее, нежели построение или удержание карьеры.

Позиция бессменного руководителя, что определяет геронтократию, не самая человечная и не самая благоприятная для реализации своего предназначения. Тут речь не о возрастных ограничениях, а о ротации: поскольку человека, находящегося у власти продолжительный период, власть коррумпирует, разрушает изнутри. Власть вообще штука опасная, не каждый может преодолеть это искушение. И солидный возраст, к сожалению, не защищает от ошибок, а, может быть, даже укрепляет заблуждения в отношении себя, размывает критическую позицию. На геронтократию стоит смотреть как на некую трагедию человеческого духа. Трагедию тех, кто задерживается у власти надолго, в преклонном возрасте занимает те места, что и молодым небезопасны.

При этом едва ли должен смущать возраст короля Саудовской Аравии (86 лет), главы Палестины (86), руководителя Ирана (82), Джозефа Байдена, 46-го президента США (79). Геронтократия определяется не столько календарным возрастом человека, занимающего должность, сколько временем его пребывания на ней. Можно быть геронтократом к 40 годам.

Сам тренд на солидный возраст людей во власти, может быть, даже имеет смысл поддерживать: он отражает многообразие возможностей и снятие ненужных возрастных ограничений. Избранные лидеры в той или иной позиции находятся не всю жизнь, а какой-то срок. Это своего рода вызов каждому: на конкурентных основаниях можно стать руководителем государства или компании в 70 или даже в 80 лет.

О Тренды, связанные с возрастом

Общим трендом можно назвать пересмотр представления об образовании. На государственном языке тенденция определяется как непрерывное образование. Размылась граница хобби и работы. Люди вдруг обнаружили, что на хобби можно зарабатывать порой и на порядок больше, чем на работе. Образование направлено на приобретение навыков, получение от процесса удовольствия и трансформацию его в счастье и востребованность.

Это колоссальное изменение коснулось и стариков. 20—30 лет назад пятидесятилетний человек говорил: «Куда мне учиться?». Даже от тридцатипятилетних мы слышали: «Я окончил вуз, зачем мне еще учиться? Я все знаю, я работаю».

Теперь даже в старшем возрасте редко отвечают, что учиться не надо. «Я не учусь, потому что...» — и множество оправданий. Человек — ленивое существо. Но утверждать, что учиться не надо, сейчас неуместно [Рогозин, 2016], это социально неодобряемое поведение.

Второй тренд ориентирован на интимность, сексуальность. Вопрос о сексе уже не вызывает оторопи. Спокойно могу спросить в ходе интервью 80-летнюю женщину, когда она в последний раз занималась сексом.

Кстати, основной контингент дейтинговых платформ, типа «Мамбы» и «Тиндера» — женщины 55—60 лет. Они себя пожилыми не считают, и правильно делают. Но это городская, не деревенская культура. Тут большая мобильность. Тиндер — площадка для мобильных людей, для перемещения, передвижения, экспериментов.

В общем, тренд заключается в том, что люди старших возрастов все меньше стыдятся своего тела, больше на него обращают внимание. И готовы об этом говорить.

Разговор не всегда получается, поскольку есть много страхов. Самый большой из них — собственное тело. Оно меняется, и нет культурных паттернов понимания, что измененное тело тоже красиво.

Мне помогла это осознать термальная культура Германии и Австрии. Основной контингент посетителей терм 50—60 лет, и я вдруг обнаружил, что 60-летние женщины красивы. В термах ходишь обнаженным, и это не нудизм. Это отдельная философия.

Во-первых, термальная культура связана с программами ухода и оздоровления: сауна, кремы, холодная вода, горячая, кожа становится шелковистой. Во-вторых, основная философия терм — замедление жизни. Важное место занимают комнаты отдыха. Пальмы, музыка, живой огонь. Замедляешься, и пропадает оценочность суждений. Принимаешь себя. Потом видишь женщину, она расслаблена, нравится себе, не пытается что-то скрыть, но получает удовольствие от существования. И она безумно красива.

У наших людей такое состояние вызывают воспоминаниями о любви. Человек вдруг расслабляется, уходит в воспоминания и становится очень красивым.

Тренд позитивен: люди начинают чувствовать эстетику жизни, красоту старшего возраста. Есть своя игра, флирт, любование собой. Возвращение человеку интимности.

А третий тренд... хотя нет, это константа — люди старшего возраста продолжают работать.

Важно сказать какого тренда нет, хотя все для его развития есть, и правительство этому содействует. Это тренд на повышение мобильности.

Мы на протяжении нескольких лет исследований, опросов показали, что движение— часто более важный, чем что-либо другое, фактор активного, счастливого долголетия. Человек должен двигаться. Особенно пожилой, долгожитель. Перемещаться в пространстве и сменять пространства.

Если можешь уехать, хотя бы в соседний город, жизнь обогащается. Это прямая зависимость, а старики сопротивляются. Внутренний эйджизм сковывает.

Что сделать, чтобы маме было хорошо? Вывезите ее куда-нибудь, в музей сводите, на выставку. Но родственников в этом убедить легко, а вот убедить стариков — практически невозможно. Редко кого удается вырвать из рутины. Но если получается, благо-

дарят: «Не ожидала, что будет настолько здорово». Такие мероприятия должны быть регулярными.

Но сейчас мы находимся не только в российском, но и в международном кризисе. Сильно не распутешествуешься.

Счастье не в отчетах

Что такое счастье старения? Говоря наукообразным гсоударственным языком — субъективное благополучие. Все хотят быть счастливыми. И намек на это звучит в ответе на вопрос «На сколько лет вы себя чувствуете, если все боли убрать?»; восьмидесятилетний человек отвечает — на 25—30 лет.

Много разговоров о счастье в старости с партнерами, со всеми без исключения: сотрудничаю с «Фондом Тимченко», «Фондом почет» (РЖД), фондом «Содружество» (комбинат «Магнезит» в Сатке), вступил в «Партию пенсионеров» (с ними складывается хорошее взаимодействие, то исследование надо делать, то что-то другое).

РЖД, наверное, самая продвинутая компания из мне известных. Она огромная. Можно сказать, представляет пенсионеров всей России. У них большая база и разнообразная— от работного люда до высококвалифицированных специалистов. Для телефонного опроса мы можем делать выборку, репрезентировать случайным образом, не опасаясь наличия неработающих номеров. Они создали хорошую программу сопровождения и поддержки пенсионеров. РЖД— локомотив по социальной политике в области старения. Они формируют общероссийскую повестку.

«Магнезит» гораздо меньше. У них есть цех пенсионеров. Не знаю, как это юридически оформлено, но раз в квартал, по-моему, идет выплата всем пенсионерам комбината. Раньше это было большое производство, потом сократилось, а пенсионеров много осталось. «Магнезит» реализует израильский вариант: обеспечена включенность людей, постоянное взаимодействие и политическая мобилизация в нужный момент. Как минимум, всегда известно благодаря такой программе, жив ли человек, и как он живет.

В Израиле меня поразило то, что они учат — навязывать уход не надо. Надо только раз в день пообщаться, пожелать доброго утра. Прагматично, убедиться, что жив. Либо звонишь, либо стучишь в дверь, но каждое утро. Человек к этому привыкает, как к будильнику. И к коротким беседам, именно минута-полторы разговора, но регулярно, очень важны. «Магнезит» поддерживает эту практику у себя. У них есть поводы для общения. Может, не ежедневно, но все-таки пенсионеры на виду.

Счастье всегда в общении. В малых городах пенсию приносит почтальон, и пенсионеры к его приходу конфеты достают. Был свидетелем не раз: почтальона усаживают, чай наливают. Разговор, целый ритуал. Как существует «день почтальона», приносящего пенсию, точно так же есть и день взаимодействия с организацией. Так заведено во многих наших бизнес-организациях: особенно крупных, с историей.

К сожалению, когда многие организации начинают публично говорить о социальной политике, переходят на казенный язык отчетов и показателей. Слушать неинтересно, понимаешь — очередной пиар. Классные вещи делают во многих компаниях, но не умеют об этом рассказывать. Моя задача как исследователя еще и научить их говорить человеческим языком. Существует немало душевных устоявшихся практик, но потом они трансформируются в отчеты, от которых тошнит и пенсионеров, и тех, кто их пишет.

Мы живем в мире, где в старости много счастья, но когда начинаем об этом рассказывать публично, оно превращается тоску. Большая наша беда в социальной политике — мы не умеем пускать в политику личное. Стыдимся. Не пенсионеры стыдятся, а мы, и пытаемся обезличить.

Мне говорят — нужны объективные показатели, а субъективизма не надо. Это и приводит к катастрофе. Публичность социальной политики выхолащивается. А жизнь остается счастливой и недоступной для социальных инноваторов.

Литература:

Кордонский С. Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет. М.: Common Place, 2021.

Мануильская К. М., Рогозин Д. М., Грязнова О. С., Ипатова А. А., Вьюговская Е. В. Жизнь вне изоляции: концепция нового социального дома. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.

Пивоваров А. Выбор, который делает нас // Редакция. 2022. 5 мая. URL: https://youtu.be/ZjXMBeQvrYk. Дата обращения: 30.05.2022.

Рогозин Д. М. Транспарентность молодежных организаций // Материалы исследовательского проекта «Будущее молодежи России» / под ред. Д. М. Рогозина. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 57—86.

Рогозин Д. М. Столько не живут: чему нас могут научить столетние старики. 2-е изд. М.: Изд-во «Пункт»: Common Place, 2021.

Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / под ред. Д. М. Рогозина, А. А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 8—41.

ЭССЕ

ДМИТРИЕВ АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ

архитектор по крупным компьютерным системам IBM, MBA Wawick Univeristy

От редакции: для этого выпуска мы попросили представителя старшего поколения, ученика социолога Геннадия Батыгина, написать небольшое эссе.

НАШ СОВЕТСКИЙ КОЛУМБАРИЙ

... 100 перед боем — это все мура Свое отпили мы еще в «гражданку» В. Высоцкий

Японское слово «сенсей» состоит из двух иероглифов: «сэн» — раньше, прежде и «сэй» — рождаться. У них все просто: если ты родился раньше, ты учитель. Как-то я спросил у очень старого корейца, который прикрывал рот, когда опрокидывал рюмочку водки, зачем он это делает?

- Я младший за столом, сказал он, поэтому из вежливости должен прикрывать рот, чтобы старший не обиделся (и мой собеседник указал на сидящего во главе стола).
- Сколько же нужно времени прожить, чтобы иметь право пить в открытую? спросил я.
- А когда вот он помрет, ответил кореец, показывая пальцем на того же человека во главе стола, и засмеялся.

Может быть, надо состариться, чтобы проникнуть в суть старости — мысль простая, но не факт, что неверная. Читая статьи этого выпуска «СоциоДиггера», хорошие статьи, меня не оставляет ощущение, что по большей части они все-таки не добираются сути. Суть старости лежит в перпендикулярной плоскости и параллельной вселенной.

Может быть, у авторов по их молодости не хватает смелости писать о действительно важном? А что важно в стариках? В первую очередь — жизненный опыт и багаж. Если жизнь — игра, день рождения — переход на следующий уровень, то как игроки 70-го уровня смотрят на игроков 40-го? С прищуром, как старый раввин на гоя, как говорил покойный Геннадий Семенович Батыгин.

Представляете, сколько должны преодолеть препятствий, квестов, скольких опасностей избежать те, кто добрались до 70+ уровня? А ведь многие не дошли. После 50 лет начинаешь замечать, что умерших хороших людей, с кем интересно общаться, становится больше, чем живых.

Что мне кризисы и катастрофы? Смотрю я на происходящее и думаю — пережил и не такое, с голоду не умер, переживу и это. Тем более, что все повторяется, меняется только антураж. Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Ельцин... Гайдары, Немцовы, Березовские — где они? Все там. И хорошие, и плохие. Лежат на два метра ниже уровня. А я — нет. Переживем и этих. Жестко? Ну, извините, зато правда.

Следствие опыта — скука. Возможно, первым это понял (и ярко описал) великий Джонатан Свифт в «Путешествии в Лапуту»: страницы о бессмертных струльдбругах настолько страшны, что отбивают всякое желание продлевать жизнь больше отведенного (Богом? Природой? Судьбой?) предела.

Если в 14 лет пел под гитару «Я иду по взлетной полосе, гермошлем застегнут на ходу, мой "Фантом", как пуля быстрый, в небе голубом и чистом с ревом набирает высоту...», а на военной кафедре бравые майоры с богатым опытом Вьетнама, Ливана, Анголы и т. д. рассказывали, как к американскому летчику из подбитого самолета с двух сторон бежали наши (подобрать как военнопленного) и вьетнамцы (с мотыгами, чтобы забить сразу), Югославия, Ирак, Сирия и т. д. уже не так интересны. Все одно и то же. Цинично? Но правда.

И, конечно, разочарование — или, может быть, зрелый цинизм? Прожив достаточно долго, начинаешь видеть повторение, извините за выражение, паттернов. Когда тебе та или иная сторона кричит, что это они на стороне добра, и что за ними светлое будущее, уже не так наивно веришь в их правое дело. Больше вспоминаешь старый анекдот про то, надевать перед брачной ночью ночнушку с рюшками или нет. Надевай, не надевай — все равно результат один.

Настороженность к чужим? Да нас кидали столько раз, что не счесть. Обманывали и предавали друзья, родные, государство, незнакомые умельцы, и прочая и прочая. С чего бы это я стал открываться первому встречному-поперечному? Для меня ты, как выражаются уголовники, «пассажир». Надо заслужить переход к более близкому обшению.

Но есть и другой аспект, я назвал бы его «бедный Йорик». Ведь о чем думает Гамлет у великого Шекспира? Что все шутки, мысли, смешные и глубокие, все, что знал и умел старый шут, превратилось в отвратительный гниющий череп. Как жаль. И все мои знания, весь опыт, тоже превратятся в ничто. Хотя есть слабая надежда на ноосферу Вернадского, конечно, что она пополнится, но это слабо утешает.

И вот приходит юноша каких-нибудь сорока лет (тьфу, салага), и начинает (наконец!) хоть чем-то интересоваться, спрашивать. И как ему не рассказать из своего опыта? Может быть, какой-нибудь австрийский бюргер-бургер, проживший жизнь по линеечке и правилам и растеряется. Да что он видел? А я клал кирпич, торговал в ночной палатке, таскал мерзлые свиные туши на мясокомбинате, скользя по покрытому в три пальца грязью и салом полу, меня били в висок свинчаткой, я умею подделывать печати, делал презентации министрам и пил со «смотрящими» на районе. Я могу обшить дом вагонкой и починить унитаз, разобрать карбюратор в минус двадцать и выгнать отличный самогон из падалицы. Но вам интересны мемы и репосты. Тьфу.

И еще есть «гамбургский счет». Помнится, мой хороший знакомый Арчи, (британский армянин, бежавший в Англию от резни 2015 года), которому тогда было уже далеко за 70, сказал как-то: я уже настолько стар, что могу позволить себе говорить правду.

И действительно. А что вы мне сделаете? В тюрьму посадите? Чихал я. Если бы не родные, дети-внуки, вообще бы ничего не боялся.

Конечно, помощь нужна. Когда отказывает биомеханизм и трудно дойти до туалета, потому что ножки отказывают, а перелезть в ванну — подвиг, желательно, чтобы кто-то подсобил. Но этот подсобляющий видит старую трясущуюся развалину. А внутри разваливающегося тела сидит молодой и веселый пацан, который еще идет по тому самому полю, описанному Бабелем — полю, освещенному солнцем, где гуляют женщины и кони.

Вот такая штука.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

СИНЯВСКАЯ ОКСАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

к.э.н., заместитель директора Института социальной политики НИУ ВШЭ

ОТ АКТИВНОГО К ЗДОРОВОМУ ДОЛГОЛЕТИЮ. КАКОЙ МОЖЕТ БЫТЬ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ ГРАЖДАН СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В этом году исполняется 20 лет с публикации знаменитого доклада Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «Активное старение: основы политики» , ключевые идеи которого легли в основу Международного плана действий по проблемам старения (ММПДС) и повлияли на политический дискурс о старости и старении во многих странах мира [Walker, 2015]. В нем ВОЗ определила активное старение (долголетие) как «процесс оптимизации возможностей для поддержания здоровья, участия в жизни общества и безопасности в целях обеспечения качества жизни по мере старения населения» [ВОЗ, 2016: 217].

Определенная таким образом политика активного долголетия должна одновременно способствовать и адаптации общества и экономики к изменяющейся структуре населения, и продлению активной и достойной жизни граждан старшего поколения. В основе этого фокуса на активности в старшем возрасте лежали теоретические положения теории активности [Havighurst, 1963; Lynott, Lynott, 1996] и результаты многочисленных эмпирических исследований, подтверждающих положительное влияние физической активности [Daskalopoulou et al., 2017; Heikkinen, Ageing, 1998; Jedrziewski, Lee, Trojanowski, 2007], оплачиваемой занятости и различных форм социальной активности

¹ Edwards P. (2002). Active Ageing: A Policy Framework. Geneva: World Health Organization. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1 (accessed: 2.06.2022).

² Madrid International Plan of Action on Ageing. Report of the Second World Assembly on Ageing: Madrid, 8—12 April 2002. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/397/53/PDF/N0239753.pdf? OpenElement.

³ В английском языке используется термин «active ageing», дословно переводимый на русский язык как «активное старение». Однако в российском дискурсе для обозначения этой концепции получил распространение термин «активное долголетие», что связано с негативным восприятием словосочетания «активное старение», вызывающим ассоциации с ускоренным, быстрым старением. См. обсуждение этого вопроса в статье: [Sidorenko, Zaidi, 2013].

на субъективное благополучие и характеристики здоровья людей старшего возраста [Baker et al., 2005; Litwin, Shiovitz-Ezra, 2006; Morrow-Howell, Greenfield, 2016].

Важно, что в интерпретации ВОЗ активными считаются не только занятия оплачиваемым трудом, или физкультурой, но и общественная и политическая деятельность, участие в культурных мероприятиях, духовные практики и т.п. [Walker, 2002; WHO, 2002]. Такой взгляд на старение стал большим шагом вперед по отношению и к доминировавшему прежде алармистскому взгляду на старость как период болезней, угасания и иждивенчества, на старение населения — как на разрушителя социальных государств и экономики, и к утилитарно-экономическому представлению о «производительном» старении, приносящем пользу обществу, и сводящемуся либо к занятиям спортом и самосохранительному поведению, что позволяло человеку дольше оставаться здоровым и не создавать нагрузку на системы здравоохранения или ухода, либо к оплачиваемой занятости и позднему выходу на пенсию, снижавшему бремя пенсионных расходов.

Более того, предполагалось, что новый взгляд на старение сквозь призму поддержки качества жизни по мере старения позволит учесть в политике интересы всех групп старшего поколения, независимо от их биологического возраста и состояния здоровья. А акцент на участии в жизни общества приведет к расширению прав и возможностей этой социальной группы [Walker, 2002].

Тем не менее практическое воплощение этих, достаточно идеалистических, идей стало источником серьезной критики со стороны социологов старения и социальных геронтологов [Boudiny, 2013; Boudiny, Mortelmans, 2011; Matteo Di, Lamura, Principi, 2021; Moulaert, Biggs, 2013; Pfaller, Schweda, 2019]. Во-первых, большинство национальных и региональных программ активного долголетия по-прежнему фокусируются либо на условиях поддержания здоровья (развитие гериатрии, содействие здоровому образу жизни), либо на стимулировании занятости (повышение пенсионного возраста, программы переобучения для работников старшего возраста, в более редких случаях — борьба с дискриминацией людей этого возраста на рынке труда).

Более того, даже международные определения активного долголетия, появившиеся позднее определения ВОЗ, сужают это определение до практически производительного старения. Например, согласно определению, предложенному в рамках Европейского года активного старения и солидарности поколений в 2012 г., «активное долголетие означает процесс старения человека, обладающего хорошим здоровьем, ощущающего себя полноправным членом общества, получающего более полное удовлетворение в производственной деятельности, большую независимость в повседневной жизни и осознающего себя гражданином, активно вовлечённым в жизнь общества» Европейская комиссия (ЕС) под активным долголетием понимает процесс, который «помогает людям оставаться ответственными за свою жизнь как можно дольше по мере старения и, по возможности, вносить вклад в экономику и общество» 5. И еще более узкое, фокусирующееся только на трудовом потенциале, определение предложили

⁴ Сидоренко А. Активное долголетие (Активное старение). Европейский подход. URL: https://isp.hse.ru/data/2020/04/28/1544886310/02%20Sidorenko_Doklad%20KPAD_HSE_28-04-2020.pdf (дата обращения: 2.06.2022).

⁵ URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=1062 (дата обращения: 2.06.2022).

в рамочном соглашении 2017 г. социальные партнеры ЕС: «оптимизация возможностей работников всех возрастов работать в качественных, продуктивных и здоровых условиях до установленного законом пенсионного возраста на основе взаимных обязательств и мотивации работодателей и работников» 6. Из всех приведенных определений ушло упоминание качества жизни и расширения возможностей как такового — безотносительно внесения вклада в экономику и общество или оплачиваемой занятости.

Такой подход сужает целевую группу политики долголетия до «молодых стариков», имеющих силы и здоровье («обладающих хорошим здоровьем») трудиться, или тех, для кого инвестиции в здоровый образ жизни еще могут принести отдачу; принижает значимость других форм активности и пассивного времяпровождения в старшем возрасте; игнорирует ценности людей старшей возрастной группы — их представления о благополучном старении [Boudiny, 2013; Nizamova, 2020]. За рамками такого узкого понимания активного долголетия остаются многие формы созидательной деятельности, наполняющие смыслом жизнь пожилых людей: уход за своим телом, прогулки, работа в саду, чтение, размышления и т. п. [Boudiny, Mortelmans, 2011; Pfaller, Schweda, 2019; Рогозин, 2018]. Он, по сути, предписывает социально-одобряемую модель старения, отметая другие [Matteo Di, Lamura, Principi, 2021].

Во-вторых, геронтологи критикуют и более широкую и комплексную конструкцию активного долголетия за то, что в ее основе лежит идеология неолиберализма, с его чрезмерным акцентом на индивидуальной ответственности человека за то, как складывается его старость, игнорирующим структурные ограничения, которые влияют на накопленные к старости неравенства [Boudiny, 2013; Pfaller, Schweda, 2019; Григорьева, Богданова, 2020]. Отказ признавать существующие ограничения не позволяет дополнить ответственность расширением прав и возможностей и агентностью. Кроме того, смещая акцент на вклад старшего поколения в общество, модель активного долголетия неявно придает больший вес интересам стареющего общества по возможно более длительному и полному использованию потенциала старшего поколения [Boudiny, Mortelmans, 2011; Moulaert, Biggs, 2013], нежели потребностям самих пожилых людей.

Пандемия COVID-19 высветила эти «узкие» места в конструкции активного долголетия, показав хрупкость прогресса в области преодоления негативных стереотипов в отношении старшего поколения (эйджизма), признания их агентности [Bernstein, Ebert, Hicks Patrick, 2022; Ng, Chow, Yang, 2021; Silva et al., 2021; Swift, Chasteen, 2021]. Многочисленные исследования показывают, что с самого начала пандемии социальная политика в отношении граждан старшего возраста конструировалась вокруг права государства на проявление патерналистской заботы в виде социальной изоляции и регламентации общественной жизни граждан старшего возраста в силу их более высокой уязвимости перед вирусом. Одновременно процветали дискуссии о праве граждан разных возрастов на получение медицинской помощи, особенно интенсивной. Эмпирические исследования, число которых постоянно пополняется, показывают, что как сама особенность коронавируса, так и в большей степени выбранный правитель-

⁶ URL: https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/active-ageing#:~:text=Active%20ageing%20is%20defined%20by,to%20the%20economy%20and%20society (дата обращения: 2.06.2022).

ствами способ преодоления пандемии негативно сказались на образе и качестве жизни людей старшего возраста, их возможностях жить активной жизнью и их психологическом здоровье [Brooke, Jackson, 2020; Carrieri, Peccatori, Boniolo, 2020; Daly, 2020; Petretto, Pili, 2020; Seifert, 2020; Sidorenko,].

В России и до пандемии социальная политика в интересах граждан старшего поколения выстраивалась преимущественно «сверху вниз», на основе приоритетов, сформированных федеральным и региональными правительствами, в которых граждан старшего возраста поощряли к заботе о своем здоровье и более активному участию на рынке труда, а поддержка самых старших возрастных групп реализовывалась преимущественно с помощью пенсионного обеспечения, социального обеспечения и социального обслуживания. Более того, вплоть до середины прошлого десятилетия государственная политика в отношении пожилых граждан в основном сводилась к выстраиванию инструментов социальной защиты с целью снижения бедности [Sidorenko, Zaidi, 2013]. Первая попытка выстроить комплексную систему социальной политики в стареющем обществе с учетом положений ММПДС была предпринята в 2016 г. с введением в действие Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения⁷, однако Концепция политики активного долголетия, разработанная междисциплинарной группой исследователей и практиков на базе НИУ ВШЭ и опубликованная в виде доклада в 2020 г., 8 в которой предлагалась более сбалансированная и подразумевающая активное участие граждан старшего поколения в ее формировании система мер активного долголетия, так и не была принята на официальном уровне.

С начала пандемии российское правительство, как и правительства других стран, сфокусировало основные усилия на социальном изолировании старшей возрастной группы, которой были предоставлены права на оплачиваемый больничный и дистанционную работу. На региональном уровне наблюдалась корреляция различных региональных решений в отношении этой группы с уровнем заболеваемости, что позволяет сделать вывод о том, что имплицитной целью социальной поддержки было стремление обеспечить соблюдение режима самоизоляции и противостоять заражениям, а также мотивировать их пройти вакцинацию⁹. Помимо этого, на федеральном уровне в 2021 г. пенсионеры получили единовременную денежную выплату; а на уровне регионов больше разнообразных мер по поддержке качества жизни пожилого населения принимали регионы с относительно молодой структурой населения.

Несмотря на то, что проблема неравных прав на медицинское обслуживание в период пандемии не была артикулирована в России, скорее всего, фактическая доступность медицинских услуг для пожилого населения, и так не очень высокая до пандемии, снизилась. Косвенно об этом свидетельствуют данные Комплексного наблюдения условий жизни

⁷ URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2 (дата обращения: 2.06.2022)

⁸ Концепция политики активного долголетия [Текст]: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf (дата обращения: 2.06.2022).

⁹ Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Л.Н. Овчарова, О.В. Синявская (науч. ред.); Е.А. Андреева, С.С. Бирюкова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 71.

населения Росстата ¹⁰, согласно которым в 2020 г., по сравнению с 2018 г., несколько увеличилась доля лиц, которые не смогли получить то или иное медицинское обслуживание, в том числе — и особенно среди лиц старшего возраста — по причине введения карантинных мер. В целом, данные о смертности от коронавируса в 2020—2021 гг., публикуемые Росстатом ¹¹, как и динамика ожидаемой продолжительности жизни, откатившейся за два года пандемии на уровень 2011—2012 гг., свидетельствуют о провале задачи по защите здоровья населения. По данным Национального исследования старшего поколения (НИСП), проведенного осенью 2021 г., примерно каждый пятый респондент в возрасте 50 лет и старше заявил об ухудшении состояния здоровья в период пандемии.

В этих условиях задача по активизации вклада граждан старшего возраста в общество — в русле узко понимаемой идеи активного долголетия — вступает в противоречие с заявленной ВОЗ целью поддержания качества жизни по мере старения. Более того, ожидаемое в контексте санкционного давления на российскую экономику сокращение занятости, скорее всего, приведет к ослаблению государственной риторики по стимулированию трудовой активности в старших возрастах.

На мой взгляд, провалы социальной политики в целом и некоторых положений активного долголетия в частности, проявившиеся в ходе пандемии, как и меняющиеся на наших глазах социально-экономические условия открывают «окно возможностей» для пересмотра национальных приоритетов в социальной политике в условиях старения. С одной стороны, еще более актуальными становятся вопросы поддержания здоровья на всем жизненном пути человека, лежащие в основе понятия «здорового старения» или «здорового долголетия», под которым ВОЗ понимает «процесс развития и поддержания функциональных возможностей, необходимых человеку для благополучной жизни в пожилом возрасте» [Всемирный доклад..., 2016: 35]. Функциональные возможности определяются как «набор способностей, позволяющих пожилым людям жить и действовать в соответствии со своими ценностными установками и представлениями о себе» ¹². С другой стороны, отталкиваясь от этой более человеко-центричной концепции здорового долголетия ВОЗ, важно попытаться соотнести государственные или общественные интересы в условиях старения населения с тем, как конструируют благополучную, счастливую старость сами люди, и как существующие барьеры — в виде различных форм эйджизма, правил пенсионного обеспечения и др. – мешают и активному долголетию, и благополучной старости.

Литература

Всемирный доклад о старении и здоровье. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2016.

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187—211.

¹⁰ URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 2.06.2022)

¹¹ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn_03-2022.htm (дата обращения: 2.06.2022).

¹² URL: https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing (дата обращения: 2.06.2022).

Рогозин Д. М. Ограничения и возможности сельского старения // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2. С. 86—101.

Baker L. A., Cahalin L. P., Gerst K., Burr J. A. (2005) Productive Activities and Subjective Well-Being Among Older Adults: The Influence of Number of Activities and Time Commitment. Social Indicators Research. Vol. 73. No. 3. P. 431—458.

Bernstein L. E., Ebert A. R., Hicks Patrick J. (2022) Ageism Before and During the COVID-19 Pandemic. *Translational Issues in Psychological Science*. Advance online publication.

Boudiny K. (2013) "Active Ageing": From Empty Rhetoric to Effective Policy Tool. Ageing and Society. Vol. 33. No. 6. P. 1077—1098.

Boudiny K., Mortelmans D. (2011) A Critical Perspective: Towards a Broader Understanding of "Active Ageing". *E-Journal of Applied Psychology*. Vol. 7. No. 1. P. 8—14.

Brooke J., Jackson D. (2020) Older People and COVID-19: Isolation, Risk and Ageism. *Journal of Clinical Nursing*. Vol. 29. No. 13—14. P. 2044—2046.

Carrieri D., Peccatori F. A., Boniolo G. (2020) COVID-19: A Plea to Protect the Older Population. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 19. No. 1. P. 1—4.

Daly M. (2020) The Concept of Care: Insights, Challenges and Research Avenues in COVID-19 Times. *Journal of European Social Policy*. Vol. 31.

Daskalopoulou C., Stubbs B., Kralj C., Koukounari A., Prince M., Prina A. M. (2017) Physical Activity and Healthy Ageing: A Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Cohort Studies. Ageing Research Reviews. Vol. 38. P. 6—17.

Havighurst R.J. (1963) Successful Aging. In: Processes of Aging: Social and Psychological Perspectives. Vol. 1. New York, NY: Routledge. P. 299—320.

Heikkinen R.-L., Ageing W.H.O. (1998) The Role of Physical Activity in Healthy Ageing.: World Health Organization. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/65231/WHO_HPR_AHE_98.2.pdf?sequence=1.

Jedrziewski M. K., Lee V. M.-Y., Trojanowski J. Q. (2007) Physical Activity and Cognitive Health. *Alzheimer's & Dementia Journal*. Vol. 3. No. 2. P. 98—108.

Litwin H., Shiovitz-Ezra S. (2006) The Association Between Activity and Wellbeing in Later Life: What Really Matters? Ageing and Society. Vol. 26. No. 2. P. 225—242.

Lynott R.J., Lynott P.P. (1996) Tracing the Course of Theoretical Development in the Sociology of Aging. *The Gerontologist*. Vol. 36. No. 6. P. 749—760.

Matteo C. Di, Lamura G., Principi A. (2021) Active Ageing: Conceptual Developments, International Experiences and Recent Policy Strategies in Italy. In: Handbook of Active Ageing and Quality of Life. [s. l.]: Springer. P. 593—607.

Morrow-Howell N., Greenfield E. A. (2016) Productive Engagement in Later Life. In: George L. K., Kenneth F. Ferraro K. F. (eds.) Handbook of Aging and the Social Sciences. [s. l.]: Elsevier. P. 293—313.

Moulaert T., Biggs S. (2013) International and European Policy on Work and Retirement: Reinventing Critical Perspectives on Active Ageing and Mature Subjectivity. *Human Relations*. Vol. 66. No. 1. P. 23—43.

Ng R., Chow T.Y.J., Yang W. (2021) Culture Linked to Increasing Ageism During COVID-19: Evidence From a 10-Billion-Word Corpus Across 20 Countries. *The Journals of Gerontology:* Series B. Vol. 76. No. 9. P. 1808—1816.

Nizamova A. (2020) Normativity and the Aging Self: "Active Longevity" Media Discourse in Contemporary Russia. Laboratorium: Russian Review of Social Research. Vol. 12. No. 2. P. 45–67.

Petretto D. R., Pili R. (2020) Ageing and COVID-19: What Is the Role for Elderly People? Geriatrics. Vol. 5. No. 2. P. 25.

Pfaller L., Schweda M. (2019) Excluded From the Good Life? An Ethical Approach to Conceptions of Active Ageing. Social Inclusion. Vol. 7. No. 3. P. 44—53.

Seifert A. (2020) The Digital Exclusion of Older Adults During the COVID-19 Pandemic. Journal of Gerontological Social Work. Vol. 63. No. 6—7. P. 674—676.

Sidorenko A. (2021) Active Ageing in the Time of COVID-19 With References to European and Post-Soviet Countries. *International Journal on Ageing in Developing Countries*. Vol. 6. No. 1. P. 20—33

Sidorenko A., Zaidi A. (2013) Active Ageing in CIS Countries: Semantics, Challenges, and Responses. Current Gerontology and Geriatrics Research. Vol. 2013. P. 1–17.

Silva M. F., da Silva D. S.M., de Macedo Bacurau A. G., Francisco P. M. S. B., de Assumpção D., Neri A. L., Borim F. S.A. Ageism Against Older Adults in the Context of the COVID-19 Pandemic: An Integrative Review. *Rev Saude Publica*. 2021. Vol. 55. P. 4.

Swift H.J., Chasteen A.L. Ageism in the Time of COVID-19. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 246—252.

Walker A. (2002) A Strategy for Active Ageing. *International Social Security Review*. Vol. 55. No. 1. P. 121 – 139.

Walker A. (2015) Active Ageing: Realising Its Potential. Australasian Journal on Ageing. Vol. 34. No. 1. P. 2—8.

Edwards P. (2002) Active Ageing: A Policy Framework. Geneva: World Health Organization.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

ФАЙН СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА

директор АНО ЦСКПУ «Друзья общины святого Эгидия», куратор сообщества организаций помощи пожилым при Ассоциации «Все вместе», к.ф.н., доцент Всероссийской академии внешней торговли

ИТОГИ COVID-19: УЯЗВИМОСТЬ И ЦЕННОСТЬ СТАРШИХ

Пожилые люди более хрупкие и уязвимые, у них значительно больше материальных, медицинских, социальных и прочих проблем, чем у молодых людей. Это весьма банальная прописная истина всех времен, исследованная учеными и зафиксированная в народных пословицах типа «старость не радость».

Но пандемия коронавируса обострила все, сделала проблемы и трудности пожилых людей более явными и нуждающимися в более срочном понимании и решении. Возможно, именно потому, что многое, казавшееся нормальным и само собой разумеющимся, «вылезло» на поверхность, выявило свою абсурдность или по меньшей мере проблематичность, и какие-то устои пошатнулись, — появился шанс что-то изменить и построить что-то новое.

Ухудшение физического и психо-эмоционального здоровья пожилых в пандемию

Первая и самая очевидная характеристика пожилых людей — это физическая хрупкость, которая в пандемию выражалась в большей вероятности тяжелого течения COVID-19 и смертельного исхода. Риски нес с собой не только коронавирус. Многие «обычные» болезни пожилых людей оказалось опасно лечить: при госпитализации увеличивался риск заражения, не хватало медицинского персонала для лечения гериатрических пациентов, потому что врачи и больницы были заняты под COVID.

Эти объективные обстоятельства вызвали у многих пожилых людей **страхи**: боязнь заразиться, не пережить, чувство, что ты в группе риска, на передовой, страх выходить из дома, общаться. Все это накапливалось месяцами и давило.

Физическая уязвимость пожилых людей вызвала у правительств и граждан многих стран доброе желание их защитить. Кто-то сказал, что, когда весной 2020 г. был объявлен локдаун, впервые в истории пожертвовали продуктивностью экономики ради жизни пожилых и слабых. Все мы видели большую помощь пожилым людям, целую волну солидарности, волонтерские движения: в Москве, в других городах России, во многих

странах мира. Именно тогда в России появилась коалиция «Забота рядом», объединившая по всей стране самые разные организации, помогающие пожилым людям, а некоторые начали делать это в пандемию.

Такое заботливое внимание к пожилым людям — очень позитивное явление. Но у этой защиты и заботы есть обратная сторона, и не одна.

Самоизоляция — одиночество «на максимум» и потеря субъектности

«Сидите дома, не выходите на улицу, мы сами все принесем бесконтактным способом, выйдете — оштрафуем, с родственниками не общайтесь, со знакомыми — тем более...». Самоизоляция обострила одиночество пожилых людей до предела. Одиночество уже давно было огромной «болезнью» стариков, не менее тяжелой, чем другие заболевания, усугубляющей их течение и отягощающей жизнь людей: ровесники умирают, коллег больше нет, дети и внуки бегут по своим делам, круг общения сужается. Человек оказывается как бы выброшенным из социальной ткани, из социума. Но в пандемию одиночество своей пустотой заполнило почти всю жизнь многих пожилых людей: они оказались запертыми в четырех стенах у себя дома или в интернатах, не видя ни родственников, ни знакомых. Привычные виды социализации (театр, клуб, магазин, поликлиника и т. д.) почти исчезли, а заменить их новыми формами (интернет, Zoom, соцсети и т. д.), как сделали более молодые люди, удалось немногим.

В общем, у пожилых людей и прежде видов общения было значительно меньше, и исчезли они более радикально, и почти ничего не пришло взамен. Как сказала нам восьмидесятидвухлетняя Альбина Ивановна: «Приходите, хоть на людей посмотрю».

Но есть и еще одна обратная сторона, которую можно назвать потерей значимости и даже субъектности, что тоже началось не вчера. Это вопрос о роли пожилых людей в социуме. В традиционном обществе старики являются носителями народной мудрости, знаний, умений, традиций, примет, фольклора, ценными и значимыми членами общества: есть даже пословица «Когда умирает старик — сгорает целая библиотека». В современном стремительно меняющемся обществе дети разбираются в жизни лучше родителей, а внуки еще лучше, и зачем вообще этот дедушка, часто непонятно. С пандемией все сильно обострилось. В любой новой непонятной ситуации молодым легче разобраться, они гибче — и это приводит не только к уменьшению роли старших в жизни, но и к заметному усилению патернализма в отношении пожилых людей. Тем более, что многие житейские вопросы теперь решаются в новых форматах, через интернет, что часто отсекает пожилых от решений. Бабушка бы в магазин сходила, а дочка уже доставку заказала. Она уверена, что сделала доброе дело (и дело действительно доброе, особенно в разгар пандемии), но бабушка лишилась одной из немногих своих остававшихся «функций». В замкнутом кругу оказались многие работающие пожилые люди: им и присутствовать на рабочем месте было запрещено на протяжении долгого времени, и перейти в онлайн-формат сложнее, чем молодым. Во многих случаях это привело к досрочному завершению трудовой деятельности людьми, чьи знания и опыт еще могли быть востребованными.

И это вопрос не только резкого снижения значимости пожилых людей в обществе, но и во многих случаях потери права самостоятельно принимать решения, касающиеся собственной жизни. Из лучших побуждений стариками все командуют, от городских властей до собственных детей («Дети не разрешили»), — и пожилые люди перестают быть субъектами, хозяевами своей жизни.

Люди более молодые, самостоятельные, активные часто считают себя сильной стороной в отношениях со старшими. Они лучше знают, как и что надо делать в той или иной ситуации, а потому пытаются господствовать и управлять. И не замечают унизительности такого подхода для людей, проживших долгую жизнь. Старики — «дураки», которые ничего в нашем мире не понимают? Возможно, в каком-то конкретном случае действительно не понимают. Но у кого-то просто другой взгляд на жизнь, на свою судьбу и желания, а у кого-то страх, что его считают «дураком», ситуаций может быть много. Но в любом случае старшим необходимо уважение к их решениям и стремлениям.

Новые ответы на старые вопросы о главном

Люди в возрасте хотят жить, и оставшиеся годы особенно драгоценны. Но что означает желание жить? Пандемия заставила людей, прежде всего пожилых, взглянуть на этот вопрос с новых позиций. Это желание прожить как можно дольше, не умереть, и тогда лучше сидеть дома как можно осторожнее? Или это желание жить как можно более наполненной жизнью, не поддаваясь страху заболеть? На этот, часто несформулированный, вопрос каждый отвечает и имеет право отвечать по-своему.

Пандемия поставила вопросы о старших и перед обществом. Один из них — об изоляции и месте стационарных учреждений в системе соцзащиты. От 42 до 57% всех умерших от первой волны COVID-19 в Италии, Бельгии, Франции, Испании и Ирландии приходится на гериатрические центры — таковы данные Лондонской школы экономики ¹. Это заставило общество задуматься о переформатировании всей системы социальной защиты пожилых людей, о том, что основным местом заботы и лечения должен быть дом, о множестве альтернатив большим учреждениям, таких как дома семейного типа, совместное проживание (cohousing), о роли телемедицины в системе здравоохранения².

Община святого Эгидия на европейском уровне после первой волны пандемии выпустила призыв: «Без стариков нет будущего» как протест против избирательного здравоохранения и призыв к человечности, к переосмыслению ценности пожилых людей и их места в обществе, к пересмотру работы систем соцзащиты и здравоохранения: «Значимость пожилых людей и их общественный вклад остаются предметом глубоких размышлений во всех культурах. Солидарность между поколениями заложена в самые основы общества... Ценность каждой жизни должна быть одинаковой. Кто презирает хрупкую и слабую жизнь более старых людей, подготавливает обесценивание всякой жизни. Своим призывом мы выражаем скорбь и озабоченность из-за смерти множества пожилых людей в эти месяцы и призываем к нравственному пробуждению — для того,

¹ URL: https://www.theguardian.com/world/2020/apr/13/half-of-coronavirus-deaths-happen-in-care-homes-data-from-eu-suggests (дата обращения: 31.05.2022).

 $^{^2}$ См., например: С. Файн «Система стационаров обезоружила тех, кого призвана была защищать». URL: https://www.asi.org.ru/2020/05/26/o-vrede-statsionarov/ (дата обращения: 31.05.2022).

чтобы забота о пожилых людях и их лечении развивалась в ином направлении, чтобы самых уязвимых никогда не считали обузой или, что хуже, просто никому не нужными людьми»³

Все это — не только вопросы безопасности и лучшей организации системы. Это вопросы человечности. Потому что изоляция стирает краски жизни, «вымывает» из нее смысл и радость. «Зачем я живу? Для кого я живу? Кому я нужен и ценен? Кого ждать? Для кого одеваться?» Без ответа на эти вопросы все теряет смысл. Жизнь превращается в дожитие.

Говорят, что для роста и будущего детей нужен значимый взрослый. Но значимые люди нужны в любом возрасте, особенно в старшем. Об этом есть пронзительное стихотворение Леонида Филатова, названное словами его двухлетней внучки Оли «Деда, погоди»:

«И я годил, годил, сколь было сил, а на соседних койках не годили, Хирели, сохли, чахли, уходили, никто их погодить не попросил».

Очень нужны люди, которые могли бы пробить брешь в стене одиночества, хотя бы один такой человек: родственник, друг, волонтер, социальный работник, сотрудник интерната, сосед, бывший коллега. И важно понять, в чем на самом деле человек нуждается. Часто в жалобе и нытье можно услышать позитив, просьбу о любви. «Ты меня совсем забросил...», переводится как: «Я тебя люблю и хочу видеть чаще», а «Скорей бы я умер» — как «Скажи мне, что я тебе дорог».

Но не только пожилому человеку нужно не быть изолированным. Само общество дегуманизируется без стариков — они нужны в обществе, а не в гетто. Именно хрупкость и уязвимость пожилых людей пробуждают человечность, учат дружбе и пониманию. «Современный человек стремится отступить перед лицом слабости, ему трудно строить прочные дружеские отношения, он боится настоящей любви. Старушка из дома престарелых, которую никто не замечает, может привлечь, заинтересовать и стать источником глубокой привязанности для такого человека, с его хрупкостью и страхом перед жизнью»⁴.

Достоинство человека — в том, чтобы **быть нужным**, иметь возможность помочь другим, в радости давать. Не менее важно, чем дать еду — **дать возможность отдавать**, делать добро другим, почувствовать, что ты нужен. Очень важная задача нашего времени — **переосмыслить старость и ее ценность, место пожилого человека в обществе**. Пожилые люди не могут быть только объектами заботы, хотя забота прекрасна и нужна. Достойная старость — не только материальная обеспеченность, это и **старость с достоинством быть нужным и ценным**.

³ URL: https://www.santegidio.org/pageID/37740/langID/ru/Без-стариков-нет-будущего.html (дата обращения: 31.05.2022).

⁴ «Сила возраста. Уроки старости для семей и молодежи», СПБ, Алетейя, 2019, С. 192.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

ИВАНОВ ПЕТР ВАДИМОВИЧ

социолог города и соучредитель лаборатории «Гражданская инженерия», профессор Свободного университета

СТАРШИЕ КАК СУБЪЕКТ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ: СПОСОБНЫЕ МЕНЯТЬ И МЕНЯТЬСЯ

Малые территории России, будь то села, поселки или небольшие городки зачастую трудно отличимы друг от друга. Их объединяет удаленность от центров социальной и экономической активности, низкая плотность среды и, в большинстве своем, сжатие. На карте России трудно найти малую территорию, которая бы не испытывала серьезного оттока трудоспособного населения, в первую очередь молодежи. Остаются дети с мамами (папы на вахте), бюджетники и пожилые люди.

Принято считать, что одиночество — это проблема больших городов. Однако исследования показывают, что проблема одиночества на сжимающихся территориях стоит не менее остро. Отъезд родственников, экономические трудности, депрессивность вида из окна — все это не способствует тому, чтобы те, кто остается на малой территории, чувствовали себя хорошо. И если у мам с детьми есть какой-то понятный развернутый во времени проект — доучить детей и отправить их в большой город — то у людей старшего возраста зачастую такого проекта нет. На тех территориях, где и матери вовлечены в вахту, можно встретить институт наемных бабушек и дедушек, которые сидят с детьми, пока родители зарабатывают деньги. Это не самое частое явление, но один из способов для людей старшего возраста чувствовать себя нужными.

Гораздо чаще пенсионеры на малых территориях оказываются вовлечены в сбор дикоросов. Возраст может быть и не позволяет демонстрировать ударные результаты, но за сезон удается собрать и продать на заготовительные заводики достаточно грибов и ягод, чтобы оказывать значимую финансовую поддержку детям и внукам, отправившимся покорять большие города. Также старшие получают пенсию, что может быть единственным стабильным и регулярным доходом для семьи. Участие в практиках коллективного семейного выживания — пожалуй, самая распространенная роль старших на малых территориях.

Впрочем, заполнить жизнь только заботой о выживании довольно трудно. Да и не все люди старшего возраста имеют семью. Тому могут быть разные причины, но в любом

случае жизненные сценарии не ограничиваются и не должны ограничиваться одной только экономической поддержкой родных и близких. Именно пенсионеры составляют костяк движения территориальных общественных самоуправлений на малых территориях. Высвободившийся временной ресурс после выхода на пенсию может быть направлен на организационную работу. Там, где это происходит — строятся дороги и соседские центры, проводятся народные праздники, развивается добрососедство.

Старшие на малых территориях — движущая сила бюджетных учреждений культуры, будь то ДК, библиотеки, молодежные центры. Существует предубеждение, что люди старшего возраста воспроизводят в своей практике советский шаблон, и ведомые ими учреждения культуры не могут продемонстрировать что-то сколько-нибудь современное и востребованное. Однако это далеко не так. Менеджеры культуры в возрасте 50+ обучаются на образовательных онлайн-платформах, заочных магистерских программах, в том числе, например, МВШСЭН, и активно применяют получаемые знания в своей деятельности.

На некоторых территориях действуют специальные социальные проекты, направленные на поддержку активности старших. Так, например, в Усолье Сибирском действует проект «Высшая народная школа». Пенсионеры собираются на базе общеобразовательной школы, для них проводятся уроки литературы и истории, лекции, которые участники могут читать и друг для друга. При школе есть молодые волонтеры, обучающие старших пользоваться гаджетами и интернетом. Сами люди старшего возраста вовлекаются в социальное волонтерство — работают с детьми из детдома, обучая их бытовым навыкам.

Важный сценарий для старших на малых территориях — ремесленничество. Те, кто освоил интернет, активно образуют сообщества, занимающиеся различными видами рукоделия: резьба по дереву, изготовление кукол, валяние сувениров из шерсти. Изделия могут быть самыми разнообразными, важно, что это не только декоративно-прикладное искусство, изготовление поделок, но еще и экономическая практика. В малых городах часто организуются локальные «арбаты», где изделия продаются офлайн, но также бойко идет торговля и изготовление изделий на заказ через социальные сети.

Еще удачный пример можно найти в Урюпинске. На базе пионерского лагеря «Хопёр» проводятся лагерные смены для людей старшего возраста. С одной стороны, это игра с ностальгией по советскому детству с линейками и Днем Нептуна, с другой стороны, это важный проект: в его рамках старшие учатся не только песням и танцам, но и социокультурному проектированию, с тем чтобы лучше раскрыть свой потенциал нужности для города и горожан. И, разумеется, это важное место социализации, где можно заводить друзей и романтические партнерства.

Иногда работа со старшими, живущими на малых территориях, ведется на региональном уровне. Так, например, в период пандемии в Красноярском крае действовал проект «Бюро 55+: эмоциональная перезагрузка», направленный на то, чтобы организовывать предпенсионеров и пенсионеров на самоизоляции вокруг онлайн-площадок для работы с психологами и другими специалистами, обучающими в том числе различным навыкам и техникам копинга и работы со стрессом.

В подобного рода проектах очень важно, чтобы выдерживалась грань между развлечением и эмпауэрментом. К сожалению, так бывает не всегда, и мы можем наблюдать проекты, объективирующие старших и инкапсулирующие их в инвалидизированном статусе пенсионера. Да, возможно в процессе складывания оригами или пения советских песен участникам относительно весело, но гораздо важнее и полезнее, когда помимо веселья людям старшего возраста возвращается субъектность, пошатнувшаяся после выхода на пенсию.

Частным сценарием сохранения субъектности старших на малой территории является участие в Советах ветеранов. На некоторых территориях Совет ветеранов — единственная реально действующая общественная организация. Список активностей варьируется, нет какого-то обязательного перечня. Но это может быть и консультативная роль при органах власти по вопросам благоустройства, и организационная роль при проведении массовых мероприятий, и проактивная роль в привлечении грантового финансирования на социокультурные проекты. Потенциально это серьезная структура социального капитала на территории, и очень часто этот потенциал реализуется.

Каждая малая территория по-своему уникальна, но объединяет их то, что основным потенциально активным населением являются люди старшего возраста. Каждой территории следует обращать на это внимание, на уровне администрации и СО НКО развивать инструменты поддержки и эмпауэрмента старших, создавать межпоколенческие проекты, которые бы объединяли вокруг социального волонтерства и социокультурной деятельности пенсионеров и другие основные группы населения малых территорий — школьников и их матерей. Это могут быть проекты в сфере образования, культуры, туризма, ремесла. Сценарии могут быть самые различные — главное, чтобы эти проекты рассматривали старших не как объект заботы, а как деятельных субъектов, способных менять свое территориальное сообщество и свою территорию к лучшему.

ОЛЕСКИНА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА

директор благотворительного фонда «Старость в радость»

СИСТЕМА ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА: СТАРОСТЬ НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ВРЕМЕНЕМ, КОГДА ЧЕЛОВЕК ОСТАЕТСЯ НАЕДИНЕ СО СВОИМИ БЕДАМИ И БОЛЕЗНЯМИ ИЛИ СТАНОВИТСЯ ОБУЗОЙ ДЛЯ СЕМЬИ'

Татьяна Дроздова: Елизавета, что такое система долговременного ухода в принципе? Возможен ли эталонный вариант СДУ или в каждом случае система подстраивается под конкретного человека?

Елизавета Олескина: Если уйти от официальных определений ВОЗ или нормативных актов отечественного Министерства труда и сказать просто, то это система, которая обеспечивает людей, зависимых от ухода, комплексной помощью. Она поддерживает семьи, несущие бремя ухода, и нацелена на то, чтобы все, кто сталкивается с этой проблемой, смогли получить достаточную поддержку, которая позволила бы максимально сохранить привычный образ жизни, независимость, социальные связи, привычное качество жизни.

Золотой стандарт СДУ — это модель, которая с 2018 г. пилотируется у нас в стране. Она сложилась из мирового опыта, на основе проб и ошибок, сделанных в странах, начавших создавать такие системы задолго до нас (мы отстаем на несколько десятилетий как минимум). По данным ВОЗ, так или иначе СДУ сейчас развивают 98 стран мира. Эталонность — в идеологии системы, в принципах ее работы, в наборе ее элементов: как выявлять нуждающихся в уходе людей, как определять потребность в уходе, как организовывать уход дома и в стационарах, как подключать к комплексной помощи дневные центры и пункты проката технических средств для ухода, как организовывать школы ухода для родственников, как решать вопрос финансирования системы, подготовки кадров.

¹ Интервью Татьяны Дроздовой с Елизаветой Олескиной специально для СоциоДиггера.

А конкретная реализация системы зависит от страны, региона. Например, у нас и в некоторых других странах СДУ ведется на базе соцслужб, а медицина привлекается в рамках межведомственного взаимодействия. Есть и обратный вариант, когда СДУ создается на базе системы здравоохранения, а социальные службы пристыковываются к системе. Это зависит от структуры управления, законодательства и т. п. В России есть еще огромная региональная специфика, которая, помимо географических особенностей, экономического уровня, уклада, традиций, усугубляется еще и тем, что российское законодательство (Федеральный закон № 442, регламентирующий работу соцслужб) закрепляет ответственность за организацию социальной работы за регионами, т. е. у всех регионов свое финансирование, особенности законодательства и т. д.

Один из базовых принципов СДУ — система должна подстраиваться под каждого конкретного человека. К примеру, часы ухода, которые получает человек по итогам оценки его состояния (типизации), будут предоставлены на дому, либо на дому и в дневном центре, либо только в дневном центре. И сама разбивка часов тоже сугубо индивидуальна. Например, человек получает второй уровень по итогам оценки нуждаемости в уходе: это дает ему право на 21 час бесплатного ухода в неделю. Эти часы могут предоставляться ему по 3 часа ежедневно или группироваться иначе, помощник по уходу может приходить утром и вечером, или утром и днем, или раз в день в дневное время — как это будет удобнее нуждающемуся в помощи человеку и его семье.

Т. Д.: Есть ли какие-то риски, возможности для злоупотребления в сфере СДУ?

Е. О: Конечно, как и в любой сфере, где есть человеческий фактор. Ухаживающий может некачественно выполнять свою работу, оказывать помощь меньшее количество времени, заниматься приписками, просить деньги за бесплатные услуги. А человек, нуждающийся в уходе, может беспочвенно обвинить ухаживающего в краже, пытаться использовать помощника в качестве домработницы и т. п. Но и в столовой повар может плохо еду приготовить или унести домой продукты, а клиент разбить тарелки. Большинство таких вопросов решаются отлаженным контролем качества, что важно для обеих сторон: и для клиента, желающего пообедать, и для повара, этот обед готовящего. Почему мне нравится пример из сферы услуг? Потому что основные принципы в СДУ точно такие же. Это по своей сути тоже социальный сервис, где все кусочки пазла выстраиваются вокруг человека.

Мария Семеновна в Пензенской области живет одна, из дома не выходит, еле-еле встает с кровати, уже давно нормально не ест, не моется. Очевидно, доставки продуктов и уборки, которую делает соцработник два раза в неделю, ей недостаточно. И вот прошла Мария Семеновна оценку нуждаемости, получила 2-й уровень ухода, который дает ей право на 21 час в неделю. Составили план ухода, начинает помощник приходить, помогает умыться, завтрак готовит и т. д. И тут выясняет, что у Марии Семеновны сильно суставы болят, да так, что ни стать ни сесть, врача не дозвалась, лечения не получает, инвалидность не оформляли, коляски нет, ходунков нет. Тогда координатор из комплексного центра начинает добиваться сразу всей необходимой медицинской помощи для Марии Семеновны: врач на дом, регулярный медицинский патронаж из поликлиники, инициирует процедуру прохождения медико-социальной

экспертизы. Мария Семеновна сама ничего конкретного не требовала, только жаловалась на сильные боли и бесконечно благодарила свою помощницу по уходу. Да, и еще все вздыхала, как бы ей хотелось хоть разок на улице побывать.

Система по нуждам человека начинает вести каждый конкретный случай, привлекая тех участников, кто в этой ситуации нужен.

Т. Д.: Как это устроено за рубежом в разных странах?

E. O.: За рубежом такие системы (чаще всего называются Long-Term Care (LTC)) последние 30 лет создавались, а последние 10 лет — реформировались. Дело в том, что увеличение количества людей, которым начинает или начнет требоваться помощь, чтобы существовать полноценно, — общемировой тренд. С увеличением продолжительности жизни неизбежно станет больше тех, кто будет жить дольше, болеть дольше, нуждаясь в помощи не год и не два.

Нас часто за эти годы просили рассказать, как дела обстоят в той или иной стране. Конечно, можно обсудить отдельно Германию, Израиль, Францию, Великобританию, Австралию и все остальные из 98 стран. Но самый главный вывод будет заключаться в том, что при общей модели таких систем каждая страна реализует тот вариант, который лучше всего соответствует ее потребностям. Например, как решать вопрос с кадрами? Где найти столько помощников по уходу? Эта проблема у всех. Кто-то больше полагается на мигрантов и создает им условия, кто-то — на родственников, подстраиваясь под их особенности. Кто-то делает ставку на свои кадры. Большинство делает микс, потому что, когда кадров не хватает, приходится хвататься за все возможности. У нас решение вопроса кадров очень зависит от региона. Одно дело в мегаполисах, другое в деревнях, третье на территориях, где вовсе на сотни километров тайга.

В мире чаще всего вопросы финансирования системы завязаны на страховые механизмы (действительно, по сути, это же разделенный риск), и чаще всего модель финансирования комбинированная: это и страховые элементы, и деньги государства, и соплатеж человека. В разных пропорциях.

Т. Д.: Как финансирование СДУ устроено сейчас в России?

Е. О.: Надо различать финансирование СДУ в целом, когда она будет работать в стране, и финансирование пилотного проекта, в котором эта система тестируется. К вопросу финансирования было много подходов. Ключевых моментов тут два. Первый — это не должно быть региональное финансирование. Вряд ли регионы, значительная часть из которых дотационные, смогут взвалить на себя еще и эти обязательства. Второй — для человека помощь СДУ должна быть бесплатной, в том смысле, что он не должен дополнительно платить еще и за эту помощь. У нас слишком много бедных людей.

С 2018 г. обсуждалось несколько вариантов. Говорили об использовании социального страхования на долговременный уход, так как сам принцип системы очень похож на страховой — минимальный объем помощи, единый для всех регионов, бесплатный для человека, и привязанный только к состоянию человека. Сейчас обсуждается и другой

вариант — финансирование из бюджета. В тот момент, когда будет принято решение начать запускать систему уже не в пилотном, а в полноценном режиме во всей стране, должен быть решен прежде всего именно этот вопрос, вопрос финансового обеспечения.

Повторюсь, для нуждающегося в уходе человека основная часть помощи должна быть бесплатна. Как сейчас это и заложено в модели, утвержденной Минтрудом, и как это делается в пилотных регионах.

Если же говорить о финансировании пилота, который в данный момент идет, то в нем отработка элементов СДУ идет и за счет федерального бюджета (в 2022 г. это строго оплата часов ухода на дому), и из регионального (основные траты по части центров дневного пребывания, к примеру, и других элементов системы).

- **Т. Д.:** В чем проблемы с СДУ в России? Откуда такое желание ее бесконечно реформировать?
- **Е. О.:** Проблемы СДУ сейчас в том, что ее нет. Нельзя реформировать то, чего нет. А реформировать, безусловно, нужно, но не СДУ. Скорее, вопрос о том, чего не хватает в текущей системе социального обслуживания? Надо сказать, что не хватает самой малости: ухода за людьми, нуждающимися в помощи. Его нет. На дому нет. В дневных центрах нет. В интернатах есть, и там как раз действительно вопрос именно про «реформирование».
- Т. Д.: Как получилось, что в системе помощи людям не оказалось самого важного?
- **Е. О.:** Дело в том, что запросы меняются. Система соцобслуживания создавалась давно, и первым делом нужно было хотя бы продукты обеспечить людям, оплату коммуналки, доставку лекарств. Следующим шагом, конечно, должна была подключиться помощь посерьезнее, для тех, кому только с доставкой продуктов и уборкой не выжить. Но по разным причинам этот шаг не был сделан. Хорошо, что есть надежда: СДУ полноценно заработает. Хорошо, что идет пилотный проект, что уже 34 региона эту помощь тестируют. Плохо, что пока идет пилот, в других регионах, и в других районах люди продолжают беспросветно мучаться. И ждать.
- **Т. Д.:** Кто-то ведет разработку новой системы? Сколько она длится? Если долго почему так долго? Какие препятствия?
- **Е. О.:** Разработку СДУ ведет Министерство труда и социальной защиты РФ вместе с пилотными регионами, они уже все элементы системы апробируют у себя. Наш фонд был инициатором этого пилотного проекта и сейчас мы методически помогаем регионам.

Решение о пилоте было принято в конце 2017 г., а начался он в 2018 г. с 6 регионов. Теперь регионов 34 и еще почти 30 регионов инициативно, на свои средства, начинают работу по отработке элементов СДУ.

Почему элементов? Потому что пока не решен вопрос о запуске в целом, не решен вопрос финансирования, все это только подходы. Хотя, конечно, отрадно, что уже и такие подходы дают облегчение и помощь тысячам страдающих людей и их семьям.

Долго ли длится пилот? Сейчас как раз такой момент, когда нужен следующий шаг. Действительно, регионам нужно было время для того, чтобы освоить элементы системы, приноровиться. Это огромный объем работ — и изменение нормативных актов, и обучение специалистов, и налаживание процессов. Тут по «щучьему велению, по моему хотению» ничего не случится. Но до бесконечности откладывать внедрение системы невозможно. Это необходимо делать в ближайшее время. Огромное количество людей ждет этой помощи.

- Т. Д.: Чем новая система должна отличаться от старой?
- **Е. О.:** Это не ситуация «до основанья, а затем». Система долговременного ухода строится на том фундаменте, который, благодаря системе социального обслуживания, в каждом регионе есть. СДУ дополняет то, что уже создано, а еще собирает разные элементы, в том числе и межведомственные, вокруг человека. То есть и службу здравоохранения, и образование, и культуру все, что нужно в каждом конкретном случае.
- **Т. Д.:** Что конкретно должны сделать чиновники в регионе, чтобы внедрить у себя СДУ? Можно по пунктам.
- **Е. О.:** Начинается все со сложнейшей работы по изменению региональной нормативной базы. Должны измениться и перечень услуг (надо, чтобы там появились чаще всего отсутствующие услуги по уходу), и стандарты услуг (как часто та или иная услуга должна быть оказана), появиться положения о новых сервисах, таких как дневные центры или школы ухода, измениться формат работы стационаров, то есть домов престарелых и ПНИ.

Параллельно нужно отработать все процессы организации работы, расставить кадры, отработать новый функционал. Если раньше приходили к человеку соцработники, то теперь начнут приходить помощники по уходу. Эти изменения надо отработать.

Нужно наладить межведомственное взаимодействие. Прежде всего медиков и соцработников. Все, кто представляет себе этот процесс, понимает, какая прорва работы за этим стоит, и как трудно преодолеть разобщенность ведомств и отсутствие привычки работать вместе в интересах конкретного человека.

Еще одна сложнейшая задача — найти кадры. Все регионы добавляют сотрудников по уходу, координаторов, обеспечивают открывающиеся центры дневного пребывания специалистами по уходу и по дневной занятости, открывают школы ухода и пункты проката. В среднем, если сегодня один социальный работник обслуживает 10-15 подопечных, то в рамках СДУ нагрузка на одного работника по уходу на дому будет варьироваться от двух до трех человек, для людей 1-3 уровней ухода в целом. Это очень серьезное увеличение количества персонала.

А ведь еще выявление начнет работать — нуждающихся людей станут выявлять проактивно, а не ждать, когда человек сам сумеет обратиться за помощью. Таким образом, надо закладывать еще как минимум 10% увеличения количества нуждающихся, то есть будут нужны еще и еще руки по уходу.

Потом нужно все эти кадры обучить. Что само по себе выливается в отдельные задачи. Где и как, например, обучить столько помощников по уходу? Или новых специалистовтипизаторов и социальных координаторов?

Наконец, нужно решить вопрос оценки качества работы каждого элемента. А у нас и вне СДУ проблема контроля плохо решается. Контролирующих органов более, чем достаточно, но их совокупные усилия не приводят к пониманию, качественно ли работает та или иная система.

Как понятно из того, что говорилось выше — регионы без усилий на федеральном уровне не смогут все сделать сами. На федеральном уровне должно быть предпринято изменение Федерального закона № 442, чтобы можно было укоренить в него СДУ, и принять решение о финансировании.

Т. Д.: Какова роль родственников в СДУ?

Е. О.: Это очень важный вопрос. Роль родственников — ключевая. Можно сказать — главная, а не второстепенная, как в сложившемся в нашей социальной практике порядке дел было. Родственники, ухаживающие за своим близким, — это полноценная вторая целевая аудитория системы долговременного ухода. Задача СДУ — помочь семье, поддержать ее, дать ей право выбора формата помощи, сделать так, чтобы она справилась и не надорвалась. Чтобы члены семьи смогли оставаться рядом с родным человеком, но не должны были бросать на алтарь ухода всю свою жизнь и все свое здоровье. Родственники должны получить поддержку и в виде сервисов СДУ, в виде часов ухода. В том числе — получить право быть трудоустроенными внутри системы, если этот вариант наиболее подходит им и их близкому человеку.

Т. Д.: Какую роль может во всем этом играть бизнес?

Е. О.: Рынок услуг для людей, нуждающихся в уходе, общественный запрос на разные виды помощи, огромен и будет только расти. Государство становится заказчиком, плательщиком и «проверяльщиком». Исполнителей, чтобы дать помощь всем, кому она нужна, и дать всю разнообразную помощь, должно быть много, и без бизнеса найти тех, кто станет эту помощь предоставлять, сложно. Во многих странах, к примеру, большая часть дневных центров, функционирующих в рамках СДУ, принадлежат бизнесу и НКО. В других странах основные поставщики услуг по уходу на дому — бизнес и НКО.

- **Т. Д.:** Если пофантазировать и представить, что система СДУ внедрена повсеместно, как это скажется на обществе и изменит близкородственные отношения, отношение к старости и к пожилым людям?
- **Е. О.:** Хочется надеется, что все же мы говорим не о фантазиях, а о планах на ближайшее (вопрос, насколько ближайшее, не будем сейчас обсуждать) будущее. Конечно, система долговременного ухода принесет большие изменения. Это и новый рынок труда, и новые рабочие места. Но прежде всего она должна дать огромное облегчение страдающим людям и изменить отношение к старости как ко времени, когда человек остается наедине со своими бедами и болезнями, страшась стать обузой для своей

семьи. При должной помощи со стороны государства бремя ухода станет более подъемным даже для малообеспеченных семей, а страх старости станет не таким парализующим и всеохватным.

- **Т. Д.:** Немного научной фантастики: представим, что изобрели и подключили антропоморфных роботов к уходу за пожилыми людьми. Это нормально или бесчеловечно?
- **Е. О.:** Вопрос только в том, в каких именно этапах ухода эти роботы будут задействованы? Помогать поднимать тяжелую коляску по лестнице? Доставлять горячее питание? Делать уборку и выносить мусор? Очень даже возможно. Кира, моя коллега, на вопрос новичков, что такое уход, всегда отвечает предельно просто это все, что мы делаем с человеком на расстоянии ближе 10 сантиметров к нему. Вот все, что ближе десяти сантиметров к живому и теплому человеку, может делать только такой же живой и теплый человек.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

МОРОЗОВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА

генеральный директор Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко

COMMUNITY CARE: ЗАБОТА О ПОЖИЛЫХ ЛЮДЯХ В БЛИЖАЙШЕМ ОКРУЖЕНИИ'

Сейчас в мире складывается тренд на объединение разных моделей социальной поддержки. Самое важное и самое сложное – скоординировать усилия, чтобы все участники процесса могли учитывать ресурсы друг друга и грамотно их распределять, выстраивая взаимодействие с человеком и его окружением. Мы продолжаем иногда использовать английский термин community care, потому что в России нет понятного всем устоявшегося названия, которое бы правильным образом описывало это явление. Сейчас мы чаще называем это заботой в ближайшем окружении, имея в виду поддержку уязвимых членов местного сообщества. Она касается не только пожилых людей — это могут быть и люди с инвалидностью, и семьи в кризисной ситуации и т.д. Главное здесь — опора на все ресурсы, так называемый «ромб заботы»: и государственные социальные службы, и некоммерческие организации, и бизнес, и волонтеры, и соседское сообщество. Основная задача в том, чтобы объединенными усилиями как можно дольше сохранять для человека в любом возрасте и в любом состоянии здоровья возможность оставаться в привычных условиях, не теряя в качестве жизни, независимости и вовлеченности в жизнь сообщества. При таком подходе удается обеспечить не просто набор отдельных стандартных услуг, а индивидуальный, комплексный подход к конкретному человеку с его конкретными проблемами, потребностями и возможностями. Это помогает во многом восполнять разрывы, которые есть и всегда будут в государственной социальной системе, потому что ни одно государство, даже самое богатое и самое благополучное, в силу демографических, экономических и прочих реалий не в состоянии оказывать всю необходимую поддержку уязвимым членам общества.

Конечно, какая-то поддержка уязвимых людей на уровне сообществ есть всегда, но главное, чтобы это стало регулярной и устойчивой практикой, системой.

Очень важную роль сыграла пандемия, когда мир каждого человека схлопнулся и мы оказались заперты внутри своей страны, города, улицы, дома, квартиры или даже комнаты.

¹ По материалам интервью Татьяны Дроздовой с Марией Морозовой специально для СоциоДиггера.

Тогда стало понятно, что часто на помощь могут прийти лишь те, кто рядом. И действительно, был огромный всплеск соседской взаимопомощи, волонтерской активности, активности некоммерческих местных организаций, благотворительности местного бизнеса.

Особенно сильно пандемия ударила по пожилым людям: на них наложили требования так называемой полной самоизоляции: они не могли выйти за продуктами, дойти до банкомата и снять пенсию, прогуляться, посетить врача. Поэтому в марте 2020 г. мы запустили антикризисный проект, чтобы находить таких запертых, невидимых для системы и общества одиноких пожилых людей и помогать им. В компании с альянсом «Серебряный возраст» создали коалицию «Забота рядом», объединив НКО, работающие с пожилыми людьми в различных регионах России. За время работы коалиции (к счастью, она продолжает работать и развиваться) было найдено 9 тысяч таких одиноких невидимок. А сегодня помощь оказывается уже не только одиноким пожилым людям, члены коалиции заботятся о 110 тысячах старших граждан.

Такая практика заботы со стороны тех, кто рядом, заставила нас посмотреть, а что вообще есть в стране в этой сфере. В июле 2020 г. был запущен пилотный конкурсный проект «Ближний круг»: мы хотели найти лучшие практики по всей стране, изучить их, описать, по возможности тиражировать в регионы. Пришло почти 500 заявок, за год мы поддержали 52 практики. Приведу пример двух проектов, иллюстрирующих координацию действий разных агентов заботы.

В Тюменской области вместе работали «серебряные волонтеры», учреждения социального обслуживания и местный геронтологический центр. Волонтеры оказывали помощь уязвимым представителям старшего поколения и людям с инвалидностью, а центр и соцзащита поддерживали самих волонтеров — организовали курсы психологической поддержки, сопровождения, обучения волонтеров, чтобы они могли делать качественнее свою работу и при этом не выгорать.

Еще один проект — с Российским геронтологическим центром РГНКЦ и московским волонтерским объединением СВОД. Представьте, что происходит с одиноким пожилым человеком, оказавшемся в точке разрыва социальной системы, например, в ситуации, когда он выписывается из геронтологического центра после лечения. Конечно, его должны «подхватить» местные органы соцобслуживания или поликлиника. Но проблемы начинаются сразу после выписки: как добраться до дома, купить продукты, приготовить еду, обратиться в поликлинику и встать на учет. В рамках проекта такому человеку врачи предлагают воспользоваться услугами волонтеров, которые организуют индивидуальную программу сопровождения, могут встретить и отвезти домой, передать информацию в поликлинику или в социальную службу и т. д. И после этого они остаются на связи, курируют, сообщают в геронтологический центр о ходе адаптации, советуются с врачами и т. д.

Наверное, полностью системной такую помощь сделать невозможно, потому что в каждой конкретной ситуации будет какая-то своя индивидуальная программа. Но можно выработать навыки и подходы к координации усилий, когда медучреждения, учреждения соцзащиты, волонтерские группы, НКО в рамках подобных проектов учатся алгоритмизировать совместную работу.

Чтобы создать работающую хотя бы в типичных ситуациях модель, для начала нужно понимать, о чем спрашивать пожилого человека, стремясь получить общую диагностику его состояния. Специалисту нужно быть готовым к работе с ослабевшим пожилым человеком. Волонтеры тоже могут описать, что обычно происходит, с какими типичными ситуациями они сталкиваются, на что нужно обратить внимание, что сделать в первую очередь, какая потребуется информация.

Накопленный опыт постепенно превращается в модель, которой уже можно делиться, которую можно сделать устойчивой. Например, в рамках проекта «Ближний круг» мы не просто находим и поддерживаем нужные практики, но и описываем их, чтобы формировался банк данных полезной информации.

Мы стараемся продвигать эту тему в первую очередь на региональном уровне. Например, третий модуль проекта «Ближний круг» нацелен на организацию региональных площадок, где встречаются представители муниципальных властей, НКО, местных сообществ, и где происходят популяризация и в хорошем смысле слова «продажа» подхода. Давно продвигаем эту тему на нашей конференции «Общество для всех возрастов» — важно ведь не только на уровне практиков, но и на экспертном уровне формировать представление о современном уровне заботы об уязвимых людях.

Наш подход через комплексную и своевременную поддержку пожилого человека в месте его проживания и со стороны ближнего круга представляется самым современным, устойчивым и качественно работающим. Отсутствие такой поддержки часто приводит к ухудшению здоровья, психологического состояния человека, изоляции, нередко к попаданию в стационар или в дом-интернат уже в очень тяжелом состоянии. Отрыв от привычной среды в свою очередь очень травматичен, смена образа жизни и места жительства часто приводит к еще большему ухудшению здоровья, преждевременной смерти. Поэтому самый естественный способ помогать — это приближать помощь к месту, где человек живет. А решений может быть множество.

Самая большая наша проблема, в частности, в социальной сфере — это разобщенность. Системы здравоохранения и соцобслуживания существуют отдельно, до сих пор не появился медико-социальный патронаж, когда человеку на дому комплексно оказываются медицинские и социальные услуги. Помимо межведомственной разобщенности, государство очень часто не видит или не ценит другие ресурсы, существующие на той или иной территории. НКО тоже склонны решать проблему в одиночку, не заявляя о себе, не предлагая себя как партнера тому же государству. Обе стороны должны увидеть друг друга: только государственная или только соседская, или только волонтерская, или только помощь НКО не заменят собой все, что нужно уязвимому человеку. Человек един, и пока его, со всеми его проблемами, потребностями, возможностями не поставят в центр внимания, пока не скоординируют вокруг него все ресурсы, подход так и будет оставаться фрагментированным: вот тут социальные услуги, вот тут медицинские, вот тут НКО чем-то поможет, вот тут школьники-волонтеры пришли, вот тут соседи что-то сделали. Кто-то дублирует друг друга, а чего-то по-прежнему не хватает.

Тут не только к чиновникам вопрос, а ко всем участникам процесса и в целом к местным сообществам как к субъектам жизни на этой территории. Это вопрос зрелости самого

сообщества: когда людям не все равно, что происходит с их земляками. Именно здесь важно создать бесшовную систему вокруг людей, которым нужна помощь. Изучая опыт Израиля, посетили один небольшой населенный пункт — там был человек, который ежедневно или через день обходил всех пожилых людей и выяснял, как у них дела, не нужно ли чего. У него достаточно полномочий и информации, чтобы обратиться в разные инстанции и организовать помощь, а его координирующая и информационная роль становится связующей для всех, кто оказывает те или иные услуги.

Первый шаг во взаимодействии волонтеров и государственных центров — это неформальное сотрудничество, во время котрого отрабатывается практика. Надеюсь, что проект московских волонтеров и геронтологического центра из пилотной стадии превратится в постоянно работающую схему. Возможно, будет заключено соглашение, дальнейшие шаги будут как-то формализованы, будет прописываться ответственность сторон, возможно, к модели смогут подключиться новые участники.

Я глубоко убеждена, что начинать нужно именно с взаимного понимания пользы сотрудничества и отработки практических механизмов. Люди должны увидеть, что это возможно, и что тогда 2+2 становится больше чем 4. Это уже мотивирует дальше вместе работать.

Существует мнение, что волонтер сегодня есть, а завтра — нет. Но это движение уже достаточно мощное и укоренившееся, практики устойчивы. Есть много ассоциаций, волонтерских центров, объединений. Это не отдельные добрые люди, которые сегодня помогают, а завтра что-нибудь произошло, и они уже не могут этого делать. На индивидуальном уровне риск того, что практика может оборваться, конечно, есть, но сложился институт волонтерства, когда не один, так другой человек придет в нужное время с нужным видом помощи. Все отлажено на системном уровне. Есть волонтерские центры, у которых мощная система СRM, преемственность и доступность информации, можно проследить историю. Коронавирус, кстати, показал, что именно волонтерские объединения стали одним из важных действующих лиц по решению продовольственных проблем тех, кто находится на изоляции, государство в одиночку точно не справилось бы тогда.

Участвует и бизнес, образуя альянсы с некоммерческими организациями. Например, у «Пятерочки» вместе с НКО существует проект «Корзина доброты»: в торговом зале стоит тележка с перечнем того, что можно купить и оставить для нуждающихся людей. Все собранное потом сортируется, упаковывается и передается людям, которые стоят на учете в партнерской НКО. Таких примеров много было во время пандемии, когда фонд продовольствия «Русь» с торговыми сетями формировал продовольственные наборы для людей одиноких, многодетных, пожилых. Я уже не говорю о том, что бизнес может выступить как благотворитель, поддержав местные практики заботы и ключевое в системе такой заботы в ближайшем окружении в том, что все ресурсы местные.

В этой сфере существует немалое количество стереотипов. Так, многие считают, что уход за уязвимыми людьми — дело прежде всего семьи. В ходе исследования старости, которое было проведено при поддержке Фонда в 2020—2021 гг., по результатам

опроса «Если быть точным» 77% респондентов заявили, что помощь пожилым людям должны оказывать их родственники, 42% — что это должно делать государство. И только 17% считают, что это могут быть волонтеры или некоммерческие организации. Поэтому потребность в долговременном уходе в значительной степени скрыта, большой процент нуждающихся в уходе невидим, потому что все «вытягивает» семья за закрытыми дверями. И это порождает новые проблемы.

Родственный уход у нас практически не поддерживается, не стимулируется финансово (только неработающий член семьи может получать по уходу 1200 рублей в месяц). Хорошо, что в последнее время стали создаваться школы родственного ухода, ведь для него нужны знания, навыки, умение. Как правило, все ложится на женские плечи, порождая проблему «женщины-сэндвича», которая разрывается между членами семьи, нуждающимися в уходе и заботе: еще не выросшими детьми или маленькими внуками и престарелыми родственниками. При этом в трудоспособном возрасте у нее могут быть еще и рабочие задачи. В итоге происходит выгорание, ухудшается экономическое состояние семьи, сильно страдает собственное здоровье женщины. К своему престарелому возрасту она сама оказывается в плачевном состоянии.

Семья не должна оставаться один на один с проблемами, без передышки, без помощи. Семья — часть сообщества, и ее различными способами нужно поддерживать и разгружать. Но стереотип про исключительно семейный характер ухода за пожилыми у нас очень распространен, глубоко укоренен в культуре. С этим надо точно что-то делать.

Многие надеются, что создаваемая система долговременного ухода решит существующие проблемы. Но уже на уровне пилота понятно, что далеко не всем нуждающимся в долговременном уходе система сможет дать все необходимое: она рассчитана только на очень тяжелые случаи и предусматривает ограниченное количество часов поддержки.

Мне кажется, в условиях нашей экономической и демографической ситуации нужно в принципе пересмотреть отношение к ценности каждого. Члены семьи уязвимого человека важны для общества, это не отработанный материал, который справляется, как может, и неважно, что с ним будет потом. Если ради постоянного ухода человек вынужден уйти с работы, значит на рынке труда минус один человек. Значит, налоги заплатит минус один человек. Значит, на систему социального обслуживания и здравоохранения рано или поздно свалится плюс один человек в тяжелом состоянии. Такой комплексный долгосрочный взгляд показывает, что мы все нужны друг другу, и нужно бережно относиться ко всем нашим ресурсам, и к человеческому капиталу в первую очередь.

Чтобы система заботы в сообществе развивалась, нужно, во-первых (и, мне кажется, это сейчас постепенно происходит), повышение солидарности местных сообществ и ответственности самих людей за свою жизнь и жизнь своего окружения. Чтобы не было просто совместного выживания, когда государство что может — делает, что не может — не делает, а от нас мало что зависит. Другая культура взаимоотношения в сообществах, переход сообществ на субъектную роль — очень важная задача для нашей страны.

² В 2020—2021 гг. при поддержке Фонда проводилось исследование «Старость» для публикации на сайте «Если быть точным». Этот сайт — единая платформа для НКО, бизнеса, журналистов и представителей других отраслей, которые работают с социальными проблемами в России.

Во-вторых, если говорить уже о системе заботы, важно поставить человека и его окружение в центр внимания. Конкретного человека с его проблемами, потребностями, возможностями, особенностями — все это должно учитываться при организации заботы о нем.

В-третьих, требуется преодоление межведомственных барьеров, должна быть комплексная оценка всех особенностей ситуации и работа с конкретным случаем. При этом нужно видеть и использовать все ресурсы сообщества.

И последнее — должна быть система координации и осознанного взаимодействия всех участников системы заботы.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

ЩЕТКИНА АЛЕКСАНДРА ЛЕОНИДОВНА

президент Фонда Альцрус, общественный деятель, создатель сети Альцгеймер-кафе «Незабудка» в России

ГДЕ МЫ НА ПУТИ БОРЬБЫ С ДЕМЕНЦИЕЙ? НЕМНОГО ОБ ОПЫТЕ— ЛИЧНОМ, РОССИЙСКОМ, ЗАРУБЕЖНОМ

Когда я начинала заниматься темой деменции, у меня был только очень трагичный и болезненный личный опыт. Заключался он в том, что наша семья оказалась не готова к такой проблеме: понимали, что у моей тети болезнь Альцгеймера, но эта новость не пугала, потому что в голове были только общие знания: «что-то с памятью». Представления не имели, что означает это заболевание, с какими трудностями нам придется столкнуться. Тогда, в 2013 г., нас никто не поддержал, не было фонда или пациентской организации, куда можно было написать, позвонить и получить ответы на свои вопросы. Не было школы, где бы объяснили, что такое деменция, что нужно сделать в первую очередь, что нас может ожидать. Не было групп психологической поддержки, где можно было бы рассказать, как больно, как горько видеть близкого и родного человека и не иметь возможность ему помочь. Не было книг, которые можно было бы свободно купить и прочитать, понять, что делать. Ничего не было. Часто к нам в фонд люди так и пишут: «Вы — наша последняя надежда!», потому что больше им некуда обратиться, никто их не слушает. Люди ищут информацию и поддержку, сочувствие, ориентиры.

Наверное, самая большая проблема у нас в России — это низкий уровень эмпатии. Все так заняты выживанием, что забывают разговаривать, слушать, объяснять. Представьте, что вы вдруг оказались в чужой стране без документов, лежите в парке на скамейке, а кругом незнакомые люди, говорят на непонятном языке. Вам страшно, непонятно, что делать, куда пойти, у кого просить совета, как вернуться домой. Именно так и ощущают себя люди, которые впервые столкнулись с тяжелым заболеванием — они в другой стране без документов. И им нужен проводник — человек, который возьмет за руку, будет говорить на родном языке.

Мы в фонде стараемся быть таким проводником. Рассказываем, выслушиваем, вникаем, сочувствуем. Это тоже тяжело, но даже после простого разговора человеку уже становится легче. Теперь он знает — ему есть, куда обратиться, там его точно выслушают. Мы оказываем консультационную помощь, проводим школы, где учим родственников азам

ухода, даем маршрут, поддерживаем на группах с психологом. Информация, маршрутизация и поддержка: три кита, на которых и держится вся помощь семье. А дальше ее можно развивать в самых разных направлениях.

Что есть у них за рубежом

По счастливой случайности мой путь эксперта по деменции начался с международного форума по болезни Альцгеймера в Вашингтоне.

Там я познакомилась с опытом, практиками разных стран, которые меня не просто впечатлили, а ошеломили. Конечно, были и общие с нашей страной проблемы, такие как стигма, низкая осведомленность медицинского персонала о деменции, недостаточная поддержка ухаживающих родственников и другие. Но уровень организации помощи людям с деменцией за рубежом, конечно, впечатляет.

Там я впервые услышала про формат семейных встреч Альцгеймер-кафе, который впоследствии удалось внедрить и у нас в России. Сам формат предполагает посиделки с музыкой и чаепитием, которые помогают людям с деменцией найти новые интересы, выйти в свет, пообщаться. Социальная изоляция — это огромная проблема, не все родственники могут пойти со своим близким в общественное место, а потом объяснять, почему бабушка устроила скандал. Во всем мире формат Альцгеймер-кафе является методом социализации людей с деменцией. Кроме того, мероприятия показывают обществу, что людям с этой болезнью здесь тоже место, нужно только понять их нужды, проблемы и постараться быть к ним терпимее.

У нас в России Альцгеймер-кафе стало не просто мероприятием — отдушиной для родственников и их близких с деменцией. Сперва наши клубы (мы назвали наши встречи «Клуб Незабудка») не пользовались особой популярностью. Какое-то мероприятие, бесплатно, впервые для людей с деменцией — понятное дело, настораживало. Но постепенно люди стали приходить, потом рассказывали другим, информация распространялась. В нашем клубе родственники находят и поддержку, и заботу. Они приходят к нам, чтобы быть понятыми и услышанными, чтобы подарить своему близкому с деменцией немного счастья, чтобы увидеть его улыбку.

Как устроена система поддержки семей за рубежом? Очень многое держится на некоммерческих организациях, многим из которых уже больше 25 лет. Почти в каждом штате в США и Австралии, в каждом районе в Англии, Аргентины находятся свои небольшие некоммерческие организации, которые являются частью большой системы с главным офисом в столице. Такие отделения предоставляют разнообразную поддержку.

Больше всего мне нравится австралийская система. У каждого отделения есть адрес, пространство, куда могут обратиться родственники: записаться в информационную школу для новичков, в группу поддержки с психологом, в альцкафе, получить «тулкит» — набор брошюр для ухаживающего. Есть отдельная поддержка для молодых пациентов, для ЛГТБ-пар. Организуются встречи с юристами, с врачами, которые объясняют, что происходит и как с этим жить. Совершенно изумительная программа для детей и подростков, чьи близкие болеют. Есть даже онлайн-библиотечка, куда

можно записаться и читать книги по деменции (к сожалению, из России стать читателем библиотеки невозможно). Помимо такой точечной локальной поддержки австралийская система предлагает очень информативный сайт, круглосуточную горячую линию и, на минуточку, армию сиделок, которые могут помочь в экстренной ситуации (например, единственный родственник заболел или уехал в командировку, и некому посидеть с человеком с деменцией). Есть и эрготерапевты, которые помогают людям с деменцией на ранней стадии справляться с бытовыми вопросами. Есть даже отделение собакповодырей, специально обученных для помощи людям с деменцией: принести ключи, отвести домой, напомнить выпить таблетки. Также австралийцы постоянно устраивают различные акции по повышению осведомленности о деменции: марафоны, фестивали, забеги. Привлекают к участию известных спортсменов. Для людей с деменцией отдельно организуются программы: спортивные, социальные, творческие. К слову, Тасмания вся превратилась в большой исследовательский проект по рискам деменции. Это ли не чудо? В общем, работающая эффективная система поддержки.

Что есть у нас в России

У нас не то, что мало, — у нас практически ничего нет. Информации остро не хватает, низкая квалификация врачей, никакой горячей линии помощи. Люди предоставлены сами себе, им некуда обратиться, негде найти помощь. Мало где проходят школы, о группах психологической помощи можно услышать точечно, а для людей с деменцией, пожалуй, есть только наш «Клуб Незабудка». Конечно, есть хорошие примеры — центр дневного пребывания в Костроме, психиатрическая служба, гериатрический центр, паллиативное отделение в Петрозаводске, эффективное межведомственное взаимодействие в Астрахани, профессиональный подход к пансионатному уходу в г. Камызяк, группы поддержки и школы в Архангельске и т. д. Я очень рада, что и нам есть чем гордиться! Но по сути, это локальные инициативы, которые зависят от желания людей что-то изменить. А помощь нужна повсеместно.

Важно, чтобы система и поддержка были в каждом столичном городе. И это не так сложно, как кажется! Нужно желание местных сотрудников социальных и медицинских учреждений, некоммерческих организаций выделить немного времени, освоить и внедрить те программы помощи, которые есть и разработаны нашим фондом. Я мечтаю хоть на один шаг приблизиться к австралийской системе поддержки. К счастью, волонтеров, желающих поддержать фонд, становится все больше.

Мы находимся в начале этого пути, отстаем на много лет, но все же движемся, не стоим на месте. Еще в 2017 г. я ничего не слышала о деменции, а теперь о ней говорят все больше и больше, внимание к этой проблеме растет. Надеюсь, и антидементный план будет принят в скором времени, и что-то начнет меняться уже не локально и точечно, а глобально и по всей стране. Появятся гериатрические кабинеты и клиники памяти, оценку когнитивных функций включат в обязательную диспансеризацию с 65 лет, врачипсихиатры станут более осведомленными в вопросах деменции, процесс получения инвалидности, наконец-то, станет более гуманным. Самая моя большая мечта — появление центров дневного пребывания для людей с деменцией. Это настоящее чудо, в некоторых регионах такие центры есть, и они очень востребованы! Тогда и уход за человеком

с деменцией станет чуть легче, а родственники — чуть свободнее. А с нашей стороны, со стороны фонда, будет оказана максимальная экспертная помощь в организации такой системы поддержки семьи. Мы накопили уже достаточно опыта, делимся им и готовы делиться и дальше. Даже при этих небольших мерах качество жизни семьи будет намного лучше. И здесь действительно нужно браться за проблему всем вместе: и государству, и НКО, иначе нас всех может настигнуть волна похуже COVID-19.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

АСЯ ЕРМОЛАЕВА

лицензированный клинический психолог, психотерапевт, психоаналитик, специализируется в геронтологии. Член Ассоциации психологов в геронтологии ApsyGE региона Isère, преподаватель курса «Психология старшего возраста и мудрости» в Институте философии и психологии «Человек и мир» (Франция, Гренобль)

ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ ВО ФРАНЦИИ ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА

Французы, как и в целом европейцы, люди очень практичные. У них нет драматического отношения к старости. Что такое старость? Нет такого понятия. Есть продвижения в возрасте. Здесь пожилой человек живет полноценной жизнью: женится третий раз, путешествует. Есть ученые, профессора, психоаналитики, которые работают до 85 лет, а то и дольше. Например, президент нашей психоаналитической ассоциации — ему под 90, он читает совершенно потрясающие лекции. Такие люди на вес золота в нашей профессии, в науке. У меня есть пациенты 97 лет, которые живут самостоятельно, возделывают свой сад, ходят 10 000 шагов и у них нет вопросов, где им будет лучше. Это примерно 10% пожилых.

Чаще же, когда возраст приближается к 90, человек постепенно теряет автономию, ему трудно заботиться о себе, решать бытовые задачи, потому что он слабеет или у него появляются заболевания, которые требуют постоянного медицинского присмотра. Это воспринимается хоть и с печалью, но достаточно философски. Жизнь имеет свои этапы: сначала я в силе, командую, создаю семью, управляю всем, потом я состарюсь и мне пора быть слабым и важно уметь подчиниться этому, устроиться согласно обстоятельствам. Французы понимают, что в это время надо будет оставить активную жизнь, переехать куда-нибудь, позаботиться о себе. Заранее думают, как бы лучше это организовать.

Один из вариантов устройства жизни в пожилом возрасте — приходящий компаньон или компаньонка. Знакомство происходит постепенно, сначала новый человек приходит на несколько часов, потом время постепенно увеличивается. Устанавливаются отношения, новые привычки. Такая работа очень благодарная, и она помогает решить многие проблемы самих стариков, их близких, продлить полноценную жизнь.

Есть возможность выбрать переезд в резиденцию — здесь люди живут коллективом, но в отдельных квартирках, к ним ежедневно приходит медсестра. Они под присмотром

специалистов, но здесь нет полубольничной обстановки, где много людей, близких к переходу в иной мир. Это для объективно более-менее автономных людей.

Третий и самый распространенный вариант — дом престарелых, Maison des retraités, что переводится как дом ухода на пенсию. Обычно дом престарелых — большое, красивое, удобное здание, часто в живописном месте. Конечно, многое зависит от того, частный он или государственный, но всегда там есть сад, библиотека, место, где можно уединиться, выпить чашку кофе, куда могут прийти родственники. Здесь все отвечает потребностям резидентов, все продумано идеально.

Если старый человек в глубокой деменции, тогда переезд в дом престарелых — необходимость. Это решение принимает либо семья, либо опекун, либо специальная институция, которая опекает одиноких людей. Пожилые люди бывают упрямы и сразу переезжать не хотят, подготовка занимает время — начать разговор о переезде, съездить в гости в дом престарелых, посмотреть будущее место жизни, обсудить условия, привыкнуть к предстоящей значительной перемене всей жизни.

Некоторые приходят сами. Люди, которые не утратили когнитивных способностей, но потеряли автономию по состоянию здоровья, понимают, что так им будет удобнее жить — в учреждении, под присмотром. Переезжая в дом престарелых, они не испытывают тревоги, депрессии и шока. Надлежащий уход или сопровождение на дому стоят гораздо дороже пребывания в доме престарелых, бюджет просчитывается очень тщательно.

В доме престарелых старым больным людям легче. Решаются проблемы с заботой и уходом — родственники спокойны, медсестра рядом, врач регулярно приходит, сдаются анализы, делаются нужные процедуры, болезни под контролем. Но если человек не сам принял решение отправиться в дом престарелых, он очень быстро угасает. Статистика показывает, что люди, которые переехали в дом престарелых не по своей воле, в течение года уходят из жизни.

Первое мое впечатление, когда я зашла во французский дом престарелых, было странным: подумала, что никогда в жизни не видела столько красивых, ухоженных «живых мертвецов». Позже я выяснила, что здесь живут и вполне мобильные резиденты, кто-то ушел куда-то на прогулку, кого-то повезли в бассейн на занятия, которые им выписал физиотерапевт, кто-то в библиотеке, кто-то печет торт с поваром, читает газету в зале. Идет размеренная упорядоченная жизнь. Очень ухоженные, присмотренные старики, человеческое достоинство не нарушено. Просто эти люди уже полностью беспомощны, зависимы от внешней среды, от тех, кто будет за ними ухаживать, и поэтому находятся здесь.

Огромный контраст с тем, что я однажды увидела в доме престарелых в Латвии. Люди там жили по шесть человек в одной комнате, в коридорах тусклый свет, плохо пахнет. Позже, конечно, там построили другие дома, но тот первый, который я увидела, был похож на какой-то коллектор старых людей, где они дожидались конца, получив за небольшие деньги койку и очень скромное питание. Медицинское обслуживание в стоимость не входило, многие из резидентов попросту не могли его себе позволить.

Во Франции такое невозможно представить. Есть порядок, прописанные правила, выработанные жизнью: как надо ухаживать за старыми людьми с болезнями, за больными с деменцией, чем кормить, какие мероприятия проводить, чтобы все было хорошо. В домах престарелых работают, в частности, эрготерапевты — эти люди обустраивают место для пожилого человека, который должен переехать в свою комнату. Буквально все в обстановке учтено: какое кресло поставить, чтобы было удобно поворачиваться, какую подушку дать, чтобы удобнее было лежать, где будет стоять стол, откуда будет падать свет, как дотягиваться до своей одежды. А вообще дом престарелых — полноценная, большая часть экономики, где задействовано множество людей: строительные компании, медперсонал, производители лекарств, аниматоры, психологи.

Часть моей практики — работа с пожилыми людьми: кто-то живет у себя дома, кто-то в домах престарелых. Те, кто живет автономно, полноценной жизнью, нуждаются в том, чтобы быть услышанными своей семьей, детьми. А семья занята собственными делами. Когда человеку 97 лет, его детям 68-70, у них свои дети, внуки, и он не хочет их ранить, от них зависеть. Таким людям нужен посредник, иногда доверенное лицо, которому бы они просто рассказывали свои мысли и тревоги, делились воспоминаниями. Пожилым людям трудно обсуждать со своими родственниками какие-то чувствительные вопросы. Со специалистом — можно, психолог снимает тревогу и выслушивает, работает, как контейнер и медиатор между пожилым человеком и его семьей.

Приходится общаться и с родственниками, которым трудно принять, что родители сдали, не имеют сил, физически и морально деградируют, часто не помнят и не узнают родных. Психолог слушает, не пытаясь ничего менять, не пытаясь улучшить ситуацию, решить трудности, с которыми сталкиваются родственники. Основные принципы — уважение, внимание и принятие. Надо пережить, что мой папа больше не такой сильный, каким я его помню, когда я был маленьким. Есть ли шанс это переосмыслить, открыть заново какие-то аспекты? Это работа психолога — то, что драматизировано, может быть пересмотрено.

В доме престарелых мы проводим терапию, направленную на проработку тревоги, потери, кризиса, проживание горя, на переструктурирование личной истории. Тяжесть, которую человек несет всю жизнь, можно снять, отпустить. Здесь используются нарративный подход, групповая работа, беседы, обмен опытом. Важно организовать хороший альянс, построить отношения. Часто и психологу нужно рассказать о себе, открыть какие-то моменты собственной личной жизни. Потому что невозможно прийти к человеку, у которого за плечами в два раза больше опыта, и спрашивать, что там у вас, как вы там, что у вас на душе — без того чтобы не поделиться и своими переживаниями. Психолог в доме престарелых может себе иногда позволить быть уязвимым, несовершенным, побыть на равных, рассказать о своих невзгодах, чтобы создать доверие. Это очень успокаивает визави, он не чувствует себя в позиции слабого, ему тоже есть что сказать в утешение. Поэтому часто ты открыт, показываешь пример смелости говорить о личном и сложном, когда можно обменяться деталями личной жизни, часто драматическими деталями. И принимаешь его опыт как дар.

Работа состоит в основном в активном слушании — пытаешься не обесценить, но принять убеждения и опыт старого человека. Принять ту реальность, с которой имеешь дело, разделить чувства, подтвердить, что любые эмоции хороши, нормально и не стыдно их иметь и выражать. Показывать искреннее доверие переживаниям, о которых рассказывают пациенты: «Я слышу и понимаю ваши жалобы, я принимаю ваше состояние, давайте попробуем, что можем с этим сделать. Да, это было плохо, я вас понимаю, это было ужасно. Не знаю, как бы я это пережила».

Это также терпение и понимание: некоторые истории придется слушать по кругу много дней, и важно само присутствие и искренний интерес. Мы не подвергаем сомнению явные фантазии, мы знаем, что в них есть очень много реального смысла и содержания.

Так же как мы не подвергаем сомнению усталость от жизни и желание поскорее уйти в иной мир.

Здесь строятся настоящие отношения, невозможно обмануть это доверие. Обитатель дома престарелых — тот пациент, который не может уйти, если ему что-то не понравилось, он всегда на месте, его нельзя покинуть. Часто мы остаемся с ним до последнего дыхания, и в этом нет ничего безобразного, драматичного или страшного. Но много высокого, доброго, я бы сказала — возвышенного и чудесного. Любовь. Потому что мы не знаем, куда мы уходим и что там на самом деле. Часто старые люди спрашивают: «А вдруг там его нет? А вдруг там нет никого? А что там будет, когда я умру?» Очень много места для фантазии здесь. Можно фантазировать, можно придумывать, что будет, из сердца, из интуиции, из детской надежды.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

МИСЬКОВА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

ведущая <u>группы поддержки</u> для родственников и опекунов пожилых людей Центра «Насилию.нет»¹, семейный психолог, социокультурный антрополог, старший научный сотрудник Центра медицинской антропологии ИЭА РА

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ — ПРОБЛЕМА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

По расчетам Всемирной организации здравоохранения, глобальная численность людей в возрасте 60 лет и старше более чем удвоится в ближайшем будущем: с 900 млн человек в 2015 г. до примерно 2 млрд в 2050 г.². Старение человечества — один из самых больших вызовов, стоящих перед мировым сообществом и имеющих своим следствием множество социально-экономических и политических проблем. Одна из них — рост числа случаев жестокого обращения с пожилыми людьми. Исследования ВОЗ показывают, что в настоящее время каждый шестой человек в возрасте 60 лет и старше подвергается той или иной форме жестокого обращения³. В подавляющем числе случае субъектами такого насилия становятся родственники и члены семьи, а также сотрудники социальных служб и учреждений, на попечении которых оказываются пожилые люди. Один из неутешительных показателей глобальной статистики: лидерство в жестоком обращении со стариками в Европе закрепилось пока за Россией и странами постсоветского пространства⁴.

В Торонтской декларации ООН от 2002 г. о Глобальном предотвращении жестокого обращения с пожилыми людьми дается следующее определение этого вида насилия: единичный или повторяющийся акт жестокости или, наоборот, отсутствие необходимых действий по заботе, осуществляемые внутри любых доверительных отношений и наносящие прямой вред пожилым людям, приводящие к тяжелому и длительному стрессу⁵. Старики подвергаются насилию разного вида. Наиболее распространено

¹ Центр «Насилию.нет» включен в реестр НКО, выполняющих функцию иностранного агента.

² Жестокое обращение с пожилыми людьми. Информационный бюллетень BO3 от 04 октября 2021 года. URL: URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/elder-abuse (дата обращения:31.05.2022).

³ Там же.

⁴ Кто издевается над пожилыми людьми? Новости ООН. URL: https://news.un.org/ru/audio/2016/10/1036061 (дата обращения:31.05.2022).

⁵ Neglect, Abuse and Violence Against Older Women. UN Division for Social Policy and Development Department of Economic and Social Affairs. NY, 2013. P. 2. URL: https://www.un.org/esa/socdev/documents/ageing/neglect-abuse-violence-older-women.pdf (дата обращения:31.05.2022).

насилие психологическое, затем физическое, финансовое, пренебрежение заботой и сексуализированное. Статистика в этой сфере очень уязвима для критики, поскольку могут разниться данные, основанные на сообщениях самих пожилых людей, их опекунов в семье и в социальных учреждениях. Сложно ранжировать и социальные причины насилия, но очевидно, что в ситуациях масштабных социальных кризисов оно растет — например, за время пандемии COVID-19 жестокое обращение с пожилыми людьми стало более распространенным явлением.

Среди факторов риска подвергнуться насилию: физическое и психическое нездоровье пожилых людей, их функциональная зависимость от окружения (инвалидность); наличие психических заболеваний и химических аддикций у субъектов насилия, их физическая и финансовая зависимость от пожилых людей; конфликтные семейные отношения; дискриминация по признаку возраста в обществе и др. Среди таких факторов называется и меж- и черезпоколенная передача паттернов насилия и криминального опыта, терпимость общества к насилию.

Значимость этих факторов различается в зависимости от региона, страны или культуры. Например, разными могут быть показатели насилия в отношении пожилых мужчин и женщин. Во многих странах мира пожилые женщины чаще встречаются с риском физического и психологического насилия из-за дискриминационных социальных и культурных установок, традиционных социальных практик и обычаев. Исследования последних десятилетий, на которые ссылается ООН, показали, что насилие над пожилыми не гендерно-нейтрально: мужчины чаще выступают в качестве агрессоров; есть корреляция с полом пострадавших — пожилые женщины чаще сталкиваются с насилием; прежнее представление о том, что, насилию больше всего подвергаются люди самого старшего возраста (85 лет и старше) неверно: люди средне-старшего возраста (60+) становятся пострадавшими чаще⁶. Разные культурные традиции могут способствовать или, наоборот, противодействовать росту жестокого обращения со стариками. Например, в одних традициях пожилая женщина с возрастом набирает социальный и семейный вес и значимость, в других — ее физическая слабость повышает риски агрессии по отношению к ней. Экономическое состояние общества также может добавлять или снижать риски: в ситуации, когда старики становятся единственными держателями наличных денежных средств (пенсий) в депрессивных регионах, риск насилия над ними увеличивается.

В разных странах предпринимаются различные попытки справиться с проблемой. Применяемые стратегии профилактики жестокого обращения с пожилыми соответствуют локальной специфике, но самой актуальной мерой, по отчетам ВОЗ, является, как правило, поддержка ухаживающих лиц, позволяющая снизить нагрузку по уходу.

На этом мне как помогающему специалисту, ведущей, в частности, <u>группы поддержки</u> людей, ухаживающих за пожилыми родственниками в рамках Центра по работе с проблемой насилия «Насилию.нет»⁷, хотелось бы остановиться подробнее.

⁶ Neglect, Abuse and Violence Against Older Women. UN Division for Social Policy and Development Department of Economic and Social Affairs. NY, 2013. P. 19. URL: https://www.un.org/esa/socdev/documents/ageing/neglect-abuse-violence-older-women.pdf (дата обращения:31.05.2022).

 $^{^{7}}$ Центр «Насилию.нет» включен в реестр НКО, выполняющих функцию иностранного агента.

В психологической работе есть правило о кислородной маске, которую следует надеть на себя перед тем, как оказывать помощь другому, позаимствованное из инструкций для пассажиров авиалайнеров и получившее сейчас широкую известность и цитирование. Это правило отвечает в том числе мерам профилактики жестокого обращения с пожилыми людьми через поддержку родственников и близких, осуществляющих за ними уход. Эти люди часто становятся субъектами психологического насилия, не желая при этом его осуществлять, жестко критикуя себя за акты жестокости по отношению к пожилым близким, снимая затем напряжение от самоедства новым витком насилия и попадая таким образом в цикл, из которого очень трудно выбраться. Колесо этого цикла истощает человека, ухаживающего за близким, морально и физически. Большое число людей, осуществляющих уход за стариками, демонстрируют симптомы выгорания. Начиная с января 2022 г., выгорание в качестве самостоятельного синдрома включено ВОЗ в Международную классификацию болезней (МКБ-11). Там речь идет о профессиональном выгорании, «проистекающем от ситуации хронического стресса на рабочем месте, которое не удается успешно преодолеть». В своей практике, однако, психологи встречаются с признаками выгорания далеко за пределами только профессиональной сферы. Им страдают, например, женщины, осуществляющие львиную долю эмоциональной работы в семье, когда такая работа игнорируется и не признается в качестве нагрузки и вклада в семейное устройство другими членами семьи. Им страдают дети и особенно подростки, несущие на своих плечах груз социальных ожиданий от семьи и школы, который непосилен и не соответствует задачам в их зоне ближайшего развития. Ключевым фактором здесь является хронический стресс в результате высокой эмоциональной нагрузки и длительного перенапряжения нервной системы человека. Этот фактор вносит вклад и в выгорание людей, осуществляющих уход за своими пожилыми родственниками, особенно тяжелобольными. Невозможность преодолеть ситуацию усугубляется в их случае длительной неопределенностью и отсутствием позитивной перспективы, приводящими к ощущению загнанности в ловушку судьбы.

В группе поддержки, с которой я работаю, тема выгорания поднимается на каждой встрече. Помимо ухода за близкими, участники группы (это в подавляющем большинстве женщины) несут на своих плечах груз других повседневных семейных и/или трудовых забот: работа или поиск работы, воспитание детей, помощь в воспитании внуков, забота о мужьях. Ощущение, что из этой колеи нет выхода, постоянно сопровождает их.

Эмоциональная перегрузка часто усугубляется ситуацией так называемого предварительного горевания: пожилые близкие, за которыми осуществляется уход, могут находиться в таком физическом и/или психическом состоянии, которое указывает на потерю образа прежнего близкого человека задолго до его физической смерти, но эту утрату невозможно «легально» отгоревать, поскольку близкий человек жив.

В нашей группе есть люди, ухаживающие за пожилыми людьми в состоянии деменции разной степени тяжести. Один из постоянных вызовов, которые стоят перед заботящимися: постоянно удер-

живаться в контакте, в коммуникации, которая кажется бессмысленной и очень сильно ранит: пожилой близкий не узнает, с кем говорит, повторяет бессмысленные действия. Такая коммуникация заставляет ухаживающего человека бесконечно повторять одни и те же факты, одни и те же призывы к общению, не получая обратной связи, но при этом постоянно на нее надеяться. Эта изматывающая ситуация приводит к раздражению, которое, вкупе с тревогой, разгоняет злость и агрессию. Для того, чтобы с ними справиться, нужна профессиональная помощь, разгрузка в группах поддержки — тогда у человека появляется ресурс подойти даже к такой обедненной коммуникации творчески. Например, один из наших участников нашел способ общения с мамой, день за днем рассказывая ей ее жизнь — те истории, которые он когда-то слышал от нее самой. Тем самым он поддерживал с ней связь и успокаивал и себя, и ее.

Социальный фактор выгорания выражается в малой поддержке людей, ухаживающих за пожилыми близкими со стороны государственных и социальных институтов. В рамках государственной системы адресатами патронажа являются сами пожилые, но не люди, ухаживающие за ними. Государственная система здравоохранения и социальной помощи накладывает еще и дополнительную нагрузку: для получения помощи необходимо пройти множество бюрократических процедур, что требует мобилизации эмоциональных и физических ресурсов, которые и так истощены. Общественные организации также направляют волонтерскую помощь односторонне, но и ее не хватает в наших условиях, особенно за пределами мегаполисов, в регионах. Между тем, государственные системы социальной поддержки и здравоохранения должны быть напрямую заинтересованы в снятии дополнительной нагрузки на экономику, растущей по мере старения общества, за счет поддержки родственных опекунов.

Столкновение с медицинской бюрократией — это частая проблема, переживаниями по поводу которой люди делятся в группе друг с другом. Кто-то рассказывает о том, как тяжело бывает оформить необходимую госпитализацию или опеку для помещения пожилых в специальный санаторий, кто-то делится тем, что информирование о необходимых видах медицинской помощи практически отсутствует в самих медицинских учреждениях. Лейтмотив всех жалоб: медицинские работники и функционеры от медицины не рассматривают родственника как человека, с которым можно обсуждать схемы лечения и уходы, а ведь он за долгое время заботы о пожилом близком становится настоящим экспертом: сколько изучено электронных ресурсов, сколько налажено горизонтальных контактов! Это неуважение и даже пренебрежение также способствуют накоплению раздражения и агрессии, которая будет смещаться, увы, не в сторону бюрократических институтов, а на тех, кто ближе, и на самих себя. Люди в группе часто

«учат» друг друга тому, как стоит говорить с врачами и чиновниками, какие вопросы задавать, как и когда включать диктофоны или демонстративно доставать блокноты и фиксировать каждый ответ, чтобы одновременно показать официальным экспертам заинтересованность в общении и воззвать их к ответственности. «Выбивать» дополнительные консультации — психиатра, геронтолога и др. — приходится буквально с боем. Общий подтекст коммуникации — «Тут уже ничем не поможешь», «Что вы хотите в ее/его возрасте и состоянии», «Вам уже к другому надо готовиться» — в высшей степени унизительный и обесценивающий: как будто речь не идет о живом человеке и чьем-то родителе.

Часто человек ухаживает за близким в одиночку: расширенная семья, даже если она есть, делегирует эту задачу одному своему члену — обычно одинокой или разведенной женщине или женщине, вырастившей детей и незанятой внуками и т. п. При этом лишенный семейной поддержки человек может быть еще и объектом критики и зависти, если он, например, пользуется пенсионными средствами пожилого близкого или претендует на наследование его имущества. Складывается такая семейная атмосфера, когда делегирование, перераспределение обязанностей по уходу не обсуждается и даже маркируется как «аморальное» для возможного инициатора такого обсуждения. Специалисты же знают, что с выгоранием невозможно справиться без пересмотра и перераспределения нагрузки, так же как и без профессиональной психологической помощи, на которую часто нет средств, времени и морального одобрения окружающих.

В группе есть люди, для которых сложности в отношениях с братьями и сестрами или со взрослыми людьми, когда речь заходит об уходе за пожилыми родителями, становятся отдельным важным фактором, формирующим риски выгорания и агрессии.

В наших условиях важным фактором риска насилия в отношении пожилых близких становятся и разного рода коллективные травмы и сформированные ими стратегии выживания, при которых из поколения в поколение передается поведенческая модель избегания эмоциональной интимности в семье. Стратегия поведения бойца, который не может позволить себе «прикасаться» к эмоциям, обеспечивала когда-то собранность перед лицом разного рода социальных угроз: начнешь чувствовать — утонешь в бесконечном горе по множеству утрат, начнешь горевать —начнешь переживать злость от лишений, а это небезопасно; следовательно, лучше оставаться в героической позиции. К тому же горе — это комплекс коллективных эмоций, требующих социальной легитимации и пространства для символизации, разного рода ритуалов. Если же общество всегда обязано быть героическим, то пространство для выражения горя очень ограничено. Такая позиция изолирует от целого спектра эмоций, а, следовательно, отчуждает человека от самого себя и своей телесности, и, как результат, — от полноценных отношений, ведь в отношениях система саморегуляции и адекватного реагирования на окружение жизненно необходима. Со временем, со сменой поколений, обоснованность противостояния реальной угрозе теряется, но верность стратегии остается. И то, что не проговорено в предыдущих поколениях, становится невозможным для рефлексии в поколении текущем. Такой эмоционально-поведенческий паттерн очень ограничивает близость в семье и препятствует обращению к воспоминаниям, наполненным разными эмоциями и моментами близости, как к ресурсу в ситуации ухода за тяжелобольным пожилым близким. Это открывает дополнительный шлюз для насилия: человек одновременно не признает возможности злиться и перенаправляет, трансформирует непризнанное чувство в вину, а затем в агрессию против себя и другого. Ровно так же и сам пожилой, страдающий близкий, привыкший крепиться и контролировать себя, не «сдается» чувствам и не может безопасно «разместить» их в своем окружении.

В группе мы много говорим о том, как обнаружить в себе любовь к родителям, которые на протяжении всей жизни были эмоционально холодны и недоступны, и для которых «военные действия» в семье и сейчас являются единственным понятным способом поддержания контакта. Пожилые близкие не мыслят себя зависимыми от детей, хотя и ощущают свою беспомощность. Они требуют к себе внимания, как дети, но ведут себя при этом очень властно и обесценивающе, и этот перевертыш семейной иерархии очень угнетает. Справляться в таких случаях помогают опорные воспоминания об эмоциональной близости в семье. Если же их нет, то у ухаживающего человека возникает искушение идентифицироваться с теми формами поведения, которыми грешили когда-то их родители по отношению к ним: властностью, авторитарностью, жесткостью, сухостью, дистанцированием, наконец, психологическим и физическим насилием. В группе мы много внимания уделяем нормализации чувств, с которыми человек сталкивается, когда сам оказывается в роли обесценивающего родителя, и когда теряет последнюю надежду получить от родителей тепло и близость. Мы много говорим о времени и поколениях, для которых чувства и их выражение были чем-то запретным и опасным.

Все перечисленное становится социальным фоном, на котором человек, ухаживающий за пожилым близким, и сам этот близкий оказываются запертыми в цикле насилия, из которого как будто нет выхода. Субъект насилия стигматизируется, а пожилой человек лишается всякой субъектности. Насилие остается за закрытыми семейными дверями или дверями учреждений, замалчивается, а редкие свидетельства о нем обесцениваются беспредметным порицанием. Между тем, выход, разумеется, есть, и поиск путей к нему начинается с анализа факторов риска на всех уровнях и всеми заинтересованными агентами помощи особенностей проявления насилия в зависимости от разных социальных контекстов, а также легитимации проблематики как общественно значимой, затрагивающей каждого человека, задумывающегося о своем жизненном цикле и возрастных перспективах.

МИЗИАНО ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат искусствоведения, Россия — Италия. С 2015 г. работает над многоэтапным проектом «Удел человеческий». С 2010 по 2014 г.— президент Совета фонда Манифеста (Амстердам). Автор многочисленных статей, каталогов, а также книг «"Другой" и разные», «Пять лекций о кураторстве», «Curator Without a System. Viktor Misiano: Selected Writings» и др. Почетный профессор Университета им. Алвара Аалто (Хельсинки)

ВОЗРАСТ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МОЛОДОГО И СТАРОГО ХУДОЖНИКА

Т. Дроздова: Понятие «молодой художник» присутствует сегодня в анонсах мероприятий и проектов, в образовательных программах, в условиях конкурсов на получение грантов, в кураторском кругу при организации выставок. Что это за позиция — молодой художник в системе современного искусства?

Виктор Мизиано: Мне нравится ваше использование понятия системы искусства. Ведь и в самом деле объяснение многих реалий современной художественной жизни следует искать не только в сфере художественных представлений, но и в том, как организован сегодня художественный процесс. Фигура молодого художника воспринимается современной системой искусства достаточно амбивалентно. С одной стороны, именно от молодого поколения следует ожидать какого-то радикального художественного обновления, с молодым художником мы связываем будущее искусства. И действительно, молодой художник имеет больше шансов творить в отдаленной перспективе, чем тот, кто уже достиг некоторого возраста.

С другой стороны, это представление в значительной степени уже скорректировано, снято с повестки дня. Я позаимствовал у Анатолия Осмоловского (того периода, когда он был молодым художником) фразу-идеологему: «Поколение убивает поколение». Эта метафорическая формулировка восходит к началу XX века, к эпохе авангарда и модернизма и к их последующим историческим изводам в послевоенную эпоху, т. е. к неоавангарду и неомодернизму в 60—70-х годов. Было так и в переломные 90-е годы. В моменты, когда радикально меняется устоявшаяся картина мира, закономерно появляется запрос на революционную, наступательную, ниспровергающую статус-кво

¹ Интервью Татьяны Дроздовой с Виктором Мизиано специально для СоциоДиггера.

позицию, и новое молодое искусство закономерно проявляет большую чувствительность к актуальным вызовам. Маяковские, Малевичи, Аполлинеры, Дюшаны и прочие — все это были довольно молодые люди. С этого умонастроения началась эпоха современности, и с ним она и закончилась. Сегодня мы уже живем в эпоху постмодернизма или даже постпостмодернизма.

В последующем историко-культурном развитии произошла адаптация идеи новизны. В современной эпохе все время приходит нечто новое, настрой на обновление стал общим местом. Актуальные художники несут в себе повышенное внимание к изменению ситуации, мобилизованное страхом не попасть в новую волну, не ухватить изменения, выпасть из контекста. Мой хороший друг, выдающийся художник, поэт Дмитрий Александрович Пригов как-то обронил: «Когда я, смотря на что-то, скажу — это не искусство, то вынужден буду признать, что я стар». Настрой на обновление уже вошел в генотип современной культуры. С этой точки зрения молодой художник, который обладает большей открытостью, свежестью восприятия, меньше скован наработанными приемами, подходами, представлениями, конечно, имеет преимущества.

С другой стороны, у зрелого художника есть опыт, в том числе опыт преодоления статускво, догматов. У него сильнее развиты аналитические способности, он может раньше отследить, а главное, продиагностировать, описать, понять внутренние механизмы действия нового. Поэтому перед лицом изменений у зрелого художника не меньше, а может и больше ресурсов, чем у молодого. Очень часто у молодых художников наблюдается больше догматизма, одномерности, конформизма: приходя в культуру, они тут же «прыгают» на некий тренд, который претендует на то, что он есть искусство будущего, и принимают его недостаточно гибко, ортодоксально. Зрелые же художники работают с новыми трендами подчас более интересно. Или, по крайней мере, понаблюдав уже за свою жизнь многоразовую смену трендов, не торопятся себя с ними отождествить.

Вы правы, ссылаясь на индустрию молодости, она формируется, развивается. Годы тому назад, когда создавалась первая частная премия в области современного искусства (которая стала потом премией Кандинского), она должна была быть премией молодых художников. Помню, беседуя тогда с одним из консультантов премии, я сказал: «Вы хотите давать молодым художникам 40 тысяч евро, в то время как у живого классика современного искусства Бориса Орлова нет даже каталога, обобщающего то, что он создал за свою жизнь». К сегодняшнему дню у Бориса Орлова есть уже много каталогов. Впрочем, и сама премия не стала эксклюзивно премией современного искусства, она адресована разным поколениям. И это симптоматично.

Но в целом модернистское, авангардистское представление, что у молодости есть некие повышенные права на перспективу и поэтому она заслуживает приоритетного внимания, сохраняет свою инерцию. Как сохраняет инерцию весь проект модернизма,— сколько бы на протяжении нескольких десятилетий его ни критиковали и ниспровергали, заменяли модернизм постмодернизмом, а авангард поставангардом, сколько бы ни говорили о постисторической эпохе.

Рынок заинтересован в отслеживании нового молодого искусства не потому, что оно молодое, а потому что оно новое и чревато прорывами. Этот новый ресурс надо

своевременно оценить на перспективность и капитализировать. А капитализация состоявшегося не всегда перспективна: оно уже зафиксировано, уже описано, уже наличествует.

Индустрия поддержки молодого искусства связана еще и с тем, что молодой художник находится в ситуации формирования своего творческого проекта, он еще только ищет себя, двигается методом проб и ошибок, он уязвим, не встроен в рынок, не имеет ресурсов. Молодым художникам надо дать шанс на интеграцию — отсюда резиденции, стипендии, гранты, scholarship, поддержка стартапов, как в программе на «Винзаводе».

А кроме того, молодой художник в силу своей невстроенности в систему, является антисистемным агентом, что чревато протестной, деструктивной активностью. Поставить его в «стойло», примирить с системой с помощью стипендий, грантов, премий и тому подобное — вполне логичная, хотя и лукавая стратегия власти в культуре и в обществе.

Есть еще эйджистская инерция молодого художника, которая, впрочем, сегодня преодолевается. Приведу пример такой инерции. Я принимал участие в создании биеннале современного искусства «Манифеста», которая со временем стала крайне авторитетной, по сути, третьей в Европе по значимости. Это была биеннале молодого искусства и молодых кураторов, появившаяся как ответ на падение Берлинской стены, на объединение Европы, на ощущение радикального обновления европейского мира и мира вообще, случившееся в 80-х — начале 90-х годов. Тогда было представление, что новые поколения будут жить совершенно в ином мире постхолодной войны, «после стены», after the wall, и что это совершенно другие люди. Но этот авангардистский миф довольно быстро выдохся. Когда в 2014 г. «Манифеста» пришла в Петербург и экспонировалась в «Эрмитаже», ее куратору Касперу Кенигу на тот момент было более 70 лет. И представленные на этой выставке художники были отнюдь немолоды, там было много живых классиков: Брюс Науман, Борис Михайлов и так далее. Чувствительные к искусству кураторы понимали, что эксклюзивная ставка на молодых художников не помогает разобраться в очень актуальных проблемах. Началось это на выставке в Любляне, в стране, которая несла в себе память о недавних войнах на территории бывшей Югославии. Тогда «Манифеста» откликнулась на события и поставила проблему границ — географических, политических. И стало понятно — чтобы дать ответственный, интересный, комплексный, серьезный ответ на поставленные вопросы, нельзя ограничиваться молодыми художниками, это будет сужением возможностей для разворачивания темы. Тогда кураторы сделали шаг в сторону художников старшего поколения, и этот процесс завершился к 2014 г.

Сегодня возрастные ограничения все больше и больше производят впечатление чего-то искусственного. Нарочитая аффектация молодости звучит довольно фальшиво, как тактический маневр молодых карьеристов, как попытка привлечь к себе больше внимания и получить больше возможностей к продвижению. Я с некоторым раздражением отношусь к практике, ставшей сегодня довольно распространенной: отказываться от использования полного имени. Они не Александры, а Саши, не Дарьи, а Даши. Есть в этом что-то странное. Им станет 50, 60, а они все будут Машами и Глашами, Петями и Митями. Этот эйджизм выдает, возможно, неосознанные социальные страхи перед большим миром и желание избежать ответственности за него.

Если вернуться к упомянутым в Вашем вопросе грантам, то, конечно, должна быть поддержка молодых художников, но не обязательно молодых людей. И современная инфраструктура движется к этому принципу — например, университетские программы, проекты становятся открытыми для людей разных поколений. Можно получить художественное и любое другое образование в любом возрасте. Конечно, здесь есть экономический мотив: если человек в 60 лет решил стать художником, то будем учить шестидесятилетнего, потому что он платит. Но в любом случае, эйджистские ограничения сегодня корректируются.

- **Т. Д.:** Мы говорили о частом несоответствии статуса молодого, начинающего художника и календарного возраста. А есть ли примеры открытия новых имен среди зрелых с точки зрения календарного возраста людей?
- **В. М.:** Первым на ум пришел очень известный и уже покойный итальянский дизайнер Этторе Соттсасс. Три эпохи в развитии мирового дизайна были связаны с его именем, причем революцию постмодернистского дизайна в 80-е годы он осуществил, будучи в возрасте уже далеко за 60.
- Я бы сказал так: сегодня статус молодого художника можно связывать с периодом, когда он, независимо от возраста, входит в искусство, ищет себя. Если же художник себя нашел, то независимо от того, молодой он и рано сформировавшийся или уже давно сложившийся, они равны в своем праве на полноценное разворачивание своего проекта в диалоге с актуальными процессами. Зрелый в возрастном смысле художник тоже неизменно обновляется, ищет новые ресурсы в своем проекте или начинает новый. В этой фазе поиска нового проекта он опять становится молодым, опять может оказаться в ситуации неуверенности в себе, повышенной заинтересованности во внешнем одобрении. И как куратор могу сказать, что при подготовке выставки я связываю новое не столько с новым именем, но и с новой работой ненового художника, как и с художниками нового региона, как и художниками новыми для нашего контекста, т.е. еще у нас неизвестных. Ресурсы современной глобальной художественной сцены столь богаты, что свести новизну к возрасту будет явным ограничением...
- Т. Д: А как, на Ваш взгляд, спрос на молодость связан с инвестициями в искусство?
- **В. М.:** Капиталистическое общество всегда смотрит на молодого художника с тем, чтобы инвестировать в него и иметь затем некую прибавочную стоимость. Есть представление, что вот появляется молодой талантливый художник, мы в него вкладываем деньги, а потом он становится известным, его работы начинают много стоить и мы за счет произведений, которые он создал на наши деньги, еще не будучи известным, оправдаем наши в него инвестиции. Назовем эту логику «синдромом Ван Гога» то есть синдромом неизвестного гения, чья инновативность мешает осознать его значимость, но со временем эта инновация усваивается и, тот, кто раньше других распознал в нем гения и приобрел его произведения, становится мультимиллионером. Этот механизм уже не работает. Современное общество усвоило вкус и открытость к новизне, поэтому новаторы отслеживаются и фиксируются очень рано. Их эксцентриады никого не пугают, наоборот, на этом строятся многие карьеры, стратегии успеха: на радикализме, на вызове, на экс-

плуатации чего-то, нарушающего нормы, подчас даже этические. К тому же в обществе уже сложилось представление, что новое высказывание ценно своей комплексностью, сложностью, внутренней состоятельностью, а не внешними выбросами.

Но главное в другом: сегодня далеко не каждый успешный известный художник — дорогой. Многие инновативные практики уже не рыночны в прямом смысле слова, на их продукт часто нельзя повесить ценник и продать. Перформанс или видео, исследовательские или гуманитарные проекты — инновативное искусство по большей части уходит в сферы, которые требуют инвестиций, но не дают капитализацию на выходе. Тут вообще нужен отдельный разговор о радикальном изменении современного общества, которое все меньше является капиталистическим в его исходном марксовом понимании. Рынок никуда не делся, но он принимает новые формы. Молодой художник может делать научно-исследовательские проекты в лабораториях с учеными, это будет требовать только огромных денег, грантов, и ассистенты будут помогать художнику писать гранты, а вот как все это можно будет продать, абсолютно непонятно. Это вносит существенные коррективы в представление о молодом художнике как предмете повышенного инвестиционного интереса.

Поэтому охота за молодым художником с целью его капитализации оказывается не очень оправданной. Художник может стать очень знаменитым, но заработать на нем, на его продукте, оказывается нелегко, механизм уже не так прямолинеен.

- **Т. Д.:** Антиэйджизм это повестка, которая призвана наделять властью людей старшего возраста. То, что в английском языке называется empowerment: возвращать статус, ценность, голос в обществе. В искусстве есть феминистское направление, а есть ли что-то похожее в плане антиэйджистской повестки, в большей степени идеологической, что-то большее, чем формальная презентация людей старшего возраста?
- **В. М.:** Есть знаменитый календарь Пирелли. Каждый год эта фирма выпускает календари, для которых выдающиеся фотографы делают эротические фотографии очень сексуально привлекательных женщин. И года два тому назад знаменитая фотограф Энни Лейбовиц создала образы очень сексуально привлекательных, но сильно не молодых женщин. Энни Лейбовиц очень сильный автор, это художник, безусловно. Но всетаки это не территория актуального. Работ, которые задействуют проблему возраста и проблему памяти, очень много, но вот именно с акцентом на антиэйджизм таких я не припомню. Наверняка они есть, но сказать, что это стало таким мощным трендом, как феминизм, не могу.

Вспомнил еще один случай к теме в целом. В 2005 г. я читал курс лекций в Кишиневе. На первом ряду сидел немолодой человек, ему было как минимум под 50. Он ловил каждое слово, забрасывал меня вопросами, это был самый увлеченный слушатель. Потом мне рассказали, что это художник, который начал свою карьеру давно, но затем на очень долгий период перестал творить. Значительную часть своей жизни он провел в коме, вышел из нее благополучно и вернулся в жизнь. Он пропустил 15—20 лет художественного развития, и ему все было интересно. Это был старый молодой человек. Потом ко мне пришла группа коллег и художников из Кишинева, я вспомнил этот случай.

И оказалось, что один из молодых художников — его сын, и оба в искусстве сверстники. Вот такая удивительная история.

Т. Д.: Удивительная! Я отметила для себя, что пока что художники раскрывают тему возраста в основном через демонстрацию, дестигматизицию старого тела: оно появляется на фотографиях, как у Лейбовиц, в живописи, в перформативных практиках. Также есть второй заход — через работу с темой памяти, здесь тоже старшим находится место.

Еще один вопрос связан с взаимоотношениями между художниками разных поколений. Как устроена культура таких отношений?

В. М.: Напрямую с вопросом связана проблема образования. Если мы ставим вопрос об уравнении прав художников разных возрастов, возникает вопрос о том, как это отражается на системе образования.

Все эти теории самообразования, разговоры про реакционность иерархичности системы образования, когда наставник оказывается в позиции тирана, в позиции власти — это все, конечно, замечательно, критика демократизирует сам институт, лишает его догматизма. Но с другой стороны, присягая на верность идеям «обучения разобучению», мы не должны забывать, что все-таки образование — это передача знаний и передача опыта. Знания можно начитать, нагуглить. А вот опыт освоения этого знания, его применения, опыт переживания процесса использований знаний сложно передать, минуя личный прямой контакт.

Я считаю, что необходим прямой контакт человека, имеющего жизненный опыт в профессии, в том же искусстве, с молодыми людьми. И распределение ролей «учитель — ученик» остается, и при всем ниспровержении эйджизма в ту или иную сторону отказаться от него было бы неверным.

Есть то, что в современных творческих учебных заведениях уже установилось: очень живой, не иерархичный контакт между учеником и учителем. Это общение, передача знаний, причем в двух направлениях, потому что учитель сам многому учится у своих учеников, раньше ученика распознавая в каком-то знании потенциал, раньше, чем ученик, понимая, как использовать его в своей работе. Это процесс, в котором учатся оба. Но тем не менее, миссия передачи знания от более опытного к менее опытному остается основой образования.

Я нигде не преподаю, но иногда меня просят, например, выступить оппонентом на защите диплома или на защите диссертации, в таких случаях ко мне обращаются по имени и отчеству. Для меня это свидетельство того, что патерналистские отношения в нашей официальной системе образования еще очень сильны. А когда я преподавал в Италии в Миланской Новой академии, то студенты ко мне обращались на ты. Это такое братство людей одного цеха и в нем очень коллегиальная, неиерархическая форма обращения. Думаю, что наша система образования тоже должна проделать путь по демократизации и развенчанию учителя, освобождению его от тех или других атрибутов власти. Передача знания — это передача знания коллеге, человеку, равному по статусу. В творческой же, художественной сфере процесс образования, чтобы быть

эффективным, особенно должен носить творческий характер, характер совместного проекта учителя и учеников.

- **Т. Д.:** Сейчас, когда, кажется, бесконечно совершенствовать свою технику художнику смысла не имеет, куда можно расти с возрастом?
- **В. М.:** Все зависит от того, в какой сфере и в рамках какой эстетики он работает. Сохраняется много практик, где художнику есть куда двигаться, развивать и усложнять свою работу, находить новые повороты в ней, раскрывать новые ресурсы. Это нетрудно заметить, посмотрев работы крупных художников или кинематографистов например, ранний фильм Антониони и его же фильм, созданный им в эпоху расцвета.

Многие художники — увы! — с какого-то момента обречены на сомовоспроизводство или переходят в совершенно иные сферы творчества. Например, живописцы Джулиан Шнабель или Роберт Лонго — американские звезды 80-х годов, в 90-е годы, когда художественный процесс повернул в сторону концептуальных акций, перформансов, инсталляций и прочее, сумели найти себя в кино. Шнабель, например, стал заметной фигурой в творческом кинематографе.

Я только что написал большую монографическую статью о молодых архитекторах, которые в начале 90-х годов объединились в группу «АртБля», создавали инсталляционные произведения, а в конце 90-х годов, когда экономическая ситуация предоставила возможность к возвращению в реальную архитектурную практику, вернулись в архитектуру. Так что эволюция может быть и такой — движение между разными практиками.

РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

СЕНАТОРОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

заместитель руководителя отдела культурно-просветительских проектов и программ, центральная универсальная научная библиотека им. Н. А. Некрасова, эксперт Санкт-Петербургского культурного форума

ИГРАЙ, ЖИВИ, ОБЩАЙСЯ— РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАРШИХ И КОММУНИКАЦИЯХ (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ СТАРШИМ В «НЕКРАСОВКЕ»)

Вроде уже май, а солнце выглядывает как будто исподтишка. Иду рассказать любимым «девушкам» о том, как не бояться смартфона, как не звонить внукам по пустякам и не травмировать их звуком телефонного вызова. Что время другое, что о телефонном звонке надо заранее договариваться, зато можно часами готовить вместе еду в скайпе, или вообще пылесосить — ну да, звук, да, болтать нельзя, но живой человек где-то в Австралии приводит дом в порядок, и на это приятно смотреть — все же родная дочь. Зачем? Сохранять контакт с близкими, чувствовать свою сопричастность и включенность. Можно просто включить скайп и не сидеть перед ним, можно показывать выращенную рассаду, ремонт в подъезде, новую дверь в квартире Тамары Васильевны — технологии позволяют. Они предлагают нам новый мир, и мы попытаемся в нем оказаться и обжиться.

Как объяснить огромный и совершенно непонятный мир интерфейсов, неочевидных кнопок, сетевого этикета и разрастающейся вселенной смайликов и стикеров, работу телеграмм-каналов, репостов и реакций на сообщения? Каждый день сотни тысяч программистов делают этот мир сложнее, предполагая, что упрощают его. Видеозвонки, кружочки, голосовые сообщения, смс. Когда лучше отправить голосовое, а когда — фотографию супа. Как создать групповой чат в ватсап и что такое никнейм. Почему важно играть в «Косынку» и «Тетрис» и почему мелкая моторика спасет от деменции. И почему есть надежда в 97 лет строить планы на поездку на море и составлять маршрут посещений музеев в Акапулько. Каждую неделю я борюсь с ветряными мельницами повальной информатизации и отвечаю на миллионы вопросов.

Перевожу все в плоскости квартиры или дома. Рабочий стол смартфона — это кухня; здесь надо убираться, и каждый делает это со своей периодичностью; кто-то любит готовить и печь бисквиты, а кто-то разогревает еду в микроволновке и держит одну вилку и одну ложку. Здесь нет правильных или неправильных людей, нет правильных или неправильных рабочих столов. Облачное хранилище — это кладовка с лыжами и консервированными огурцами, с надписями «2019», «крыжовник+апельсин».

Рассказываю в библиотеке 10—15 людям старшего возраста с разным образованием и разным бэкграундом, с разной мотивацией и разными болями, что смартфоны разрабатываются для маленьких, прямо вот двухлетних детей, чтобы они кашу ели, смотрели «Фиксиков» и ели кашу, водили по экрану — может, даже не очень чистым пальцем — и ничего не ломалось. Что не надо бояться смартфона, как машины или сноуборда, что его можно освоить и привыкнуть, что выстроятся нейронные связи и он будет ложиться в руки как что-то органичное и с вами выросшее. Что сначала мы не будем делать ничего сложного, просто поиграем. Ребенок рождается, не умея ходить, читать по-китайски и по-английски, сажать самолеты и готовить паэлью, но шаг за шагом мы всему учимся. Сначала — игра. Человек играющий: «Косынка», «Тетрис», «Шарики», «Косынка», «Тетрис», «Шарики», по 20 минут в день. Потихоньку. И это чуть ли не единственное, что приживается абсолютно у всех, все начинают играть.

Потом пройдем путь от выплевывания каши до поступления в медицинский институт — поставим кучу приложений, будем пользоваться всеми сервисами и раздавать советы по продвижению личного бренда в социальных сетях. А сейчас играть: в шашки и шахматы, в го и нарды.

А что с приложениями для здоровья? Все слышали, все хотят, но никто не пользуется. Вот не видела я ни одного живого своего слушателя, который бы мне показал свои синхронизированные тонометр и смартфон.

И главное — как общаться с теми, кто родился после 2000 г.? Что не надо пересылать поздравительные открытки, что можно поддерживать ежедневную коммуникацию мемами, что можно рассказывать о своих ощущениях. Идешь по улице, чувствуешь запах черемухи или асфальта после дождя — и можно записать голосовое сыну, не о том, что надо купить хлеба или заплатить за свет, а о том, как пахнет асфальт, прямо вот отчетливый запах и отсылает он к 1987 г., к лету, к первым купленным голубым гольфам. Миллиарды сообщений разного формата улетают каждую секунду в мире, и это не что-то содержательное и важное, это: «Я в метро», «Напротив девушка читает Ремарка, я подумала, что первый раз прочитала его, когда лежала в больнице с аппендицитом, очень жарко было», «Зайди, пожалуйста, в магазин, перец красный закончился», «Ты не помнишь, куда мы положили коробку с зимней обувью?».

Мир изменился, коммуникация изменилась, и меняется, стремительно меняется дальше. Мы живем в галантном веке, и на все есть записочки, письма, эпиграммы, и мы документируем каждый чих: в фотографиях, сообщениях, статусах. Технооптимисты даже придумали такой термин — лайфлоггинг. Мы меньше разговариваем по телефону, больше посылаем фотографий, пишем длинные голосовые сообщения, опять учимся говорить о себе, сочиняя большой роман. Как чукча из советских анекдотов, описываем

действительность в мельчайших подробностях: «Видела сейчас пятно на стене в форме улитки», «На углу строители раскопали яму и открылась брусчатка, представила, как по ней еще 150 лет назад ездили скрипучие экипажи», «Напротив меня в вагоне сидит очень противный мальчик, мешает маме писать сообщения», «В разговоре с Олей поймала себя на мысли...».

Все это надо раскрыть перед «старшими», показать новые паттерны общения в сети людей, выросших со смартфоном в руке.

А как не сойти с ума от одиночества? Как найти людей, которые также увлечены вязанием, солением огурцов, программированием, как не бояться завязывать новые знакомства, как найти компаньонов, как смеяться над одними и теми же шутками, как не показаться странным человеком в комментариях под видео, как помочь району стать чище и зеленее, как объединить соседей, чтобы нам привозили свежее молоко, козий сыр и зелень, как вернуть доске объявлений функции доски объявлений и обмениваться там информацией, распечатанной на принтере... Опять миллионы вопросов, которые старшие даже не могут сформулировать, — их невозможно загуглить, невозможно задать социальному работнику.

Хотя нет, загуглить можно многое, и видеоинструкцию в ютубе посмотреть. На все есть инструкции: как сварить кашу, установить приложение, очистить кэш, завести несколько будильников.

Но главное — объяснить, что так можно было. Можно поставить приложение кулинарного будильника на смартфоне и перемешивать 5 минут, 3 минуты ждать, на 20 минут убирать в холодильник, и 20 минут выпекать. Можно поставить напоминание по приему лекарств: с утра натощак, на завтрак, после завтрака, на ночь за 40 минут до сна. Можно ограничить экранное время, и установить себе лимит просмотра ленты. Можно отслеживать трек, как внук дошел до художественной школы, и не волноваться. Можно проконсультироваться с врачом по скайпу из Германии.

Можно, можно, можно.

Как разговаривать с ботами, и кто такие эти боты? Все о них говорят, хорошие они или плохие, полезные или вредные? Можно ли сделать бот самому, можно ли сделать стикеры самому, а как разобраться, что можно делать самому, а что нельзя? И ботов можно и несложно, и стикеры из фото соседки можно. Оказывается, все можно. Можно вести социальные сети, прекратить рассылать гифки и делать в приложениях свои персонализированные поздравительные открытки, включать режим «не беспокоить», можно дропать фотографии, можно мьютить слишком активных людей.

Можно, можно, можно.

И что со словами, с дефинициями, с определениями? Есть технологии: Wi-Fi, Bluetooth, AirDrop всех этих iPhone, iPad или iPod touch. Но есть и более страшные вещи: аккаунт, личная страница, личный кабинет. Почему нет единообразия, и чем они отличаются. Как отличить браузер от поисковых систем, и зачем вообще их отличать. И как не запутаться в их настройках... Как вообще не запутаться в этих бесконечных настройках?!?

Смартфон — это ребенок, у которого нет навыков. И каждое приложение — это навык: рисования акварелью, езды на самокате. Мы вместе с ним растем, взрослеем.

Вопросы не меняются десятилетиями, они как будто прибиты ко всем приходящим на курсы, изо дня в день повторятся. И почему-то Google не дает на них ответа, и по телевизору про них не рассказывают.

Я видела у подружки беспроводную мышь, а она намного лучше проводной?

А компьютер обязательно выключать?

А что такое спящий режим?

А как чат удалить, а то мне шлют и шлют рекламу?

А нужно ли все обновления устанавливать?

А какой сотовый оператор лучше?

А для чего нужен пауэрбанк?

А как искать каналы в телеграмме?

А как записаться к врачу?

А как найти чат дома?

А как установить фотографию на контакт человека?

А еще программисты каждый день придумывают чудеса, о которых и помыслить было нельзя в 70-е, которых не было и в «Солярисе» Тарковского. И почему эти же программисты предлагают нам жить в уже как бы наступившем будущем, но ничего толком не объясняют? Чудеса бывают разной природы. Рабочий стол, состоящий из нескольких страниц, которые надо листать на экране смартфона. Изменение масштаба изображения небрежным движением пальцем. Идентификация личности по биометрии — телефон распознает наше лицо даже с нанесенной в ванне маской. А айфоны, которые сами делают подборки фотографий, и знают, что собака — это не хомяк, а осень — это не зима?

Современному «старшему» горожанину сложнее всех. Разобраться в маршрутах транспорта, записаться в поликлинику, зарегистрироваться на мероприятия, купить электронный билет в театр — все это только через интернет. Тут хоть помогают социальные службы, многие уже смирились и даже разобрались и с платежами, и с тем, когда придет автобус на остановку, и с тем, как посмотреть расписание электричек.

«Давление скачет». А можно рассказать, где на смартфоне посмотреть давление, а можно и приложение установить, чтобы отслеживать свою метеозавимость и нивелировать ее последствия. Если и учить «старших», то вот таким милым и очень необходимым простым вещам. Не объяснять им принципы работы «железа» и параметры переустановки операционных систем — время таких знаний ушло.

Важное наблюдение: раньше меня спрашивали, какую книгу прочитать, и я объясняла, что книги моментально устаревают и ничего толком не рассказывают, просто не успевают за геометрической прогрессией обновлений и «заплаток», новых функций, слияний и нововведений. Последние года три уже не спрашивают, какую литературу можно изучить и все понять.

И еще наблюдение: на занятиях исчезли мужчины. Когда 10 лет назад я начинала рассказывать «старшим» о компьютерах и смартфонах, они были, а сейчас в Москве их нет. Можно делать разные предположения. Суммарно через мои занятия прошло около 3000 слушателей, и я помню около 20 мужчин. Всего 20.

- Надо скорее домой, телефон разряжается.
- Так заряди в машине.
- Так зарядки же нет.
- Так у меня есть.
- А куда вставлять?
- В панель между сидениями.
- Никогда не думала, что доживу до такого.

На занятиях я рассказываю, от чего можно зарядить смартфон и как у попросить постороннего человека раздать вайфай, если сотовый интернет умер. Что такое авиарежим и как отличать игры, работающие без интернета, чтобы спокойно играть в «Маджонг» в самолете на пути в Хабаровск.

Виджеты, гаджеты, юзергруппы, утилиты. Кто придумал такое количество новых дефиниций, которые, как горох насыпаются с грохотом в стакан знаний из телевизора, из подслушанных разговоров в транспорте?

Останавливаться нельзя, только движение вперед. Только шаг за шагом. Не отстаем от прогресса и определяем его.

ТРЕНДВОТЧИНГ

БОРДУНОВА АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА

магистр социологии, Манчестерский университет (Великобритания), приглашенный аналитик СоциоДиггера

КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ

В текущем выпуске собраны тексты, в той или иной мере посвященные проблеме возраста, в особенности старшего. Эти материалы сформировали наше видение трендов в области старения как в теоретическом, так и в эмпирическом разрезе. Агрегируя позиции авторов выпуска, мы можем выделить следующие тренды.

1. Понятие возраста, в отличие от понятия гендера, недостаточно теоретизировано, тем не менее в научной среде намечается тенденция к более полному осмыслению явления старости (А. Смолькин).

Растет интерес к самому понятию «старость» и предпринимаются попытки ее социологического определения. Одновременно с этим мы видим возрастающую силу барьеров для развития тренда — исследователям не хватает слов для описания процессов, связанных с феноменом старости. Новая этика и политкорректность заключают тему старения в дискриминационные рамки и ограничивают возможности говорения о старости, маркируя такие попытки как эйджистские и стигматизирующие (Т. Дроздова). Неизбежным следствием этого процесса должна стать выработка нового языка описания старости или даже нового понятия, включающего не только функциональное определение (в терминах чисел, потерь, проблем со здоровьем и т.д.), но и содержательную составляющую. Возможно, это случится в течение следующих нескольких десятилетий вместе с ростом продолжительности жизни и увеличением медианного возраста.

2. В трудовых отношениях в развитых странах доминирует **тренд Long Life Learning & Adult education** (К. Бабат), предполагающий отход от традиционного карьерного развития в сторону обучения и получения профессиональных навыков в течение всей жизни.

В России эта тенденция только зарождается, поскольку россияне имеют слабое представление о профессиональных возможностях современного рынка труда и его изменениях. Осложняет развитие этого тренда также нежелание и/или неумение российских работодателей работать с категорией старших сотрудников.

2.1. Компаниям свойственны стереотипные представления не только о старших сотрудниках, но и о младших: **тренд на прямой и обратный эйджизм** все еще воздействует на работодателей и сотрудников компаний.

- 2.2. Увеличение числа проектов в сфере возрастного разнообразия (К. Бабат) свойственно в большей степени международным компаниям, но постепенно внедряется и в российские.
- 3. В общественно-политической сфере доминирует тенденция к десубъективации старших (П. Иванов, Е. Миськова, С. Файн) — как будто общество может им предложить только развлечения в виде оригами и танцев вместо активного участия в социальной жизни.

Смещается фокус с общественной жизни на частную: есть устойчивый стереотип, что в старшем возрасте надо заботиться о себе и своем здоровье, а не об общественном благе, хотя старшие граждане составляют ядро территориальных общественных движений, поскольку обладают достаточным временным ресурсом, который может быть направлен на организационную общественную работу (П. Иванов). Тем не менее государство и общество видят в старших людях объект заботы, а не деятельных субъектов.

3.1. С десубъективацией старших связан другой тренд — увеличение дисбаланса адресации помощи (Е. Миськова).

Если для государства и общественных организаций старшие являются объектом заботы, то и помощь в такой логике следует оказывать им в одностороннем порядке. В то же время опекуны из числа родственников, на которых приходится большая часть физической и, особенно, психологической нагрузки по поддержанию жизни и здоровья пожилого человека, зачастую остаются за рамками системы поддержки.

- 4. На глобальном уровне заметно зарождение тренда на объединение разных моделей социальной поддержки (М. Морозова): волонтерская активность, деятельность благотворительных фондов и некоммерческих организаций, соседская взаимопомощь становятся важными агентами в процессе обеспечения поддержки старших людей и нуждаются в координации для поддержания баланса оказания помощи. Мощным драйвером для развития этого тренда стала пандемия, которая высветила слабые места государственной социальной помощи.
- 5. Еще один позитивный тренд связан с тем, что Дмитрий Рогозин называет «возвращением человеку интимности»: старший возраст освобождает людей, делает их более раскрепощенными в отношении секса и собственного тела. Тенденция роста внимания к здоровью и телу активно развивается на глобальном уровне и зарождается в России.

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «СТАРЫЕ ЛЮДИ — НОВЫЕ ТРЕНДЫ»

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

«Спутник» (с января 2017 г. по настоящее время) «Архивариус» (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

Анна Кулешова главный редактор и редактор по работе с авторами

Наталья Седова проектный редактор и редактор по работе с авторами

Александр Вилейкис продюсер

Яна Гудкова формирование тематической подборки данных ВЦИОМ

Анна Кокарева редактор, корректор

Ирина Упадышева редактор, корректор

Александр Дмитриев иллюстрации

Антон Соляев верстка

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

